

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» МИНОБРНАУКИ РФ

На правах рукописи

ЗЯЗИН Сергей Юрьевич

**ресурсы и риски ресоциализации
осужденных мусульман: социокультурный аспект**

диссертация

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

22.00.06 – социология культуры, духовной жизни
(социологические науки)

Научный руководитель:
Лескова Ирина Валерьевна
доктор социологических наук, профессор.

Москва - 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1 Теоретико-методологические проблемы исследования ресоциализации осужденных мусульман	18
1.1 Ресоциализация осужденных мусульман в контексте теории социализации	18
1.2. Типологические характеристики осужденных мусульман, определяющие стратегии их ресоциализации	36
Глава 2 Ресурсы и риски ресоциализации осужденных мусульман в пространстве исправительных учреждений	61
2.1. Пространство исправительных учреждений как среда ресоциализации	61
2.2 Мусульманский радикализм как фактор риска ресоциализации осужденных мусульман в исправительных учреждениях	82
Глава 3 Ресурсы и риски ресоциализации осужденных мусульман в пространстве мегаполиса	99
3.1 Мегполис как социокультурная среда ресоциализации бывших заключенных мусульман	99
3.2 Практики ресоциализации и установки осужденных мусульман: опыт эмпирического исследования	119
Заключение	158
Список используемых источников	163
Приложения	193

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Вопросы эффективной ресоциализации лиц, осужденных за совершение преступлений и оказавшихся в исправительных учреждениях, представляют большой интерес для современных обществ, основанных на принципе индивидуальной свободы и обеспечения гражданских прав. Уже в произведениях Мишеля Фуко было показано смещение представлений общества в понимании санкций за преступления с наказания на обеспечение осужденному возможности прохождения ресоциализации и восстановления своего социального статуса [159]. Обеспечение институциональных возможностей для ресоциализации преступника в исправительных учреждениях еще не гарантируют успеха этого процесса, поскольку возникают различные тормозящие факторы. В настоящее время одним из них является влияние социальной напряженности, периодически возникающей в российском обществе на почве межэтнических взаимодействий, на контингент заключенных, который также многонационален, а также – на отношение к заключенным со стороны работников пенитенциарных учреждений. Другим фактором торможения выступает приток в исправительные учреждения контингента осужденных, привлеченных за религиозный экстремизм, представители которого активно сопротивляются обязательной ресоциализации.

Сочетание этих факторов спровоцировало тенденцию, вызывающую беспокойство не только у российских правоохранителей, но и в кругах политиков и мусульманского духовенства. По оценкам эксперта, руководителя отдела по работе с заключенными и военнослужащими при ДУМ Москвы Шамиля-хазрат Арсланова, во-первых, наблюдается заметный рост правонарушений среди мусульман и потому – рост численности мусульман среди заключенных; во-вторых, в местах лишения свободы оформилось новое социальное явление – радикальный исламизм,

институциональные проявления которого в пенитенциарных учреждениях представлены в виде появившихся там соответствующих групп, получивших название джамагаты [110]. По оценкам этого эксперта, в настоящее время в России среди заключенных 30-35% составляют мусульмане. И этот слой может стать основой для быстрого распространения идей радикального ислама. Также стоит отметить, что больше половины арестованных за мыслепреступление, в частности, за написание статей и высказываний экстремистской направленности, которое регламентируется 282 статьей УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», составляют мусульмане [161]. При этом немалую долю заключенных с соответствующей культурной принадлежностью, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, составляют осужденные не в первый раз, т.е. они сопротивляются ресоциализации.

Значительная часть преступивших закон, после своего освобождения стремятся связать свою дальнейшую жизнь с большими городами-миллионниками. Они характеризуются не только высокой деловой активностью и наличием больших возможностей для трудоустройства, но также анонимностью социальной среды и высоким уровнем культурного и религиозного многообразия. Одновременно с этим следует отметить также, что именно большие города, отличающиеся множеством мест скопления больших масс людей, представляют большой интерес для реализации акций экстремистского характера. В связи с этим особую значимость приобретают вопросы, связанные с анализом эффективной ресоциализации и социальной адаптации освободившихся из заключения мусульман в принимающем российском обществе на территориях мегаполисов. В центре анализа находится процесс ресоциализации осужденного мусульманина. Однако при кажущейся ясности основных понятий «осужденный» и «ресоциализация», их научное содержание

недостаточно жестко определено. Это объясняется длительностью процесса ресоциализации, если его трактовать как восстановление утраченных социальных ролей, связей, смыслов и ценностей жизни. При таком подходе субъект социализации – осужденный – проживает несколько правовых статусных позиций: осужденного (при вынесении официального приговора суда о признании вины за совершенное преступление), заключенного (когда осужденный помещается в исправительное учреждение), освободившегося из заключения, но сохраняющего память об осуждении и заключении. При изучении ресоциализации рассматриваемой группы, такое различие правовых статусов учитывается. Тем не менее эти понятия используются как синонимы с предпочтением употребления понятия «осужденный», рассматриваемого не с позиции правового статуса, а с позиции субъекта ресоциализации, проходящего различные ее этапы.

У поставленной проблемы есть также большой гуманистический потенциал, который подчеркивает муфтий Гайнутдин: «Проявление чуткости в вопросах возвращения осужденных к полноценной и нравственной жизни на свободе – показатель нравственной зрелости общества, и я искренне рад, что мусульманские централизованные религиозные организации, наше духовенство являются активными участниками этой работы» [112]. Практическая значимость проблемы и ее недостаточная теоретическая исследованность объясняют актуальность заявленной темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Поставленная проблема находится в центре внимания прежде всего юридической и, частично, – психологической наук. Теоретические аспекты ресоциализации разрабатываются в работах Андреева Н.А., Дебольского М.Г., Злобина С.И., Ковалева О.Г., Крайновой Н.А., Морозова А.М., Оганесян С.М., Поляковой Е.А., Южанина В.Е. В них изучаются принципы и динамика

пенитенциарной политики государства, место этой системы в государственном механизме; задачи пенитенциарных учреждений.

Можно выделить работы Багреева Е.Н., Бажанова О.И., Голодова П.В., Старостина С.В. в работах которых разработан понятийный аппарат ресоциализации применительно к заключенным, разработаны правовые аспекты ресоциализации. Большое количество работ посвящено изменениям работы пенитенциарной системы в связи эмплиментацией европейских принципов деятельности (работы Зубкова А.И.,

Кадушкина С.А., Пастушени А.И., Плетневой В.И., Пономарева П.Г., Селиверстова В.И., Трубников В.М.). Можно выделить также достаточно обширный пласт исследований, посвященных социально-правовым аспектам исправления в пенитенциарных учреждениях и вопросам ресоциализации освобожденных (Рыбак М.С., Сербун П.П., Стуканов В.Г., Суровцев В.И., Уткин В.А.) Отдельным направлением исследований выступает психологическая типологизация преступников, оказавшихся в местах заключения. Эта проблематика изучалась в советский период и продолжает разрабатываться в настоящее время (работы Антонян В.М., Васильева А.Д., Игошева К.Е., Лейкиной Н.С., Познышева С.А., Сахарова А.Б., Сысоева А.М., Яковлева М.Ю., Хохрякова Г.Ф., Шаргородского М.Д.). Можно также отметить системное описание осужденных, отбывающих наказание, которое сделано было в 2010 г. по материалам специальной переписи (Данилин Е.М., Радкевич В.С., Селиверстов И.В., Сизая Е.А.).

В последние десятилетия исследуются социологические и социокультурные аспекты ресоциализации. В частности, в работах Матвеевой Е.В., Дровосековой Е.А., Мацукевич О.Ю., Фомина Н.С. изучаются нравственные аспекты ресоциализации и психолого-педагогические проблемы, вызванные актуализацией нравственного

чувства у осужденных. Роль институтов гражданского общества, в том числе религиозных, в обеспечении ресоциализации освободившихся из мест заключения рассматривается в работах Евдокимовой И.В., Савиновой К.П., Соболевой С.В., Сергеева О.А., Сивовой А.А. Социологические аспекты динамики ресоциализации осужденных в пенитенциарных учреждениях, субкультуры осужденных рассматриваются в работах Богреевой Е., Даценко Е.В., Тумарова К.С., Хлабыстова Н.В.

Эти исследования выступают основой для изучения специфики ресоциализации заключенных-мусульман. Данная проблематика в России начала разрабатываться только в последние годы. Фундаментальные исследования на эту тему пока отсутствуют. Но публикация в СМИ разного рода информации свидетельствует об актуальности этой проблемы, затрагивающей интересы общества в целом [49]. Немногочисленные работы посвящены описанию характерных черт феномена религиозной террористической деятельности (Дашаев Р.Х.). Распространение идей религиозно-экстремистской направленности в пенитенциарных учреждениях и характеристика личности религиозного террориста анализируется в исследовании Бурукина В.В., Дашаева Р.Х., Домницкого Д.Г., Позднякова А.Н., Сысоева А.М., Тимофеева Е.А., Усманова И.М., Шкуновой М.Д., Яворского М.А. Вопросы роли религии в работе с осужденными верующими исследуются в работах Жуковой А.А., Марковского К.Ю., Хакимовой Э.А., Шалыгина В.В.

Опора на эти исследования позволяет расширить предметную область темы ресоциализации осужденных, включив в нее в качестве объекта наблюдений осужденных мусульман, и выявить проблемы ресоциализации именно этого контингента осужденных как потенциальной социальной базы вовлечения в сеть религиозного экстремизма.

Объект исследования – ресоциализация осужденных в период заключения и после освобождения из мест заключения.

Предмет исследования – институциональные практики ресоциализации осужденных мусульман и факторы, тормозящие данный процесс в условиях исправительных учреждений, а также в условиях мегаполиса (на примере г. Москва).

Цель исследования состоит в выявлении специфики ресоциализации осужденных мусульман в социокультурных условиях исправительных учреждений и после освобождения в условиях мегаполиса.

Достижение указанной цели определило выдвижение следующих исследовательских **задач**:

1) разработать теоретико-методологическую концепцию исследования ресоциализации осужденных мусульман;

2) типологизировать осужденных мусульман по критерию их готовности к ресоциализации и описать специфические характеристики типичных представителей этих групп;

3) проанализировать институциональные условия и потенциал ресоциализации осужденных мусульман в пространстве исправительных учреждений;

4) определить роль религиозного экстремизма в ресоциализации осужденных мусульман в пространстве исправительных учреждений (ИУ).

5) охарактеризовать социокультурную среду современного мегаполиса с точки зрения содержащихся в ней ресурсов и рисков для осуществления процесса ресоциализации освободившихся из заключения мусульман;

6) эмпирически верифицировать гипотезу об ограниченности принятой стратегии ресоциализации применительно к контингенту осужденных мусульман вследствие дефицита в ней духовного компонента.

Гипотеза исследования. В качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о том, что предпринимаемые меры институциональной поддержки ресоциализации осужденных мусульман недостаточны для успешности этого процесса, о чем свидетельствует высокий процент рецидивов преступности среди ранее осужденных мусульман. Эффективное пресечение в России преступлений на почве религиозного экстремизма и терроризма, который реализуется под флагом ислама, обеспечивает приток в исправительные учреждения контингента преступников, оказывающих осознанное и активное противодействие системе ресоциализации и существенно затрудняющих этот процесс именно для заключенных-мусульман. В этих условиях ресоциализация осужденных мусульман должна опираться на духовные ресурсы Ислама, которые задают смысловые процессы ресоциализации. Тем самым ресоциализацию следует рассматривать не только в правовом, но и в духовном аспектах, что требует внесения корректив в организацию этого процесса.

Теоретико-методологической основой исследования является теория социализации, основы которой были заложены Э. Дюркгеймом, и которая была развита в парадигме структурно-функционального анализа (Т. Парсонса, Р. Мертона), в рамках которого социализация рассматривается как освоение комплекса социальных ролей. В соответствие с этим восстановление утраченных ролей в пенитенциарных учреждениях рассматривается как вторичное вхождение индивида в социум – ресоциализация (Д. Кеннеди и А. Кребер). Специфика субъекта ресоциализации – осужденных мусульман – определила привлечение идей Ю.Ю. Синелина и В.Ф. Чесноковой, рассматривающих религиозную социализацию как воцерковление человека, что предполагает полное погружение личности в духовные религиозные ценности, соизмерение своей жизни с нравственными нормами и заповедями религии. В

соответствие с этим ресоциализация верующего требует восстановление его духовной связи с религиозным вероучением и религиозной общиной.

Эмпирическую базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики о численности, социально-демографических характеристиках и динамике лиц, совершивших преступления. Эмпирические исследования факультета повышения квалификации и первоначальной подготовки Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академии ФСИН). А также авторское социологическое исследование, направленное на выявление религиозного фактора в ресоциализации осужденных мусульман. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе (февраль-март 2018 г.) объектом наблюдений выступали осужденные мусульмане и работники исправительных учреждений (эксперты). Всего в исправительных учреждениях Ивановской, Курской, Рязанской, Самарской и Читинской областей, Красноярского и Хабаровского краев методом стандартизированного интервью были опрошены 112 осужденных мусульман и 13 экспертов. На втором этапе (май-сентябрь 2019 г., Москва) были опрошены 168 мужчин мусульманского вероисповедания разной национальности, отбывших различные сроки наказания по первой в их жизни судимости (выборка по методике «снежного кома»); а также методом глубинного интервью были опрошены 5 имамов мечетей г. Москва (эксперты).

Научная новизна исследования. Принципиально новым является социокультурный подход к исследованию ресоциализации осужденных, которая обычно рассматривается в административно-правовом и педагогическом ракурсах. В содержательном плане научная новизна исследования заключается в следующем:

– обоснована недостаточность социоструктурного подхода к анализу процесса ресоциализации, в основе которого (процесса) лежит духовное возрождение человека, совершившего преступление;

– выделены два типа осужденных мусульман с позиции их готовности к ресоциализации и показана роль личностного потенциала осужденных мусульман-экстремистов в их негативном воздействии на всех остальных осужденных мусульман в процессе первичной фазы их ресоциализации в пространстве ИУ;

– установлена ограниченность официальной стратегии ресоциализации вследствие дефицита в ней духовного компонента, предполагающего актуализацию мировоззренческой основы мотивации возвращения к социально одобряемой модели поведения;

– выявлена неготовность администраций ИУ и институтов традиционного ислама эффективно использовать ресурсы религии для формирования духовных основ ресоциализации заключенных-мусульман и противостояния лидерам радикального ислама.

– показана амбивалентность социокультурной среды российского мегаполиса для ресоциализации освободившихся из заключения мусульман, а также факторы успешности этого процесса, важнейшим среди которых выступает мечеть и мусульманские общины;

– эмпирически установлено несоответствие деятельности традиционного ислама в пространстве исправительных учреждений ожиданиям осужденных мусульман, что проявляется в упущенных возможностях перевода процесса ресоциализации на глубокую мировоззренческую основу, тем самым обеспечив его долгосрочный характер.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ресоциализация освободившихся заключенных-мусульман является многослойным и длительным процессом по восстановлению

социокультурных ролей, утраченных индивидом в период заключения. Он проходит два этапа – пенитенциарный (первый) и постпенитенциарный (второй), отличающихся различными социокультурными условиями и воздействующими факторами. Исследование первого этапа предполагает выявление потенциала восстановления социальных функций заключенными уже в период пребывания в исправительных учреждениях. На втором этапе исследуется возможность реализовать эти функции в условиях присвоения соответствующих социальных ролей в принимающем сообществе (поселенческой общине, городском микросоциуме). При этом для освободившихся заключенных-мусульман доминирующую роль в процессе ресоциализации играет духовный наставник и религиозная община, обеспечивающая обращение к религиозным ценностям и восстановление статуса в религиозной общине как механизм восстановления социального статуса в целом.

2. В последние десятилетия произошла дифференциация осужденных мусульман на две численно неравнозначные типологические группы: большинство отбывающих наказание за преступления против личности, и меньшую часть тех, кто отбывает наказание за преступления террористической и экстремисткой направленности. Эти две категории значительно отличаются по степени религиозной убежденности и психотипам. Мусульмане, осужденные за террористические и экстремистские действия, на треть формируются из числа харизматических и убежденных преступников, распространяющих свои взгляды и вовлекающих в свою деятельность других осужденных. Они используют силу собственных убеждений и опору на радикально толкуемый ислам для блокирования усилий по ресоциализации осужденных. Сравнительный анализ типологии личности осужденных за преступления против личности и осужденных за религиозный экстремизм

и терроризм показывает высокий личностный потенциал осужденных мусульман-террористов (экстремистов) для подчинения себе окружающих, не обладающих собственными убеждениями.

3. Первичная фаза ресоциализации реализуется с опорой на образовательные, административно-правовые, силовые и педагогические ресурсы исправительных учреждений. Анализ регламента процедур и мероприятий, обеспечиваемых государственными институтами, показывает, что этот процесс рассматривается в административном ключе и касается преимущественно создания образовательной, профессиональной и психологической поддержки осужденных. Вместе с тем из официального регламента выпал духовный компонент в обеспечении ресоциализации заключенных, который для осужденных мусульман концентрируется в религиозных ценностях и духовных практиках. Выпадение этого компонента в официальной стратегии ресоциализации замещается тюремной субкультурой, что существенно затрудняет и часто блокирует ресоциализацию на уровне ИУ, а поэтому обеспечивает ее малую эффективность при возвращении лиц из мест заключения в нормальное общество. Духовные поиски осужденных мусульман могут быть также замещены агрессивным продвижением мусульманского фундаментализма со стороны осужденных за террористическую или экстремистскую деятельность.

4. Распространение религиозного исламизма и джамаатов экстремистской направленности в исправительных учреждениях вынуждает административные структуры использовать для противостояния им ресурсы криминальных лидеров, отбывающих наказание в ИУ, или применения административного запрета реализации религиозных потребностей верующих-мусульман. Обе стратегии показали свою неэффективность, что проявляется в блокировании ресоциализации

осужденных мусульман, несмотря на усилия администрации исправительных учреждений. Перспективным направлением выступает опора на сотрудничество исправительных учреждений с духовными лидерами традиционного ислама и религиозными организациями.

5. Социокультурная среда современных российских мегаполисов отличается от других типов поселения высоким уровнем развития инфраструктуры повседневной жизни, развитым рынком труда и жилья, развитой инфраструктурой досуга и учреждений культуры. В совокупности с анонимностью городской среды, высоким уровнем социальной отчужденности горожан, многонациональным составом населения и наличием различных религиозных общин, мегаполис представляет широкие возможности для ресоциализации лиц, освободившихся из мест заключения. Однако многие из этих характеристик мегаполиса содержат потенциальные риски ресоциализации, т.к. порождают и высокий уровень криминальности социальной среды, что не гарантирует позитивной адаптации. Успех ресоциализации в этой среде определяется возможностью включения бывшего заключенного-мусульманина в устойчивые позитивно ориентированные группы, которые консолидируются вокруг мечети и обеспечивают различные ресурсы для адаптации в городе. Важнейшую роль при этом выполняют семья, религиозная община, трудовой коллектив.

6. Эмпирическое исследование установок осужденных мусульман на интеграцию в повседневную жизнь мегаполиса показывает, что эти установки не имеют глубоких корней и проявляются как ожидание внешней поддержки в решении основных проблем жизнеустройства после освобождения, без актуализации собственных мировоззренческих и волевых усилий для этого. Только небольшая часть заключенных-мусульман ориентирована на поиск духовных оснований ресоциализации

и испытывает потребность интеграции в религиозную общину на свободе. Институциональная поддержка ресоциализации бывших осужденных мусульман в условиях мегаполиса ориентирована на создание адаптационных условий: обеспечение трудоустройства, поиск жилья, оформления необходимых документов и др. Однако лакуна духовного компонента ресоциализации, не заполненная на первом этапе в пространстве ИУ, препятствует мобилизации собственных ресурсов бывшего заключенного и его включению в религиозную общину, способную актуализировать мировоззренческую основу ресоциализации и расширить ее ресурсы. Поэтому второй этап ресоциализации, в условиях мегаполиса, имеет фрагментарный и дискретный характер.

Научно-теоретическая значимость исследования. Теоретические положения диссертационного исследования конкретизируют представления о сущностном содержании процесса ресоциализации осужденных, вскрывают необходимость интерпретации этого процесса как социокультурного, с акцентом на духовное возрождение осужденных. Наряду с этим проведенное исследование акцентирует внимание на том, что даже в подконтрольном институциональном пространстве исправительных учреждений процесс ресоциализации может быть заблокирован сильным негативно заряженным мировоззренческим влиянием.

Практическая значимость работы определяется потребностью осмысления факторов и динамики ресоциализации осужденных мусульман, а также оптимизации механизма их ресоциализации, особенно на первой ее фазе, когда можно осуществлять институциональную оптимизацию и контроль данного процесса, повышать его эффективность.

Результаты анализа могут быть использованы в учреждениях пенитенциарной системы; при организации работы Духовного управления мусульман с осужденных в исправительных учреждениях; при разработке методических пособий для преподавательского состава и служащих в исправительных учреждениях.

Наряду с этим результаты диссертации могут быть использованы для развития соответствующих направлений в современном социологическом знании: социологии культуры, социологии права; а также в учебном процессе при разработке лекционных курсов и спецкурсов по этим направлениям.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальностей ВАК РФ. Соответствует паспорту специальностей ВАК РФ 22.00.06 – социология культуры п. 14. Культурная социализация и самоидентификация личности.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на факультете социологии ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», а также на научно-практических конференциях и конгрессах различного уровня: III Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых памяти А.П. Починка (2017 г., г. Москва, РГСУ); XXII Социологических чтениях «Россия и современный мир: капитал, солидарность, субъективность» (2017 г., г. Москва, РГСУ); XI Ежегодной межвузовской научно-практической конференции «Неделя науки молодежи СВАО» (2017 г., г. Москва, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева); VII Международной научной конференции «Гигиена культуры: современные повседневные практики и риски» (2017 г., г. Москва, РГСУ); IV Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых памяти А.П. Починка (2018 г., г. Москва, РГСУ); XXIII Социологических чтениях «Стратегии будущего в

меняющемся мире: вопросы, ответы и ответственность» (2018 г., г. Москва, РГСУ); XXV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (2018 г., г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); VI Международной научно-практической конференции русской православной церкви и уголовно-исполнительной системы России (2018 г., г. Рязань, Академия ФСИН); 34 th International Scientific Conference on Economic and Social Development – XVIII International Social Congress (2018 г., г. Москва, РГСУ); IV Международном форуме «Религия и мир: религия и цифровое сообщество» (2018 г., г. Москва); XXIV Социологических чтениях «Россия в эпоху цифрового общества: границы, барьеры и солидарности» (2019 г., г. Москва, РГСУ); 45th International Scientific Conference on Economic and Social Development – XIX International Social Congress (2019 г., г. Москва, РГСУ); XXVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (2019 г., г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова); Международном интеграционном форуме «Приграничье – 2019» (2019 г., г. Белгород); XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения» (февраль 2020 г., Москва, МГУ им. Ломоносова); X международной Грушинской социологической конференции (апрель 2020 г., Москва).

Основные результаты исследования нашли отражение в 25 публикациях общим объемом 34,43 п.л. // 17,23 п.л., в том числе в 9 изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России (8,01 п.л. / 5,39 п.л.) и 3 статьи в БД Scopus и WoS (1,55 / 0,39 п.л.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (включая шесть параграфов), заключения, списка использованной литературы, и приложений, в которых представлен инструментарий проведенного исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ МУСУЛЬМАН

1.1 Ресоциализация осужденных мусульман в контексте теории социализации

Теория социализации берет свое начало в конце XIX – начале XX вв. Ее основателем выступает французский социолог Э. Дюркгейм. Согласно его взглядам, социализация представляет собой процесс целенаправленного усвоения важнейших знаний и навыков на систематической основе, которые передаются из поколения в поколение. Такой процесс называется методической социализацией или системной социализацией.

Стоит отметить, что первые теории социализации были неразрывно связаны с психологическими исследованиями и концептуальными схемами и лишь во второй половине XX века стали приобретать самостоятельные черты.

На сегодняшний день сформирован ряд концепций общей теории социализации.

Диспозиционная концепция рассматривает социализацию как процесс, в ходе которого происходит развитие и эволюция определенных биологических черт и способностей к приспособливанию к внешней среде.

В соответствии с психоаналитической концепцией, процесс социализации включает в себя взаимодействие таких категорий, как ИД, Эго и Суперэго. Их развитие осуществляется в динамике. Как результат – отдельный индивидуум обретает власть над своим биологическим началом.

Гуманистические традиции социализации предполагают раскрытие личностных характеристик индивида.

Согласно учению Э. Фромма, социализация человека в принимаемом обществе должна быть основана на принципах свободы и спонтанности деятельности. При этом в процессе социализации личность частично утрачивает возможность и способность к их практическому воплощению.

А. Маслоу полагает, что личностные свободы сковываются нормами общественного поведения, поскольку делается допущение о том, что отдельный человек стремится исключительно к получению удовольствий, а следовательно, нуждается в контроле, дисциплинированности и получении наказания за нарушение норм и правил общественного порядка.

Э. Гидденс, напротив, определяет социализацию в качестве источника раскрытия человеческой индивидуальности, способности мыслить и поступать, исходя из принципов свободы и независимости.

Феноменология делает акцент на активной роли индивида в процессе социализации.

М. Вебер отмечал непосредственную роль отдельного человека во взаимодействии с другими членами обществ, имеющую целенаправленный характер.

Г. Зиммель определяет социализацию как процесс раскрытия личностных качеств и свойств человека.

К. Роджерс отводит особое значение потребности индивидуума в развитии и самосовершенствовании.

Согласно концепции, сформировавшейся в русле когнитивного подхода, одним из представителей которого является Дж. Келли, социализация представляет собой процесс формирования у индивидуума личностных конструкторов (тезаурусов) и навыков оперирования ими. Они используются человеком для ориентации в социальной среде.

Бихевиористский подход, в рамках которого также разрабатывались теоретические воззрения на социализацию, и наиболее известным

представителем которого является Б.Ф. Скиннер, предполагает, что социализация раскрывает себя в социальном научении индивида нормам и правилам, принятым в данном обществе.

В соответствии с концепцией интеракционизма, одним из представителей которой является Ч.Х. Кули, формирование личности происходит в процессе взаимодействия с другими членами общества. Человеческое «Я» определяется совокупностью представлений и восприятий об индивиде.

Ролевая концепция теории социализации фокусируется на рассмотрении человека как элемента общей социальной системы, с той или иной успешностью исполняющего определенные социальные роли. В соответствии с этим, согласно Р. Дарендорфу, социализация представляет собой, прежде всего, ролевую адаптацию.

З. Фрейд, занимаясь соответствующими вопросами, уделил внимание гендерной социализации в контексте усвоения социальных ролей и общественных ценностей. При этом особо подчеркивал, что в формировании гендерной идентичности человека особую роль играют функции и поведение отца и матери в семье [157].

Т. Парсонс рассматривал процесс социализации как комплексное явление, посредством которого происходит формирование личности. Важным элементом социализации является принятие социальной роли в обществе, которое осуществляется под воздействием института семьи, школы, а также усвоения механизмов использования возможностей общественных условий, норм и ценностей в процессе обучения. Основопологающим институтом принятия социальной роли Парсонс считал школу, поскольку школьный класс выступает формальной социальной системой, в которой транслируются базовые ценности общества и в котором формируются самостоятельные отношения между сверстниками [99].

Согласно О. Конту и Г. Спенсеру, изначально любой индивид асоциален. При этом функция общества заключается в том, чтобы сформировать личность. Процесс формирования личности осуществляется при помощи различных институциональных взаимодействий отдельного человека с другими членами общества.

У. Бек рассматривает социализацию в контексте идентичности, представляющейся наиболее актуальной в эпоху глобализации. Жизнь человека уже не привязана к какому-либо определенному месту. Миграционные потоки, связанные с выбором места жительства и осуществления трудовой деятельности, стоят у глокализации человеческих биографий. Поэтому идентичность становится центральной проблемой для человека, перед которой ставятся следующие вопросы: кто я? где я? к чему и к кому я принадлежу [13].

При этом теория социализации тесно связана с теорией структурно-функционального анализа. В научной литературе можно встретить еще одну из концепций теории социализации под названием «Структурный функционализм». Данное направление в социологии получило свой рассвет в 50-60-х гг. XX века. В структурно-функциональном анализе общество выступает в качестве целостной системы, изучение которой основывается на выделении ее структурных элементов, имеющих свое функциональное назначение. Основателем структурно-функционального анализа является Т. Парсонс. Он рассматривал общество как систему, состоящую из функционально-взаимосвязанных переменных, исполняющих определенные социальные роли в процессе адаптации (приспособления к текущей окружающей среде), целеориентации (постановки целей и изыскания ресурсов и возможностей для их достижения), интеграции (поддержания внутреннего единства) и латентности (поддержания внутреннего равновесия системы), неисполнение которых влечет за собой гибель социальной системы.

Общество как социальная система представляет собой взаимодействия отдельных индивидов. Индивид является самостоятельным человеком, имеющим определенные цели и социальные установки, но, вступая во взаимодействия, он ориентируется на Другого и на совокупность ценностей, регулирующих взаимодействия в данном обществе. Социальная система обладает свойством открытости, взаимозависимости и взаимопроникновения различных элементов системы.

Таким образом, социальная система может быть представлена в двух тесно взаимосвязанных аспектах: 1) как структура, состоящая из совокупности отдельных единиц, которые обладают стабильными свойствами; 2) как совокупность процессов, в ходе которых происходит изменение свойств и отношений между структурными единицами социальной системы. Поэтому социальная система имеет два основополагающих компонента: действующее лицо и ситуационное окружение.

Ситуационным окружением для любого взаимодействия выступает культура. По мнению Парсонса, ядром общества как социальной системы выступает нормативный порядок, имеющий структурированную форму, который состоит из элементов культуры в рамках определенной культурной традиции: идей, ценностей, норм, правил, верований. При этом для обеспечения выживания социальной системы необходимо поддерживать единство общей культурной ориентации, которая понимается ее членами как основа их социальной идентичности [101].

Таким образом, теория структурно-функционального анализа акцентирует внимание на структурной организации общества, которая упорядочивает социальные взаимодействия в соответствии с ценностями и нормами, составляющими культурное пространство в жизни людей, а теория социализации концептуализирует механизм, способы и формы освоения индивидом ценностей, норм, социальных ролей в соответствии с

социальным статусом той группы, к которой принадлежит индивид. Результатом такого освоения культурного пространства оказывается адаптация индивида к механизму социального функционирования: освоение им трудовой деятельности, соответствующих ролей в соседской общине или в институтах гражданского общества, принятие доминирующих ценностей в обществе – ориентации на мобильность и инновацию или на поддержание традиционных образцов жизни и т.д. Поэтому в механизме социализации огромная роль принадлежит институтам, формирующим ценности и контролирующим их освоение. К ним относятся институты семьи, религии, образования.

На формирование ценностей огромное влияние оказывает религия, принятая в той или иной социальной среде, которая является частью культуры. Примечательно, что ослабление религии в обществе не приводит к ее полному исчезновению, поскольку система религиозных ценностей и норм формируется на протяжении тысячелетий и передается новым поколениям в значительной мере на неотрефлексированном уровне, буквально с «молоком матери». Поэтому особую функцию в процессе социализации выполняет религия.

В отечественной научной литературе встречаются два подхода к определению сущности религиозной социализации. В соответствии с первым из них, религиозная социализация представляет собой усвоение религиозных норм и ценностей. То есть, по существу, это процесс вовлечения человека или группы людей в так называемый религиозный уклад жизни, что сопряжено, в свою очередь, с усвоением религиозных ценностей и норм поведения, в результате чего происходит изменение взаимоотношений индивида с обществом, обусловленное исповедуемыми религиозными законами [129]. Согласно представлениям авторов, придерживающихся рамок второго подхода, религиозная социализация – это процесс воцерковления человека. В частности, такого взгляда

придерживаются конфессионально-ориентированные исследователи, такие как Ю.Ю. Синелина [127], В.Ф. Чеснокова [169].

Существуют и другие трактовки понятия религиозной социализации. Так, по мнению А.О. Сергеева, – это процесс формирования социальной компетентности человека, формирующийся посредством усвоения им комплекса религиозных предписаний и норм поведения [125]. Согласно Дж. Долимор, религиозная социализация – это процесс ввода в условия существования сверхъестественного [44]. Д. Шеркат считает религиозную социализацию интерактивным процессом, в ходе которого отдельные социальные агенты оказывают влияние на индивидуальные религиозные убеждения человека [174]. Российская исследовательница Т.А. Фолиева полагает, что религиозная социализация – это процесс усвоения религиозного опыта «Других» и интеграция человеком этого опыта в состав собственных религиозных ценностей и ориентаций [155].

С позиции социокультурной системы и структурно-функционального анализа на первый план выходит человек как элемент социальной структуры, который наделен соответствующими функциями в соответствии со статусом и социальной ролью. При этом имеют место социальные ожидания, сопряженные с той или иной социальной ролью, подчиненные ценностям и нормам, принятым в данном обществе. За несоблюдение «правил игры» следуют социальные санкции, в частности, за преступления следуют наказания, в том числе в виде лишения свободы. Человека, нарушившего правовые законы, исключают из социальной среды, помещают в специальные исправительные учреждения. Организация жизни в них может значительно отличаться от организации жизни в нормальном обществе, поскольку индивид помещается в систему тотального контроля и зависимости его поведения от административного распорядка жизни, установленного данным учреждением. Достаточно длительное нахождение в этих условиях, когда человек лишен

собственной ответственности за организацию своей жизни и возможности самостоятельно приобретать ресурсы жизнеобеспечения, приводит к его дезадаптации к условиям нормально функционирующего общества, по сути – к десоциализации. Поэтому в период пребывания индивида в исправительных учреждениях требуется не только создание условий для понимания им своего преступления и раскаяния в содеянном, но также создание условий для его последующей ресоциализации к жизни в нормальном обществе после освобождения.

Понятие ресоциализации или реинтеграции, которое было введено Д. Кеннеди и А. Кербером, означает вторичное вхождение индивида в социум, широкое распространение получило в научно-педагогических исследованиях с конца 80-х гг. XX века. В настоящее время понятие ресоциализации используется в различных научных и практических сферах: в социологии, юриспруденции, психологии и т.д. Исходя из этого, можно говорить о многоплановости обозначаемого им явления. По мнению С.И. Злобина, ресоциализация – это система мер, направленная на противодействие десоциализации личности, а также представляющая собой процесс повторного приспособления человека к жизнедеятельности общества [49].

При этом под десоциализацией индивидуума следует понимать разрушение и утрату ценностных и нормативных ориентаций личности, имевшихся навыков общения с людьми, усвоенных в процессе ее формирования, и одновременно – приобщение к определенной субкультуре или контркультуре, фундаментальные установки которой входят в противостояние с общепринятыми культурными ценностями [121].

Также десоциализация определяется неприспособленностью человека к социальной среде, поскольку несовпадение целей и ценностных ориентаций общности и личности приводит к разрушению в той или иной

мере социально-психологического консонанса. В данном контексте причины десоциализации связаны с возникновением отчуждения личности, охватывающего различные стороны ее функционирования [8]. Поэтому ресоциализацию человека следует рассматривать в качестве восстановления им социальных функций нормативного образца личности, обуславливающих его возврат к состоянию нормального социализированного члена общества.

Применительно к заключенным, освободившимся из мест лишения свободы, под ресоциализацией подразумевается процесс восстановления утраченных или ослабленных ими социальных связей, статуса и социальных функций (профессиональных, семейных и др.) вследствие отбывания уголовного наказания в местах заключения, а также усвоение и осознание необходимости подчинения нормам поведения и ценностным ориентациям общества [7].

Сказанное о понимании структурной организации процесса ресоциализации проиллюстрировано рисунком 1.

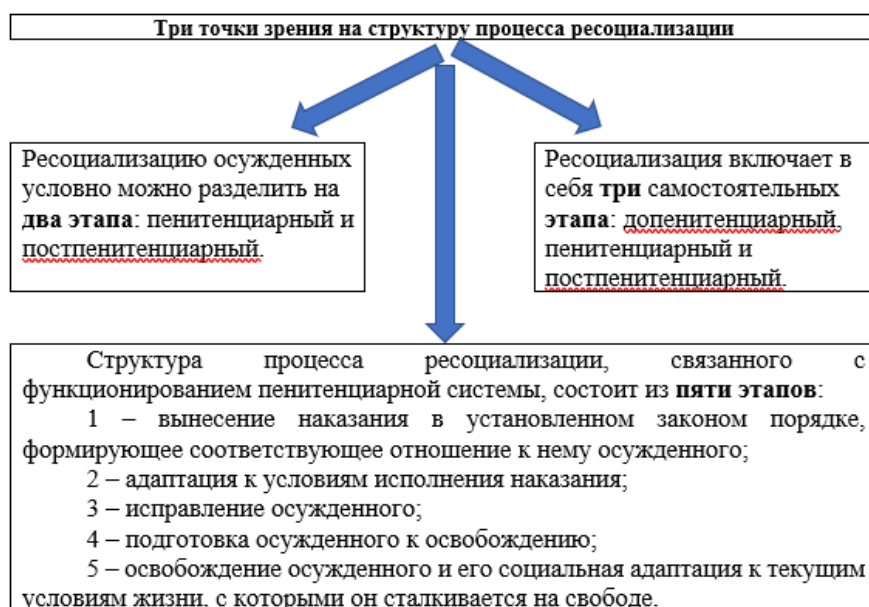

Рис. 1. Представления о структуре ресоциализации

Другая область, где активно используется понятие ресоциализации, – криминология. Здесь оно может применяться в широком и узком

смыслах. В широком смысле, согласно мнению В.М. Трубникова, ресоциализация осужденных есть процесс исправления и перевоспитания. В узком смысле она представляет собой социальный процесс, осуществляющийся в постпенитенциарный период, при котором происходят такие личностные изменения качественного характера, как пересмотр взглядов и представлений, модификации в мотивационно-волевой сфере, что выражается в правомерном поведении человека.

Порой «ресоциализация» отождествляется с «исправлением». Однако исправлением следует считать один из этапов ресоциализации, поскольку ресоциализация характеризует комплекс изменений, совершающихся в человеке, на что оказывают влияние объективные и субъективные факторы, в результате чего человек становится социализированным членом общества [61].

При этом в научных кругах получило распространение мнение, согласно которому следует разделять общую ресоциализацию и специальную. Общая ресоциализация предполагает мероприятия, обуславливающие естественную заботу общества о своих гражданах, а следовательно, не противоречит намерениям самих членов данного общества. Специальная ресоциализация представляет собой процесс, имеющий обязательный, а в тяжелых криминогенных ситуациях и принудительный характер (А.В. Чернышева) [168]. При этом Е.В. Даценко и Н.В. Хлабыстова полагают, что ресоциализация – это процесс, который длится не только на стадии освобождения преступника из заключения, но и непосредственно в течение отбывания срока наказания [38]. Вместе с тем Н.С. Фомин отмечает, что в исправительных учреждениях ресоциализация осуществляется на принудительной основе с целью изменения преступника, как того требуют правила, нормы и стандарты общества, в которое попадет осужденный после отбытия наказания [156].

С точки зрения комплексного определения понятия ресоциализации, она может пониматься как процесс восстановления человека в качестве социализированного члена общества, осуществляющийся на основе воздействия на осужденного совокупности правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер на различных этапах уголовной ответственности с целью недопущения совершения им в дальнейшем противоправных действий (Н.А. Крайнова).

Похожее комплексное определение понятия ресоциализации предлагается такими авторами, как Н.А. Андреев, В.М. Морозов, О.Г. Ковалев, М.Г. Дебольский, А.М. Морозов. Ресоциализация рассматривается как процесс, в который включены различные меры воздействия: психолого-педагогические, медицинские, юридические, социальные и которые призваны помочь осужденному, отбывшему наказание, включиться в жизнь общества на свободе [6].

Стоит отметить, что понятие ресоциализации тесно связано с понятием социальной адаптации. Однако нам представляется важным уделить внимание разведению этих понятий. В общем случае под социальной адаптацией следует считать процесс приобщения и приспособления человека к социальной среде, в результате реализации которого им осваиваются система социальных норм, статусов, установок и ценностных ориентаций. Одновременно предполагается, что ресоциализация – это многогранный, многоаспектный процесс социальной адаптации человека, совершившего преступление [77]. Также встречается мнение, согласно которому ресоциализация выступает по отношению к социальной адаптации в качестве более широкого понятия, а социальную адаптацию осужденных следует понимать лишь как разновидность ресоциализации [55].

В настоящее время в научных кругах еще не сформировано единого мнения о том, на какие этапы подразделяется процесс ресоциализации

осужденных, поскольку ресоциализация есть единый процесс, протекающий непрерывно. Согласно одной точке зрения, ресоциализацию осужденных условно можно разделить на 2 этапа: пенитенциарный и постпенитенциарный. При этом применительно к людям с отклоняющимся поведением, следует отдельно выделять элементы ресоциализации, связанные с профилактическим воздействием [138].

Согласно другой точке зрения, процесс ресоциализации включает в себя три самостоятельных этапа: допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный. Первый этап знаменуется десоциализацией личности, приведшей индивида к совершению преступления. На последнем этапе ресоциализации человек возвращается в принимающее его общество [179]. На пенитенциарном же этапе человек, преступивший закон, подвержен сильному морально-психологическому давлению со стороны участников уголовного процесса, а также родных и близких, общества в целом. На данном этапе процесса ресоциализации осужденного формируется психологическое отношение к будущему образу жизни и отношению к нему.

Глубинным содержанием ресоциализации является переосмысление смыслов и ценностей жизни. Ресоциализация невозможна без духовной работы, которая постоянно ведется человеком и проявляется в обретении им внутренней опоры, позволяющей успешно решать проблемы повседневности. Этим и обуславливается ресоциализация бывших заключенных в контексте социокультурного подхода, согласно которому общество определяется единством культуры и социальности, «образуемых и преобразуемых деятельностью человека» [68].

Сорокин П. утверждает, что структура социокультурного взаимодействия раскрывает себя в трех аспектах, имеющих между собой тесную связь. Первым компонентом структуры является непосредственно личность как субъект взаимодействия. Вторым – общество,

рассматриваемое как совокупность взаимодействующих друг с другом индивидов, имеющее определенные социокультурные отношения и процессы. Третьим – культура, рассматриваемая в качестве совокупности норм и ценностей, которым следуют индивидуумы при обоюдном взаимодействии, а также выступающие в качестве носителей этих норм и ценностей, которые «объективизируют, социализируют и раскрывают их значение». Таким образом, имеет место триада: личность, общество и культура, каждый из элементов которой не может существовать без двух других [133].

Сущность социокультурного подхода раскрывает себя в определенных принципах, которые характеризуют общество в качестве целостной социокультурной системы.

В качестве основополагающего здесь выступает принцип человеческого взаимодействия, предполагающий рассмотрение человека как активной личности. Его сущность многомерна и определяется как био-социо-культурная. Действие отдельного индивида рассматривается в качестве одного из компонентов его взаимодействия с другими членами общества. Предполагается, что конкретное действие несет в себе выполнение определенной общественной функции.

Другой принцип социокультурного подхода – принцип взаимной интеграции социальности и культуры. Данные категории имеют место в любой социальной общности, сформированной человеческими существами. Несмотря на их тесную взаимосвязь, одно не является следствием другого.

Согласно принципу социокультурного баланса, одним из условий устойчивости системы общества является баланс между компонентами культуры и социальности. Общественные функции, структура и процессы, протекающие в нем, обеспечивают равномерное удовлетворение интересов и потребностей отдельного члена социума.

Следующий принцип – принцип эволюционной необратимости общей социокультурной системы. Поиск нового равновесия нарушает целостность действующей структуры и процессов, образуя новую социокультурную систему.

В соответствии с принципом антропосоциетального соответствия, единство социальности и культуры определяется наличием общих поведенческих характеристик отдельных членов общества. Такое единство может быть достигнуто в двух типах общества: в традиционном и современном. Первый характеризуется закрытостью. Личностные характеристики должны быть подчинены общей социетальной структуре. Второй, напротив, дает свободу человеческой личности менять действующую социетальную структуру под текущие нужды и потребности отдельного индивидуума и общества в целом.

Принцип симметрии, взаимобратимости и воспроизводства социетальных процессов предполагает, что в обществе могут одновременно протекать разнонаправленные процессы. Один на каком-то этапе может перетекать в другой. Таким образом, определенные социетальные структуры или изменяются, или воспроизводятся.

Исходя из указанных принципов, с точки зрения социокультурного подхода, общество представляет собой целостную социокультурную систему, которая формируется и изменяется вследствие человеческой активности и взаимодействий с другими членами общества. Общественные функции и структура социума позволяют равномерно обеспечивать удовлетворение текущих желаний и потребностей, ценностных ориентаций и интересов отдельных индивидуумов и общества в целом. Динамика и в то же время баланс социокультурной системы зависит от процессов, протекающих в ней. Тип общества определяется антропосоциетальным соответствием. Социетальная система может изменяться вслед за текущими потребностями людей и общества в целом.

Социокультурные взаимодействия, имеющие ту или иную направленность и воспроизводящиеся на некотором временном интервале в масштабе всего общества, представляют собой социетальный процесс. Социетальный процесс обусловлен функционированием взаимосвязанных структур: жизнеобеспечивающими, статусно-дифференцирующими, властно-регулирующими, духовно-интегрирующими [68]. Для каждой структуры присущи свои средства. Для жизнеобеспечивающей структуры основополагающим средством являются деньги; для статусно-дифференцирующей – социальные нормы, ожидания, престиж; для властно-регулирующей – социальные программы и власть; для духовно-интегрирующей – ценностные ориентации, образцы поведения [100].

Таким образом, ресоциализация осужденных представляет собой комплекс материальных, ценностных и духовных мер по его реализации. С одной стороны, обретение материальных основ позволяет бывшему заключенному вернуться к нормальной жизни, с другой стороны, это невозможно без формирования правильных ценностных ориентиров и изменения смыслов жизни. Обе эти задачи решаются уже в стенах исправительного учреждения (ИУ).

Если говорить именно об осужденных и гражданах, отбывших сроки наказания, то следует отметить, что в общем случае процесс ресоциализации личности начинается непосредственно в исправительном учреждении. И от того, насколько осужденный будет готов к дальнейшей жизни в обществе, включая изменения ценностных ориентаций, зависит успешность становления законопослушного гражданина [177].

По мнению Н.А. Крайновой, за ресоциализацией осужденного следует его социальная адаптация в обществе, которая отражает успешность процесса ресоциализации личности в текущих условиях жизни на свободе. При этом социальная адаптация включает в себя психологические, нравственные, практические составляющие подготовки

отбывающего наказание к освобождению, включая усвоение социальных ролей, восстановление социальных связей. Вместе с тем для достижения успешности социальной адаптации необходимо активное участие в ее реализации государственных структур и общественных организаций, что является некоторой организационно-институциональной гарантией нейтрализации влияния отрицательных факторов, способных воспрепятствовать возвращению осужденного к нормальной жизни, включая эффективную трудовую деятельность.

Поскольку ресоциализация представляет собой процесс, ее этапы можно рассматривать как элементы взаимосвязанной системы. В частности, В.И. Гуржий и М.П. Мелентьев определяют пенитенциарную систему в качестве исправительной системы, предполагающей отбывание осужденным наказания в виде лишения свободы, а не места размещения заключенных. При этом пенитенциарная система включает в себя средства и методы правового воздействия на осужденных в целях восстановления социальной справедливости в обществе, его исправления, а также предупреждения потенциально возможных преступлений [103]. Вместе с тем С.М. Оганесян к пенитенциарной системе относит государственные органы и учреждения, в ведомство которых входит исполнение всех видов уголовных наказаний; организационно-правовые и социально-общественные институты, обеспечивающие исправление осужденных [91].

Н.А. Крайновой предложено следующее представление структурной организации ресоциализационного процесса, сопряженного с функционированием пенитенциарной системы:

- 1 – вынесение наказания в установленном законом порядке, формирующее соответствующее отношение к нему осужденного;
- 2 – адаптация к условиям исполнения наказания;
- 3 – исправление осужденного;
- 4 – подготовка осужденного к освобождению;
- 5 – освобождение осужденного и его социальная адаптация к текущим условиям жизни, с которыми он сталкивается на свободе.

В приведенном выше представлении о структурной организации процесса ресоциализации первый пункт следует отнести к допенитенциарному этапу, второй третий и четвертый относятся к пенитенциарному, пятый же пункт непосредственно связан с постпенитенциарным этапом [179].

Можно предположить, что ресоциализация заключенных-мусульман имеет свою особенность. Она определяется тем, что в формировании структуры ценностей мусульман особую роль играет духовный наставник.

Религиозная социализация начинается с выработки положительного образца традиционного Ислама, формирования доверия к религиозным институтам и духовным лицам, которые дают компетентную нравственную оценку того или иного поступка и поведения, исходя из религиозных ценностей. По мнению Т.А. Фолиевой, религиозная десоциализация предполагает утрату или деформацию человеком полученных образцов знаний и поведения религиозного характера. При этом осуществление религиозной ресоциализации предполагает полное изменение ценностных установок, непосредственно или опосредованно, косвенно связанных с религией [155].

В рамках пенитенциарной системы религиозную ресоциализацию правомерно рассматривать в качестве одного из элементов общего процесса ресоциализации и социальной адаптации осужденного. Религиозная ресоциализация – это процесс, в ходе которого происходит усвоение человеком через наработку положительных духовных религиозно-ценностных установок и ориентаций, впоследствии позволяющих заключенному, вышедшему на свободу, успешно адаптироваться в принимающем сообществе. Поэтому в процессе ресоциализации заключенных-мусульман духовное лицо выступает авторитетом, позволяющим восстановить утраченные ценностные ориентиры, обрести жизненные смыслы.

Исходя из вышесказанного, можно выделить те институты, с опорой на которые осуществляется ресоциализация и социальная адаптация осужденного и которые в разной мере оказывают влияние на различные категории бывших заключенных-мусульман. В общем случае можно выделить такие социальные институты, как пенитенциарные учреждения, религиозные общины, центры социальной адаптации и др. После освобождения для мужчины – это, прежде всего, соседская община, трудовые коллективы, религиозная община. Для женщин – семья, религиозная община. Для несовершеннолетних осужденных – семья, образовательные учреждения.

Согласно нашей, авторской позиции, ресоциализация начинается в стенах пенитенциарного учреждения, вслед за которой происходит процесс социальной адаптации в принимающее общество за пределами мест лишения свободы. Включение в процесс ресоциализации этапа совершения преступления и заключения в период следственных действий неоправданно, т.к. период переосмысления жизненных событий, выбор новых жизненных смыслов предполагает наличие более длительного временного интервала, другого социального пространства, позволяющего сравнить утраченный образ жизни и образ жизни в местах заключения, прочувствовать ценность жизни в «нормальном» обществе, ценность самостоятельного и ответственного поведения.

Таким образом, общий процесс ресоциализации осужденных мусульман можно представить как общую ресоциализацию, осуществляющуюся в стенах пенитенциарного учреждения, элементом которого является религиозная ресоциализация и духовное воспитание, а также следующую за ней социальную адаптацию в принимающем обществе, где также доминирующую роль должны играть мечеть и религиозная община.

1.2 Типологические характеристики осужденных мусульман, определяющие стратегии их ресоциализации

На успешность ресоциализации, а впоследствии и социальной адаптации, непосредственное влияние оказывают факторы, обусловленные как личностными особенностями заключенного, так и особенностями среды, в которую попадает человек, отбывающий наказание, в том числе в виде лишения свободы. К внутренним факторам можно отнести:

- 1) возраст осужденного;
- 2) уровень образования;
- 3) тип личности человека, совершившего преступление, включая нервно-психологическую и эмоциональную устойчивость;
- 4) ценностно-мировоззренческие ориентиры, которыми руководствуется осужденный;
- 5) специальные черты характера.

В дополнение к этому Э.Р. Касимовой также предлагается учитывать криминологическую и социально-демографическую характеристику осужденных, социальную нравственность и педагогическую запущенность, а также криминогенную устойчивость, положительный потенциал и перспективные установки личности заключенного при проведении воспитательных работ как основы успешной ресоциализации, а впоследствии и социальной адаптации в принимающем обществе.

К внешним факторам – факторам текущих условий существования и внешнего окружения – можно отнести:

- 1) режим заключения, предусмотренный для осужденного;
- 2) срок отбывания установленного наказания;
- 3) вид совершенного преступления;
- 4) установленные межличностные взаимосвязи между заключенными;

5) установленные взаимоотношения между заключенным и администрацией учреждения, в котором отбывается наказание.

В обособленную от двух выделенных групп можно выделить факторы внешней социальной среды, в которой находился человек до совершения преступления, осуждения и отбывания наказания. Ведь такая среда очень часто выступает в качестве потенциально принимающей после освобождения человека из мест заключения. К такой группе можно отнести следующие факторы:

1) наличие или отсутствие у осужденного семьи или близких родственников, в том числе готовых принять его после отбывания наказания;

2) наличие или отсутствие у заключенного социальных связей, позволяющих ему после освобождения трудоустроиться;

3) наличие или отсутствие у осужденного определенного материального положения, позволяющего эффективно удовлетворять свои потребности по крайней мере до тех пор, пока заключенному не удастся трудоустроиться.

Выявленные факторы важно рассматривать комплексно, а не обособленно друг от друга, что позволяет определить зависимость между ними и продолжительность периода ресоциализации, а впоследствии – и социальной адаптации в принимающем обществе. При этом достаточно трудно выделить, какой из факторов является основополагающим, тянущим или в какой-то мере сглаживающим либо усугубляющим влияние прочих факторов. Однако, по мнению Г. Богреевой, фундаментальным фактором выступает тип личности осужденного преступника [16].

Например, Е.В. Даценко и Н.В. Хлабыстова предлагают следующую классификацию осужденных преступников с точки зрения возможности их

успешной ресоциализации, а в конечном счете – эффективной адаптации к текущим условиям жизни в принимающем сообществе.

1. Социально-адаптивный тип осужденного характеризуется высоким уровнем психологической устойчивости, что позволяет ему адекватно реагировать на стрессовые ситуации. Такие преступники обладают интеллектом и развитым мышлением, как следствие, могут подвергать анализу текущие условия и вести себя соответствующим образом. Представители социально-адаптивного типа общительны и имеют много знакомых и друзей. Стремятся к получению знаний и навыков для достижения профессиональных высот. Обладают лидерскими качествами. Легко мотивируемы, и именно излишняя заинтересованность чем-либо зачастую толкает их на преступления.

2. Социально-дезадаптивный тип осужденного относится к людям, которые, как правило, в обычной жизни являются изгоями в коллективе: «белые вороны» или «козлы отпущения». Представители данного типа характеризуются низким уровнем психологической устойчивости, зачастую подвержены стрессу. Возможен низкий уровень интеллекта и логического мышления. Как правило, имеют низкий уровень образования, часто меняют место работы. Руководствуются примитивными интересами. Зачастую представители социально-дезадаптивного типа не самостоятельны и не пользуются уважением в обществе.

3. Ситуационный тип осужденного представляет собой людей, поведение которых в обществе зависит от ситуации. Поэтому они могут проявлять черты как социально-адаптивного, так и социально-дезадаптивного типов.

Необходимо учитывать, что в местах лишения свободы тип осужденного может меняться под воздействием окружающей среды [38].

В этой связи необходимо подчеркнуть, что тюремное заключение может формировать в осужденных такие качества, как чувство

иждивенчества, которое во многом обусловлено отсутствием личностной свободы действий и принятия решений, что стимулирует общую деградацию личности; негативное и предвзятое отношение к себе; чувство апатии. Кроме того, ограничение личностной свободы зачастую приводит к возникновению конфликтных ситуаций в местах лишения свободы, порождаемых агрессией [34].

Для успешной ресоциализации, а впоследствии социальной адаптации, необходимо находить индивидуальный подход к каждому заключенному, учитывая его личностные особенности.

В общем случае для выработки успешной стратегии ресоциализации и социальной адаптации осужденного преступника, представителя мусульманской культуры, необходимо учитывать следующие факторы:

1. Общий тип осужденного с точки зрения адаптивности к текущим условиям;
2. Гендерную принадлежность осужденного;
3. Личностные особенности заключенного;
4. Особенности окружающей среды (прошлой и текущей);
5. Вероисповедование;
6. Характер совершенного преступления, в том числе с возможным выявлением экстремистской и террористической направленности;
7. Психосоциальный тип осужденного-экстремиста.

Перейдем к рассмотрению общего уровня преступности в Российской Федерации, а также выявим типы заключенных, преобладающих в исправительных учреждениях для характеристики мест лишения свободы как первичной среды ресоциализации бывшего заключенного.

Стоит отметить, что преступность в Российской Федерации выступает значимым явлением российского социума. В связи с этим приведем статистику, характеризующую данный социальный феномен.

Проследим общую тенденцию изменения числа лиц, совершивших преступления (см. табл. 1).

Таблица 1 – Динамика численности лиц, совершивших преступление

	2015	2016	2017	2018
Число лиц, совершивших преступление, тыс. чел.	1 075,3	1 015,9	967,1	931,1

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [111])

Согласно данным таблицы 1, за период 2015-2018 гг. произошло сокращение общего числа лиц, совершивших преступление на 15,5%.

Рассмотрим гендерный состав лиц, совершивших преступление (см. табл. 2).

Таблица 2 – Гендерный состав лиц, совершивших преступление в динамике

	2015	2016	2017	2018
Мужчины, тыс. чел.	903,1	867,8	820,2	785,6
Женщины, тыс. чел.	172,4	148,0	146,9	145,5

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [111])

Исходя из данных таблицы 2, число мужчин, совершивших преступления, сократилось на 15% за период с 2015 по 2018 год, в то время как число женщин, совершивших преступление, уменьшилось на 18,5%. При этом мужчины чаще идут на совершение преступлений, их число превышает число женщин в 5,5 раз.

Далее рассмотрим возрастной состав преступников (см. табл. 3).

Таблица 3 – Гендерный и возрастной состав лиц, совершивших преступление

	2015	2016	2017	2018
14-15 лет	17,2	15,6	14,9	14,8
16-17 лет	38,8	33,0	27,6	26,0
18-24 лет	203,6	182,4	161,7	147,5
25-29 лет	201,5	192,9	172,1	152,7
18-29 лет	405,1	375,3	333,8	300,2
30-49 лет	504,0	483,3	484,2	482,2
50 и старше	110,2	108,7	106,6	107,8

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [111])

Согласно данным таблицы 3, наибольшее число лиц, совершивших преступление, находится в возрастной категории от 30 до 49 лет. Данный показатель из года в год колеблется незначительно. Далее следует категория лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 29 лет. Однако указанный показатель с каждым годом сокращается. За период с 2015-2018 гг. произошло сокращение лиц, совершивших преступление в возрасте от 18 до 29 лет на 35%. Особая категория лиц, совершивших преступление, – в возрасте от 50 лет и старше, занимает третье место в общем списке. Число указанных лиц из года в год колеблется незначительно. Подростковая преступность самая малочисленная. Однако также имеет место.

Перейдем к рассмотрению динамики числа зарегистрированных преступлений (см. табл. 4).

Таблица 4 – Число зарегистрированных преступлений по годам за последний период

	2015	2016	2017	2018
Число зарегистрированных преступлений, тыс.	2 388,5	2 160,1	2 058,5	1 991,5

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [111])

Согласно данным таблицы 4, за период 2015-2018 гг. произошло сокращение общего числа зарегистрированных преступлений на 20%.

Рассмотрим виды преступлений, которые были совершены на территории Российской Федерации (см. табл. 5).

Таблица 5 – Динамика зарегистрированных преступлений (по видам)

	2015	2016	2017	2018
Убийства и покушения на убийства, тыс.	11,5	10,4	9,7	8,6
Умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, тыс.	30,2	27,4	24,6	23,2
Изнасилования и покушения на изнасилование, тыс.	3,9	3,9	3,5	3,4
Грабежи, тыс.	72,7	61,5	56,9	50,1
Разбои, тыс.	13,6	11,4	9,1	7,5
Кражи, тыс.	1 018,5	871,1	788,5	756,4
Террористические акты, тыс.	8,0	25,0	37,0	31,0
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, тыс.	236,9	201,2	208,7	200,3

таблица 5, продолжение

Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, тыс.	26,7	22,0	21,0	20,1
---	------	------	------	------

из них повлекшие по неосторожности смерть человека, двух и более лиц, тыс.	9,5	7,9	7,5	7,2
Взяточничество, тыс.	13,3	10,0	6,3	7,1

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [111])

Согласно данным таблицы 5, кража – наиболее распространенный вид преступления. Однако за период с 2015 по 2018 года число зарегистрированных краж сократилось почти в 1,5 раза. Далее по рейтингу – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Число совершенных преступлений колеблется незначительно. Третье место занимает грабеж. Так же как и преступления, связанные с кражей, за период 2015-2018 гг. произошло общее сокращение грабежей на 45% – высокий показатель. Также следует обратить внимание на такой вид преступления, как террористический акт. Если прочие виды преступлений имеют отрицательную динамику, то число террористических актов с каждым годом растет. За период 2015-2018 гг. совершение террористических актов увеличилось почти в 4 раза. Хотя в общем объеме преступлений террористические акты составляют не столь заметную долю, например, как кражи, но состав этих преступлений, вовлечение в них других лиц, динамика роста этой категории преступлений заставляют их рассматривать как серьезную угрозу политической стабильности общества.

Далее покажем число лиц, содержащихся в местах лишения (см. табл. 6).

Таблица 6 – Число лиц, содержащихся в местах лишения свободы с 2015 по 2018 гг. с разбивкой по годам

	2015	2016	2017	2018
--	------	------	------	------

Число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, тыс. чел.	639,9	630,1	602,2	563,2
---	-------	-------	-------	-------

(Источник: Федеральная служба государственной статистики [109])

Согласно данным, приведенным в таблице 6, наблюдается положительная динамика в сокращении общего числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы. За период 2015-2019 гг. произошло сокращение указанного показателя на 13,6%.

В целом, портрет типичного преступника в Российской Федерации выглядит следующим образом: мужчина в возрасте от 18 до 49 лет, «специализирующийся» на совершении краж и грабежей, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Кроме того, в нашей стране возросло число преступников, совершивших террористические акты.

Похожая структурная картина типов преступников имела место и в 2010 году. Тогда, как показали материалы исследований Г.Д. Гриценко и К.С. Тумарова, характерный портрет заключенного выглядел так: мужчина, пребывающий в возрастной категории от 25 до 55 лет, совершивший кражи и/или преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, при этом проявляющий склонность к убийству и причинению тяжкого вреда здоровью. Таким образом, на основании данных официальной статистики и приведенных данных, склонность к террористическим актам – это достаточно новая черта в характеристике современного заключенного)

Выведенные портреты типичного преступника показывают, что в российском обществе в среде трудоспособного населения на протяжении многих лет формируется специфический гендерный перекос в пользу женского населения, поскольку мужчины трудоспособного возраста, исходя из представленных данных, чаще совершают преступления. При

этом меняется семейный уклад и постепенно модифицируются семейные ценности. На первый план как опора семьи выходят женщины. Эти тенденции противоречат сложившемуся семейному укладу в мусульманской культуре, где главой семьи до сих пор традиционно считается мужчина. Рост мужской преступности среди мусульман лишают мусульманские семьи сыновей и отцов. Поэтому возможно формирование принципиально новых поколений среди мусульман.

Далее рассмотрим качественные характеристики осужденных в зависимости от гендерного состава.

Если говорить о женщинах, то они представляют собой особую категорию осужденных, отбывающих наказание в местах заключения. Данная категория не многочисленна, однако требует особого внимания со стороны психологов и социальных работников. Прежде всего это связано с комплексом проблем, с которыми приходят женщины в исправительные колонии, касающихся отсутствия основных документов, а также бытовой неустроенности несовершеннолетних детей, оставшихся без материнского участия и попечения. Хотя именно наличие детей и может служить сдерживающим фактором для женщин при совершении преступлений. Поэтому большинство осужденных женщин не имеют семьи. Однако те из них, кто имеет семью, часто претерпевают ее распад после осуждения и заключения под стражу – вдвое чаще, нежели мужчины [31], что приводит к общему снижению самооценки, чувства уверенности, и, как следствие, к деградации личности. Вместе с тем осужденные женщины, как правило, стремятся к сохранению семейных отношений, что является фактором, препятствующим формированию антиобщественных взглядов впоследствии (когда после освобождения они оказываются в среде принимающего общества) и совершению новых преступлений. Тем самым закладывается основа для успешной ресоциализации и социальной адаптации после выхода на свободу.

Женщины-преступницы, в отличие от мужчин, в общем случае характеризуются большей эмоциональной неустойчивостью и зависимостью от сложившейся ситуации. Они более бурно реагируют на действительность, а также более склонны заниматься самокопанием и уходить «в себя». С одной стороны, эти качества усложняют процесс общения с ними, с другой же – делают его более эффективным. Высокая степень восприимчивости стимулирует успех исправительного воздействия, оказываемого на осужденную женщину, при условии, если найдены подходы и методы воспитательно-исправительной работы. При этом женщины, как правило, имеют большую чувствительность к религии и религиозным обрядам. Поэтому религиозное и духовно-нравственное воспитание также может создавать благодатную почву для успешной ресоциализации [54].

Стоит отметить, что женщинам проще трудоустроиться после освобождения из исправительных учреждений, чем мужчинам, поскольку они менее избирательны в выборе вакансий. Женщины, как правило, устраиваются на такие должности, как уборщицы, мойщицы, кухонные работницы. При этом на успешность трудоустройства на работы такого рода мало влияет судимость, даже если она была связана с кражей.

Тем не менее не на каждой работе приветствуется ношение женщиной хиджаба и паранджи, что предписывается культурно-религиозными доктринами Ислама для женщины (правда, принимаются обозначенные традиции или поведенческие предписания для женщин в ношении одежды далеко не всеми этнотерриториальными сообществами, охваченными исламской традицией). Так, ношение хиджаба, и тем более паранджи, не характерно для носительниц исламской культуры из Казахстана, Башкортостана, представительниц Татарского народа (особенно живущих за пределами некоторых отдельных территорий Татарстана), даже если они являются верующими.

Осужденные мужчины характеризуются высокой эмоциональной устойчивостью и воинственностью. Вместе с тем они охотно вступают в группы, в том числе и для обеспечения собственной безопасности, в частности, в исправительных учреждениях. Обладая меньшей степенью чувствительности и разборчивости, более, чем женщины, внушаемы, в связи с чем в большей степени рискуют оказаться в сфере влияния радикально настроенных групп, которые могут завлекать «сладкими» речами.

Также стоит отметить, что мужчинам сложнее найти работу в особенности за неимением профессии. В случае если имеется рабочая специальность, например, сварщик или рамщик, то трудоустроить бывшего заключенного легче. Если у человека отсутствует специальность, возможно трудоустроиться охранником или грузчиком, тем не менее на такие вакансии также проходит отбор, и не на все работы готовы брать человека, имеющего судимость.

Вместе с тем также существует проблема – возможность совершения намаза во время работы пять раз в день, согласно религиозным предписаниям Ислама. Но мусульмане, как правило, имеют сильную религиозно-этническую сплоченность, которая может способствовать эффективной ресоциализации и социальной адаптации, в том числе посредством трудоустройства, в частности, на вакансии, где выполнение религиозных предписаний допустимо.

По оценкам Шамиля-хазрат Арсланова, руководителя отдела по работе с вооруженными силами, правоохрнительными органами и тюремному служению Духовного управления Российской Федерации (ДУМ РФ), от общего числа осужденных на территории Российской Федерации 30-35% составляют мусульмане [175]. При этом число исламских общин в пенитенциарных учреждениях составляет более 950, в которые вступили порядка 9 000 осужденных мусульман. Процент

молящихся мусульман составляет около 45-50% от общего числа осужденных мусульман [110].

Также стоит отметить, что больше половины арестованных за мыслепреступления, в частности, за написание статей и высказываний экстремистской направленности, которые регламентируются 282 статьей УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», составляют мусульмане. Так, согласно исследованию правозащитного центра «Сова», во второй половине 2015 года всего за мыслепреступления на территории Российской Федерации было арестовано 94 человека. Из них минимум 59 человек – люди, исповедующие Ислам. При этом по этой статье были арестованы и мусульмане, имеющие русские и другие славянские фамилии [161]. Это можно расценивать как свидетельство того, что российское население, с одной стороны, исламизируется, с другой стороны, приобретает экстремистско-радикальные черты.

По оценкам эксперта, руководителя отдела по работе с заключенными и военнослужащими при ДУМ Москвы, Шамиля-хазрат Арсланова, в настоящий момент можно выявить две основополагающие тенденции, связанные с заключенными-мусульманами.

Во-первых, число мусульман в российских тюрьмах возросло. Во-вторых, в местах лишения свободы оформилось новое социальное явление – радикальный исламизм, институциональные проявления которого в пенитенциарных учреждениях представлены в виде появившихся там соответствующих групп, получивших название джамааты.

Если говорить о характере преступлений, совершаемых заключенными – представителями мусульманских культур, то по этому основанию мусульман, отбывающих тюремное заключение, можно разделить на две группы:

1) осужденные, совершившие реальные криминальные преступления;

2) лица, осужденные вследствие ужесточения антиэкстремистского законодательства Российской Федерации, в том числе за так называемые «мыслепреступления».

При этом 24% осужденных имеют вторую судимость, а около 21% – третью и более [110].

Согласно данным исследования, проведенного М.Д. Шкуновой, большинство осужденных-террористов имеют отрицательную характеристику. Так, 40% опрошенных не раскаиваются в содеянном и не чувствуют своей вины; 34% – не желают осуществлять трудовую деятельность; 26% – крайне отрицательно относятся к участию в воспитательных мероприятиях, исповедуют ваххабизм, а также стремятся распространить свои убеждения среди других осужденных [176].

Эта доля заключенных-мусульман привлекает пока недостаточное внимание исследователей. Между тем они занимают особый статус среди всех заключенных в ИУ. Он определяется тем, что заключенные этого типа обладают собственными убеждениями; они осознанно совершали те преступления, за которые были осуждены, и не раскаиваются в этом. Опираясь на свои религиозные убеждения, они продвигают их в среде заключенных мусульман и не мусульман. И эта «просветительская» деятельность соответствует общим установкам любого религиозного вероучения. Но мусульманское просвещение в целом имеет определенные преимущества для восприятия. Для «усредненного обывателя» изучение исламской религии является более доступным, нежели христианской. Как правило, деятельность российских православных церквей не направлена на чтение проповедей и духовное воспитание последователей; воскресные школы находятся в тени. В Исламе же религиозному образованию и просвещению и в настоящее время уделяется огромное внимание. Медресе

при мечетях набирают группы и разрабатывают тематические образовательные программы. Мечеть проводит большую работу, направленную на социальную поддержку бедного населения, что не может не вызывать уважения в обществе. Русское население после 70 лет атеизма и научного материализма, желающее вернуться к духовным основам, от которых было оторвано, может не находить отклика у РПЦ, в связи с чем может принимать Ислам, в том числе непосредственно пребывая в местах заключения. Осужденные мусульмане-экстремисты используют этот позитивный имидж Ислама для продвижения своих радикальных идей. Чем более харизматична личность такого осужденного экстремиста, тем более эффективны его проповеди. По сути, представители этой категории осужденных мусульман активно противостоят и препятствуют функции ресоциализации, которая реализуется служащими ИУ.

Представляется полезным выделить типы личности осужденного-экстремиста, поскольку их деятельность направлена не только на противостояние ресоциализации, но и на вовлечение неофитов в ряды экстремистской и террористической деятельности под флагом идей мусульманской религии.

По мнению исследователей, аморфность и непрерывное изменение направленности террористической деятельности обуславливает трансформацию личностных характеристик осужденных мусульман-террористов. Это требует постоянного отслеживания данной динамики для того, чтобы принимать своевременно гибкий комплекс мер, предусматривающих индивидуальное предупреждение данного вида преступления. Примечательна также и следующая особенность: лица, причастные к современному терроризму, мотивированы в большей степени корыстью и личностной выгодой, нежели идеологическими и религиозными составляющими. Тем не менее не следует воспринимать мусульманина-террориста как нищего, бездумного религиозного

фанатика. Этот стереотип, распространяемый СМИ, далеко не всегда соответствует действительности [39]. Осужденные террористы нередко движимы собственной корыстью, невзирая на национальную вражду и ненависть, расовые или религиозные различия. Но среди них много людей с четкими убеждениями.

Одним из специалистов, А.М. Сысоевым, была предложена типология личности осужденного-экстремиста, которая учитывает мотивационные, социально-демографические и психологические особенности преступника. При разработке своей типологии этот исследователь базировался на результатах анализа материалов 153 личных дел преступников, осужденных по соответствующим статьям уголовного кодекса. В результате ему удалось выделить и описать 5 типов личности: «идейный», «истинный», «играющий», «зависимый», «случайный».

Воспроизведем ниже в сокращенном виде их описания, данные создателем этой типологии.

1. *Идейный тип* осужденного-экстремиста. Характерный представитель (носитель типовых качеств) – мужчина в возрасте 35-45 лет с высшим или незаконченным высшим образованием. Обладает достаточно высокими показателями интеллектуального развития, уровня самоконтроля и уровня волевой активности. Осужденные, относящиеся к идейному типу, активно занимаются идеологической пропагандой, стремясь привить окружающим соответствующие мировоззренческие схемы и одновременно – идею неприятия каких-либо взглядов иного толка. При этом носители данного личностного типа хорошо владеют навыками внушения и завязывания доверительных отношений с окружающими, призывают к насильственным методам разрешения мнимых или реальных конфликтных ситуаций. После освобождения из мест заключения они часто позиционируют себя как «мучеников за идею», «жертв стечения обстоятельств» или же «невинно осужденных». Находясь

как в заключении, так и на свободе, стараются ознакомиться со своими идеями других окружающих и привлечь их на свою сторону. Не склонны вступать в открытое противостояние с представителями администрации исправительных учреждений, а пытаются использовать их для достижения своих интересов. К названному типу принадлежит 8% обследованных осужденных-экстремистов.

2. *Истинный тип* осужденного-экстремиста. Эту группу наполняют в основном мужчины, пребывающие в возрасте 24-32 лет, не имеющие семей (или же не проживающие со своими семьями). Как правило, они эмоционально неустойчивы: легко возбудимы и не уравновешены. Большинство из них обладает средним уровнем волевого самоконтроля. Представители этого, истинного, типа – экстремисты, которые идут на преступления, руководствуясь своими принципами и убеждениями. Во многом они движимы отрицательным отношением к общественным ценностям, сложившимся устоям государства и общества. Отличительной чертой, характерной для значительной части представителей этого личностного типа, является правовой нигилизм. Для этих людей характерен низкий уровень общей культуры, что может проявляться в наличии антиобщественных установок. Многие из них обладают внутренней тягой к совершению поступков асоциального характера. При этом они способны активно создавать или успешно находить такие ситуации, которые способствуют совершению преступления, пренебрегая при этом нормами морали и права. Они охотно вступают в группы, деятельность которых имеет криминальную направленность. К данному типу принадлежит 27% обследованных осужденных-экстремистов.

3. *Играющий тип* осужденного-экстремиста представлен несовершеннолетними или лицами молодого возраста (от 17 до 24 лет). Такие люди характеризуются высоким уровнем эмоциональности, неустойчивы и противоречивы, а также обладают средним уровнем

развития волевых качеств. Осужденные-экстремисты играющего типа, как правило, не считают себя экстремистами, оправдывая свои действия «неправомерным» поведением лиц, выступающих для них в качестве объекта посягательства. Представители данного типа чаще всего бывают осуждены за вандализм. Не имеют постоянного места работы и постоянного источника дохода. Наиболее часто встречаются среди них лица, имеющие среднее или среднее специальное образование и являющиеся холостяками. Как правило, такие люди идут на преступление, находясь под воздействием алкоголя или наркотических средств. В основной своей массе они отличаются довольно низким уровнем правосознания и фактическим отсутствием понимания четкой границы в сложившихся представлениях о моральном и аморальном. К данному типу принадлежит около 35% обследованных осужденных-экстремистов.

4. *Зависимый тип* осужденного-экстремиста представлен молодыми мужчинами, возраст которых колеблется от 16 до 27 лет. Большинство из них не женаты. Имеют среднее образование. Характеризуются низким уровнем развития волевых качеств. Лица данного типа совершают преступление, находясь в зависимости от кого-либо из своего непосредственного окружения. Особенно часто идут на преступления в составе группы, не желая отличаться от других ее членов; подвержены действию механизма психического заражения. В большинстве случаев признают свою вину частично или полностью. Эта типологическая группа составляет около 35% обследованных осужденных-экстремистов.

5. *Случайный тип* осужденного-экстремиста «наполнен», в основном, мужчинами от 27 до 42 лет. Как правило, они женаты, проживают вместе со своими семьями и имеют среднее специальное или незаконченное высшее образование. В социально-психологическом смысле они являют собой целостную личность, имеющую устоявшиеся стереотипы поведения. Чаще всего они совершают преступление в

необычной для них ситуации. Представители случайного типа склонны оправдывать свое или чужое противоправное или преступное поведение незнанием правомерных способов разрешения конфликтной ситуации или достижения справедливости. В их случае определяющее значение имеет ситуация, в которой совершается преступление. Стил жизни такого преступника отличается борьбой между положительным и отрицательным влиянием. К данному типу принадлежит 12% обследованных [141].

Сказанное позволяет утверждать, что существуют обычные заключенные, большая часть из которых легко поддается влиянию, и заключенные с лидерскими характеристиками и личностной харизмой. Последние являются антилидерами, которые противостоят и дестабилизируют всю ресоциализирующую роль исправительного учреждения.

Поэтому успешность ресоциализации осужденных мусульман зависит не только от их установки на мирную жизнь, но и от того вида преступности, к которому они испытывали тяготение. Поэтому стратегии ресоциализации также должны разрабатываться применительно к разным группам осужденных мусульман с учетом их типологии, сформированной по индикаторам ориентированности совершенного преступления (против личности или против государственной системы), устойчивости криминальных практик и мировоззренческой ориентации.

Наибольшую трудность для пенитенциарных учреждений представляет ресоциализация экстремистов, поскольку они обладают лидерским психотипом, идентифицируют себя как истинные верующие и мотивируют свои действия с позиции служения религиозным идеалам.

Специальные исследования, объектом которых выступали радикально настроенные группы заключенных, исповедующих Ислам, показывают, что наиболее значимыми ценностями для них являются любовь к матери, учеба, религиозность, вера в Бога и семья. К наименее

значимым ценностям относятся жизнь, война, разрушение, красота человеческой внешности, любовь. Кроме того, примечательно, что в их системе ценностей насилие по значимости занимает одну из ведущих позиций, равно как и ценность свободы. Ценность смерти стоит намного выше ценности жизни. Таким образом, для радикально настроенных групп ценность жизни воспринимается как практически невозможная к реализации. Ценности религиозности и веры в Бога занимают одни из первых позиций в общей системе ценностей заключенных мусульман террористической направленности, что вполне объяснимо, поскольку участники терактов оправдывают свои агрессивные сепаратистские установки квазирелигиозностью и верой. Однако на самом деле многим представителям указанной категории заключенных неважно во что верить, лишь бы вера оправдывала их поступки и разрушительные установки. При этом в их ценностно-мотивационном комплексе имеется разрыв между пониманием ими значимости и достижимости, или возможности реализации, применительно к таким ценностям, как религиозность и особенно – веры в Бога. Не исключено, что в глубине души такие люди понимают то, что не обладают истинной верой. Ценности учебы, свободы, семьи, любви к детям так же значимы, как и ценности насилия, физической силы и смерти. Можно предположить, что террористические группировки в той или иной степени осуществляют квазиреализацию созидательных ценностей, заменяя человеку семью и формируя среду, в которой происходит социализация и учеба. Тем не менее, многие участники радикально настроенных групп осознают, что реализация данных ценностей происходит не по-настоящему. Поэтому оценивают их достижимость как низкую. В целом, указанная категория заключенных не разделяет ценности на созидательные и разрушительные, плохие и хорошие. Следовательно, можно говорить об отсутствии у них иерархии ценностных ориентаций [117].

Несмотря на то, что участники радикально настроенных групп не имеют четкой иерархии ценностей и их система ценностей представляется весьма размытой, все же такие заключенные не лишены нравственных и духовных чувств, которые могут быть реализованы во вновь принимающем обществе после заключения при наличии материальной, а также истинно духовной основы – веры в себя и в Бога.

Другие трудности для ресоциализации представляют осужденные мусульмане, не ориентированные на экстремизм, которые совершили преступления по другим причинам, не связанным с верой. Зачастую попадание в криминальную сферу связано именно с отсутствием четких мировоззренческих ориентиров, возникших в трудных жизненных ситуациях, а также со слабой волевой сферой личности. Человек остается на улице без паспорта, профессии, работы и средств к существованию, что побуждает его идти на совершение нового преступления, поскольку в тюрьме дают кров и еду. Спасение находится в духовных учреждениях, куда иногда забирают в качестве помощников.

Несмотря на то, что в колониях многие заключенные приобретают профессию, это не решает их жизненной проблемы после освобождения. Нередко и семьи отказываются от таких людей. Устроиться на работу им достаточно сложно из-за предвзятого отношения общества. Бывший заключенный не может обрести смысл в жизни после заключения, так как не может найти достойной материальной основы к существованию.

Стоит отметить, что даже в тех случаях, когда люди после освобождения из пенитенциарного учреждения остаются совсем одни без поддержки со стороны близких и друзей, своего жилья, многих из них спасает сила духа: «землю буду грызть зубами, но работу найду» – примерно так можно в обобщенном виде сформулировать стержневой смысл их соответствующих установок. Человек идет на самую «невзрачную» работу, где зачастую и живет. Со временем в нем начинают

видеть положительные качества, постепенно начинают его воспринимать как человека достойного, заслуживающего уважения со стороны общества. Далее, адаптировавшись во вновь принимаемом обществе, бывший заключенный может пойти учиться и/или устроиться на более хорошую работу. Находятся и такие люди, которые помогают с кровом, обычно это тоже бывшие заключенные. В связи с этим спасение видится в том, что человек после выхода на свободу не отчаивается и не опускает руки.

Не опускать руки бывшим заключенным на первых порах их пребывания на свободе помогает ощущение того, что они не одиноки. Поэтому не последнюю роль в успешной ресоциализации и последующей социальной адаптации играет духовная и материальная опора со стороны духовенства и бывших заключенных, которые навещают людей, находящихся в колониях. Личный пример дает надежду другим на достойную жизнь после освобождения [66].

Рассмотренные ситуации с осужденными мусульманами двух типов – ориентированных на «истинную» веру экстремистов и слабо верующими – показывают, что в любом случае успех ресоциализации этих категорий осужденных требует привлечения деятелей из среды духовенства и религиозных общин. Опора на этот ресурс позволяет выйти на иной ценностно-ориентированный смысл жизни, без чего успешная ресоциализация и социальная адаптация осужденных мусульман невозможна.

В настоящий момент в пенитенциарных учреждениях, расположенных в крупных городах, имеются соответствующие ресурсы для религиозного воспитания мусульманских заключенных. В частности, на 01.07.2019 года по официальным статистическим данным в учреждениях УИС насчитывается 1 554 объекта, включая здания,

сооружения, помещения, предназначенные для проведения религиозных церемоний и обрядов. Из них:

- 1 074 – для осужденных, исповедующих православие;
- 406 – для осужденных, исповедующих ислам;
- 24 – для лиц, исповедующих буддизм;
- 17 – для лиц, исповедующих иудаизм;
- 11 – для лиц, исповедующих католицизм;
- 22 – для лиц, исповедующих прочие религии [64].

Из приведенной статистики видно, что места лишения свободы, расположенные на территории Российской Федерации, обладают достаточно развитой инфраструктурой, включающей в себя мечети и молитвенные комнаты для ведения духовной жизни и становления на путь добра заключенных – представителей мусульманской культуры.

При этом стоит подчеркнуть, что размещение в общем пространстве исправительного учреждения осужденных мусульман, идейно или по фактам своей биографии связанных с терроризмом, – это фактор, блокирующий ресоциализацию в пространстве исправительного учреждения, особенно у мусульман. Доказательством этому косвенно может служить отчет о работе с обращениями граждан и организаций в Федеральной службе исполнения наказаний за II квартал 2019 года, который свидетельствует о распространенности практики обращений осужденных с просьбой о переводе в исправительное учреждение ближе к месту жительства (4117 обращений, из них 628 – в целях личной безопасности), что составляет 15,3%, и является наиболее высоким показателем из общего числа обращений [90].

Итак, социокультурный аспект ресоциализации и социальной адаптации осужденного видится в приобретении материальной и духовной основ, позволяющих вести нормальную жизнь в принимающем обществе. Российское общество уважительно относится к людям, занимающимся

честным и социально полезным трудом. Поэтому поиск работы и вливание бывшего заключенного в трудовой коллектив является основой его успешной ресоциализации. Поиск работы может быть затруднен, тем не менее получение социального статуса как добропорядочного и уважаемого гражданина является задачей номер один. Для этого необходимы духовные силы, вера в себя, а для многих – и в Бога. По мере приобретения социального признания в обществе усиливаются и культурные, и духовные компоненты, позволяющие следовать нормам и ценностям принимающего общества. Таким образом, с одной стороны, духовный компонент может рассматриваться как основа достижения материального фундамента возврата к нормальной жизни, с другой стороны, по мере наращивания положительного социального статуса и материальной базы, необходимой для жизни, культурный и духовный компоненты усиливаются в сознании бывшего заключенного и препятствуют совершению новых преступлений.

Выводы по Главе 1: общий процесс ресоциализации бывших заключенных-мусульман следует рассматривать как процесс, состоящий из двух этапов. Первый этап начинается в стенах пенитенциарного учреждения и направлен на формирование положительных установок, позволяющих человеку впоследствии вернуться к нормальной жизни. Процесс ресоциализации в ИУ должен содержать элементы религиозной ресоциализации и духовного воспитания. Успешность ресоциализации на первом этапе во многом обуславливается типом осужденного мусульманина (полом, возрастом, уровнем образования, уровнем религиозности, социально-психологическими особенностями и пр.) и тяжестью совершенного им преступления (в том числе тем, было ли оно экстремистской или не экстремистской направленности). Учет этих факторов позволяет выработать эффективную стратегию по

ресоциализации преступников. Второй этап общего процесса ресоциализации предполагает последующую адаптацию бывшего осужденного мусульманина в принимающем обществе. Успешность второго этапа во многом зависит от сформировавшихся в стенах ИУ установок. Вера в себя и вера в Бога является залогом успешного вовлечения человека – представителя мусульманской культуры в трудовую деятельность и создания материальной базы, необходимой для дальнейшей жизни. Занятость в общественно полезном труде позволяет ему обрести благоприятную статусную позицию в обществе, что в дальнейшем позволит перейти на качественно новый уровень жизни.

ГЛАВА 2. РЕСУРСЫ И РИСКИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ МУСУЛЬМАН В ПРОСТРАНСТВЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

2.1 Пространство исправительных учреждений как среда ресоциализации

Общий процесс ресоциализации осужденного начинается в стенах пенитенциарного учреждения. В основе указанного этапа лежит формирование четкой установки на мирную жизнь и встраивание в систему трудовых и добрососедских отношений. Исправительные учреждения представляют собой первичную среду начальной стадии общего процесса ресоциализации, которая характеризуется наличием множества факторов.

Формирование системы пенитенциарных учреждений в России претерпело существенные изменения за последние два столетия, которые определялись трансформацией понимания их основных функций. Основным вектор трансформации – гуманизация понимания исправления осужденных в местах заключения. Если обратиться к истории, то на определенных этапах развития пенитенциарных систем разных стран основополагающую роль играло религиозное воспитание, обязательным атрибутом которого выступало чтение религиозной литературы. Впервые такую идею высказал французский ученый-монах Жан Мобильйон в 1636 году, предложив одиночное заключение, стимулирующее у преступников духовное пробуждение и раскаяние. При этом в местах лишения свободы необходимо было создавать надлежащие условия для работы и жизни. Такой вид наказания и исправления преступников пришел на смену жестоким наказаниям, предполагающим пытки и казни во многом под влиянием христианского учения и гуманизма, расцвет которого пришелся на XVII-XVIII века. Целью новых наказаний было наставить преступника на путь добра. Таким образом, первоначально пенитенциарная система

была инструментом научения человека существовать в определенном обществе. Ценностные ориентации черпались в религиозных учениях, а труд – основа социальных отношений. Поэтому процесс социальной адаптации, как и идущий следом за ним процесс ресоциализации, должен был быть максимально эффективен. Следует отметить, что в XIX веке в США велись споры об одиночном заключении. И со временем идея режима абсолютного молчания между заключенными была низвергнута: были разрешены контакты с внешним миром.

Впоследствии тюремное заключение, обеспечиваемое пенитенциарной системой, начало функционировать как самостоятельный социальный институт, в целом потеряв собственную изначальную концепцию. Наряду с религиозным воспитанием или отсутствием такового в местах лишения свободы стала появляться собственная субкультура (отличная от религиозных и общественных норм), а также образовался собственный распорядок.

В Российской империи в первой половине XIX века была предпринята попытка создать пенитенциарную систему европейского образца, предполагающая поселение преступников в одиночных камерах, где человек имел возможность работать и читать религиозные тексты. Также мог быть предусмотрен и совместный труд с соблюдением тишины. Тем не менее такая система в России не прижилась.

В России советского периода образовалась своеобразная пенитенциарная система, основанная на практически рабском труде. В общем случае наказание и исправление осужденного предполагалось осуществить при помощи общественно-полезной трудовой деятельности. Труд советских осужденных использовался в целях освоения отдельных территорий и при строительстве промышленных объектов. Таким образом, в начале 1930 года исправительно-трудовые работы полностью поглотили пенитенциарные институты, включающие в себя психологическое и

духовно-нравственное пробуждение заключенных [47]. То есть с одной стороны, исправительная система предполагала активную трудовую деятельность на благо общества, а с другой стороны формировала тюремную субкультуру. Если постоянный труд впоследствии способствовал эффективной социальной адаптации, то тюремная субкультура, подменившая собой психологические, ценностные и нравственные ориентиры, напротив, создавала препятствия возврата и вхождения человека в принимающую среду.

Рассмотрим интерпретацию основных задач институциональной поддержки ресоциализации, которые зафиксированы в административных и юридических документах. В Российской Федерации процесс ресоциализации заключенных преступников носит обязательный характер и регламентируется Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г.

Также в уполномоченных службах МВД РФ и ФСИН активно ставится вопрос о реформировании системы отбывания срока наказания в местах лишения свободы. При этом сохраняется преемственность относительно требований организации трудовой деятельности в местах заключения, а также создания условий и реализации образовательной деятельности среди осужденных. Эти требования обеспечивают условия для интеграции осужденного после освобождения в повседневную социальную жизнь. Активные дискуссии велись по вопросу степени изоляции осужденных. Они завершились признанием необходимости сохранения и поддержания связи осужденных со своими семьями, а также созданием условий близких к нормальному обществу (поддержанием информированности, занятий физической культурой и пр.). Для этого исправительные учреждения ведут работу одновременно в нескольких направлениях: 1) организация трудовой деятельности; 2) обеспечение

реализации общего и профессионального образования; 3) психологическая подготовка осужденных к возвращению к жизни в нормальном обществе; 4) организация постоянной связи осужденного с его семьей, которая рассматривается как ресурс поддержки ресоциализации осужденного в стенах исправительного учреждения и после его освобождения.

Для решения этого комплекса задач в рамках ИУ огромная роль отводится школам и психологическим службам, создание и развитие коих также во многом обусловлено историческим опытом применения психологии в пенитенциарной системе, что на современном этапе позволяет реформировать пенитенциарные учреждения на гуманистических принципах в соответствии с международными стандартами.

Трудно переоценить роль образовательной подготовки осужденных, особенно молодежи, которая не имеет полного среднего образования. Существует категория осужденных, которая не имеет среднего образования. Причем возрастной состав участников такой группы различен. Если несовершеннолетние преступники обязаны получить среднее образование, то люди старше 30 лет оставляют это на свое усмотрение. Тем не менее и осужденные старших возрастов зачастую тянутся к получению знаний, поскольку считают, что после выхода на свободу их будут занимать другие заботы, которые могут отвлекать от получения аттестата о среднем образовании. При этом осужденным выдаются аттестаты, в которых отсутствует пункт о месте заключения.

Итоговая аттестация может проходить в двух формах. Заключение могут сдавать либо ЕГЭ (единый государственный экзамен), либо ГВЭ (государственный выпускной экзамен). Многие заключенные выбирают ЕГЭ, после сдачи которого могут получить возможность продолжить обучение в вузах. Таким образом, можно полагать, что получение среднего образования, несомненно, оказывает положительное влияние на

успешную ресоциализацию и социальную адаптацию. Поскольку результаты ЕГЭ имеют ограниченный срок, люди, сдающие этот экзамен, активно строят планы на ближайшее будущее и в большей степени оказываются готовыми к ресоциализации и адаптации в принимающем обществе.

Тем не менее стремление к сдаче ГВЭ также не исключает осуществления эффективной ресоциализации и социальной адаптации на свободе. Зачастую такой выбор заключенный делает из-за необходимости отбывания большого срока наказания в местах лишения свободы. Вместе с тем, освободившись, заключенный, имея аттестат о среднем образовании, может обратиться в соответствующий ППЭ (пункт проведения ЕГЭ), тем самым получая возможность продолжить обучение непосредственно в высших учебных заведениях.

Если обратиться к статистике, то в 2019 году государственный выпускной экзамен для получения аттестата о среднем образовании получили около 8 тыс. осужденных по всей России [19].

Для успешного прохождения обучения заключенных при исправительных учреждениях функционируют 283 общеобразовательные организации, а также 503 их филиальных учреждений. Также насчитывается 284 профессиональных образовательных учреждения ФСИН России и 442 их структурных подразделения. Что касается высшего образования, то попутно отметим, что в составе УИС имеются 7 учреждений высшего образования и 1 их филиал, 3 института повышения квалификации, 1 межрегиональный учебный центр, а также 9 учебных центров территориальных органов, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы и научно-исследовательский институт информационных технологий [64].

При этом очень важен вопрос о взаимодействии учителя с учениками. Большой проблемой в ИУ является разрыв (или чрезмерная

осложненность возникновения и существования) доверительно-воспитательных отношений вследствие разделения учеников по критерию – какое преступление было совершено. Однако Э. Зауторова считает, что для успешной ресоциализации и социальной адаптации в учебных целях в местах лишения свободы необходимо применять педагогические методы, разработанные А. Макаренко, в соответствии с которыми не следует вникать, какое преступление совершил, в частности, несовершеннолетний осужденный, поскольку знание окружающих (и прежде всего, учителей) об этом может реально затруднить возможность непредвзятого отношения к нему.

Также стоит отметить, что процесс обучения в местах лишения свободы может решить проблему деления на «своих» и «чужих». Это особенно актуально для мусульманских заключенных, поскольку в этом случае у них может не возникнуть нужды в джамаате ни мирного, ни радикального свойства. Например, в Канской ВК учителя активно применяют методику Ривина, в соответствии с которой обучающиеся читают текст по частям, а затем каждый поочередно пересказывает свой «кусочек» в своей группе, численностью около четырех человек в каждой. При этом отмечается, что данная методика способствует тому, что заключенные приобретают навык договариваться друг с другом и активно взаимодействовать на мирной основе, что необходимо уметь не только в колонии, но и после отбытия наказания и выхода на свободу. В такой группе сглаживаются различные субкультуры, к которым принадлежат участники. Люди общаются, не задумываясь о том, с кем общаться, а с кем нет.

В данном контексте можно предположить, что подобные методики можно применять не только в рамках образовательного процесса, но и в рамках проведения психологических тренингов среди всех заключенных вне зависимости от возрастной категории и вероисповедания. Таким

образом можно было бы искоренить деление заключенных на различные группы, часто соревнующиеся, соперничающие между собой. Ни один человек не чувствовал бы себя одиноким и брошенным и не искал бы защиты у радикально настроенных объединений, впоследствии приводящих индивидуума к повторным совершениям преступления на свободе.

Некоторые учителя воспитательных колоний наблюдают за воспитанниками после отбывания наказания в местах лишения свободы, поддерживая связь через социальные сети и телефон. Бывшие заключенные нуждаются в таких методах ресоциализации и социальной адаптации, поскольку вспоминается то, чему их учили и какие чаяния на них были возложены по окончании пребывания в исправительных учреждениях. Это дает своего рода духовную опору для бывшего заключенного.

Вместе с тем такие связи помогают и осужденным, которые отбывают свое наказание в колониях в настоящий момент. Бывших учеников приглашают в исправительные учреждения на встречи, дабы они служили примером успешной ресоциализации и социальной адаптации: человек прошел тот же путь и не сломался, а начал полноценную жизнь с чистого листа. Подобные примеры необходимы для заключенных.

Образовательный процесс в исправительно-трудовых учреждениях может проводиться в очно-заочной форме, в том числе с использованием дистанционных технологий. Такие технологии предусматривают большую степень самостоятельности и активности слушателя и дают возможность самореализации в получении необходимых знаний и применении их на практике. При этом использование современных технологий заключенными в образовательных целях позволяет им чувствовать свою связь со внешней средой, а не изолированность от внешнего мира.

Вопрос о возможности получения осужденными высшего образования в местах лишения свободы обсуждался в ЮНЕСКО еще в 1998 году. В эту организацию поступили обращения от преподавателей, работающих в ряде российских ВУЗов, с предложением создать на совместной основе программу «тюремных университетов». И в настоящее время российские ВУЗы оснащены материально-технической базой для дистанционного обучения.

Вот ряд примеров из отечественной практики. В колониях Красноярского края, а также в Ульяновской области было введено дистанционное обучение для осужденных, находящихся в местах лишения свободы, в целях получения высшего образования. Обучение проходит дистанционно с применением видео- и аудиоаппаратуры. В Поволжье, в месте концентрации мусульман, с 2001 года в колониях проводится отбор заключенных абитуриентов на конкурентной основе. При этом критериями являются уровень знаний, а также поведение осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Стоит отметить, что так же, как и получение среднего образования в колониях, получение высшего образования направлено не только на цели обучения, но и на иные цели. Так, в исправительных учреждениях по результатам обучения, основанного на дистанционных технологиях, было проведено психологическое тестирование заключенных-студентов, которое выявило, что у них формируются такие личностные качества, как ответственность, целеустремленность, а также способность принимать конструктивные решения. При этом в значительной степени повышается уровень интеллекта.

В Екатеринбургской области, административным центром которой является г. Екатеринбург – четвертый мегаполис Российской Федерации, в исправительно-трудовой колонии № 2 была основана учебная группа, состоящая из 24 человек на базе Уральского педагогического института, в

которую входили заключенные и сотрудники колонии, которые получали профессию социального работника.

Такая практика имеет место и в г. Санкт-Петербург, втором мегаполисе Российской Федерации. Начиная с 1993 года, в рамках учебного процесса Северо-Западного политехнического института более 100 заключенных четырех исправительных колоний проходили обучение по специальностям «Автомобили и автомобильное хозяйство», «Организация перевозок на транспорте». Процесс обучения проходил в соответствии с вузовскими программами, а также с федеральными и образовательными стандартами Российской Федерации, которые предусматривают проведение лабораторных работ и практик, в том числе и на территории ВУЗа [17].

Наряду с образовательной подготовкой (школой) большую роль в ресоциализации играет психологическая служба. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, принятой до 2020 г. № 1877-р от 23.09.2015, выделяются следующие перспективные направления развития психологической службы:

- 1) развитие воспитательной, социальной, психологической деятельности, направленной на ресоциализацию осужденных, что предполагает освоение ими социальных функций, необходимых для исправления преступника и успешной социальной адаптации в принимаемом обществе после выхода на свободу;

- 2) оптимизация воспитательной, социальной, психологической деятельности, направленной на работу с осужденными, основанной на функциональном взаимодействии между сотрудниками всех служб, входящих в число исправительных учреждений, включая органы исправительной власти, а также институты гражданского общества;

3) закрепление в действующем законодательстве Российской Федерации социально-психологической работы как средства исправления осужденных, определение, в какой форме будут осуществляться работы с осужденными, разработка нормативов численности социальных работников в штате, регулирование их численности в исправительных учреждениях согласно требованиям практики и научно обоснованным нормативам;

4) совершенствование научно-технической базы работы психологов, оптимизация диагностического инструментария, позволяющего выявлять основные криминогенные качества, которыми характеризуются осужденные, совершающие различные виды преступлений;

5) разработка и дальнейшее развитие психотерапевтического направления работы психологов, создание отделений социально-психологической реабилитации, функционирующих при учреждениях уголовно-исправительной системы с целью оказания профессиональной психологической помощи осужденным, в том числе имеющим алкогольную или наркотическую зависимости или психическую аномалию [152].

Стоит отметить, что сами условия, в которых живут заключенные в исправительных учреждениях, могут побудить человека к исправлению, поскольку в России срок, отбываемый заключенным в пенитенциарном учреждении, представляет собой в большей мере не исправление, а наказание. После отбывания срока бывшим заключенным хочется просто жить нормальной жизнью и заниматься любимым делом [65].

Психологические исследования показывают, что из тюрьмы люди выходят в жизнь, по меньшей мере «с большим знаком вопроса» – их пугает неопределенность будущего, которая у многих может довольно быстро трансформироваться в страх перед будущим. Больше

беспокойство у бывших заключенных вызывает наличие низкого социального статуса, чувство усталости и одиночества, что сопровождается общим состоянием злости и раздражением. Зачастую бывших заключенных волнуют следующие вопросы: «как сохранить и как укрепить здоровье?», «как создать семью и как ее сохранить?», «как стать уважаемым человеком, с которым считаются?», «как и где получить образование?» [128].

И здесь немаловажную роль играет возможность обрести необходимую информированность. И, соответственно, прежде всего тот человек или та организация, или социальная группа, которые вовремя и достаточно эффективно информационно ориентируют вышедшего на свободу человека, в этих вопросах получают преимущественные возможности стать для него референтными (т.е. теми, к которым он будет «тянуться», чьим мнением и отношением к себе он будет дорожить, с чьими поведенческими эталонами он будет сличать свое поведение в обществе и чью систему ценностей он с наибольшей вероятностью будет стремиться принять, усвоить в дополнение к своей, ранее сформировавшейся в процессе ресоциализации при вхождении в принимающее общество).

Несомненно, заключенным и людям, освободившимся из пенитенциарных учреждений, нужна возможность положительного общественного признания, а также возможность реализоваться. Поэтому на службу психологического сопровождения в ИУ возлагается функция создания условий успеха для заключенных, реализация которого повышает самооценку и уверенность в собственных силах. Приведем воспоминания одного из бывших заключенных: «Когда двое наших арестантов получили от модельера Вячеслава Зайцева грамоты за победу в конкурсе «Красиво шить не запретишь», внезапно вся колония – больше тысячи человек – начали аплодировать. Они восприняли их награждение

как личное признание, их самоуважение выросло» [78]. «В центре я понял, что нужен на этом белом свете, что созидать для окружающих – значит получить еще больше, чем отдал, – говорит бывший заключенный. – Люди считают, что человек после тюрьмы остается преступником. Она действительно меняет, но у всех будут свои выводы. Чтобы не было рецидивов, нужно быть немного добрее друг к другу и доносить, что человек может быть полезным другим. И тогда, рано или поздно, он сам станет лучше» [78]. Однако хорошо известно, что всё это только «со знаком минус» (если иметь в виду полезность для общества) может дать освободившимся из мест заключения криминогенная социальная среда. Вот как соответствующую ситуацию обрисовал один из наших респондентов в частной беседе (лексика респондента в основном сохранена): «Ну вот, я с зоны откинулся... Осмотрелся по первости... И понял, что никому-то я здесь не нужен и никто-то меня и знать не хочет, да и просто на дух не переваривают: кто боится, кто опасается, кто об меня запачкаться не хочет, у кого-то я вообще как бельмо на глазу... И идти-то мне особенно и некуда! А тут – малина подвернулась. А там с тобой и поговорят, и пожить пустят, и накормят, и денег дадут... Но самое важное, что ты там, среди них почувствуешь, что ты не один, что ты нужен. Да не просто нужен, а что именно без тебя им трудно будет что-то важное для них и денежное провернуть! Вот тебе все основы положения в обществе: и деньги с достатком, и работа, на которой тебя оценят (пусть и противозаконная), и психологический уют, и виды на будущее. Ну а ты, сам-то, какую из сторон выбрал бы? Где на тебя всем плевать, и никто ничего не обещает, или где и ты нужен, и на тебя надеются, тебе верят, и есть хоть что-то впереди. Да ты хоть прекрасно и понимаешь, куда это всё приведет, и чем это всё закончится через пару лет. Но идешь к ним». А дальше – после попадания в криминальную субкультурную среду – у человека запускаются процессы десоциализации. И если речь не идет об

откровенно авантюрной или патологически склонной к насилию личности освободившегося, то именно запуск процессов десоциализации происходит примерно по такой схеме, причем для осуществления рецидива правонарушения встреча с представителями криминальных групп не так важна, как фактор одиночества человека и отсутствия видения им каких-либо перспектив нормальной жизни в принимающем обществе.

Психологическое сопровождение заключенных определяется также тем, что социокультурное пространство ИУ многослойно и противоречиво. Оно формируется разными субъектами, главными из которых являются: администрация, представляющая государственный подход к исправлению (ресоциализации) осужденных, и различные группы заключенных, которые выступают носителями разных ценностных установок относительно периода пребывания в ИУ. На пенитенциарной стадии происходит приобщение осужденного к ближайшей социальной среде, а также развивается способность активно преодолевать трудности. И здесь, по нашему мнению, существует ряд «подводных камней» – обстоятельств, потенциально препятствующих успешной ресоциализации. В период пребывания в исправительном учреждении индивид, лишенный поддержки привычного социального окружения, становится особенно чувствительным к влиянию на него неформальных групп, сложившихся в данном учреждении. Они могут оказать на него морально-психологическое давление, блокирующее воспитательное воздействие ИУ. Но при «здоровом» характере таких неформальных групп они могут оказать морально-психологическую поддержку, усиливающую педагогическое воздействие ИУ, актуализирующее переоценку заключенным собственного жизненного выбора, собственной модели поведения. Психологическое сопровождение заключенных направлено на укрепление нормативных ценностей в сознании заключенного и

одновременно на усиление влияния «здоровых» неформальных групп заключенных.

Еще одним направлением постоянной работы администрации ИУ, которое гуманизирует социокультурную среду этих учреждений, является взаимодействие с семьями осужденных. Это направление деятельности администрации ИУ преследует долгосрочные цели: во-первых, укрепление намерений осужденного к возвращению в нормальное общество и восстановлению всего набора своих социальных ролей, среди которых семейные роли обладают особым значением; во-вторых, семья рассматривается в качестве группы поддержки, которая принимает освободившегося из мест заключения, создает ему ресурсы для адаптации к новым условиям жизни. Такое опосредованное включение семьи в пространство ИУ важно не только для осужденных, но и для общества, которое впоследствии примет осужденного после заключения. Успех ресоциализации и социальной адаптации во многом зависит от «желания» данного социума принять бывшего осужденного. Тем не менее на практике в текущих российских реалиях это сделать достаточно сложно. В частности, для стимулирования данного процесса необходимо внести соответствующие поправки в действующее законодательство Российской Федерации. Подобное изменение процедуры отбывания тюремного заключения внесло бы неоценимый вклад в эффективное взаимодействие российского общества.

Деятельность службы исправительных учреждений регламентируется в том числе Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, в соответствии с которым надлежит оказывать помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания. В качестве помощи для освобожденных от уголовного наказания предусматривается бесплатный проезд к месту жительства. А администрация исправительных учреждений на время следования обеспечивает освободившихся

продуктами питания, а также выделяет одежду и обувь по сезону. Также, согласно Постановлению Правительства РФ № 800 от 25.12.2006, освобождаемым может выплачиваться единовременное денежное пособие в размере 850 руб. [108].

В настоящее время для решения вопросов ресоциализации в исправительных учреждениях создаются группы социальной защиты осужденных, функционирование которых регламентировано приказом Минюста России «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исправительной системы» № 262 от 30.12.2005, а также приказом Минюста «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исправительной системы» № 2 от 13.01.2006.

Целью группы социальной защиты осужденных является создание предпосылок для исправления, ресоциализации и успешной социальной адаптации осужденных после освобождения из мест лишения свободы.

Основные функции группы социальной защиты осужденных, согласно действующему законодательству Российской Федерации, видятся в следующем:

- 1) проведение социальной диагностики осужденных, а также выявление лиц, которые нуждаются в социальной помощи на приоритетной основе, разработка индивидуальных программ по работе с заключенными;

- 2) комплексное изучение личности осужденных, которые нуждаются в социальной помощи, проводимое совместно с сотрудниками психологической службы и представителями других служб общей исправительной системы;

3) оказание квалифицированной социальной помощи нуждающимся лицам, а также стимулирование осужденных к решению своих социальных проблем самостоятельно;

4) оказание содействия в установлении и укреплении положительных социальных связей осужденных во внешней социальной среде принимающего общества, в частности, с семьей, родственниками, трудовыми коллективами, учебными заведениями, общественными и религиозными организациями и объединениями;

5) привлечение осужденных к деятельности, предполагающей решение вопросов социальной направленности;

6) социальное сопровождение осужденных на всех этапах отбывания наказания;

7) организация непрерывной работы по подготовке осужденных к освобождению на волю из мест лишения свободы;

8) содействие в решении вопросов, касаемых трудоустройства и налаживания быта осужденных [113].

Согласно Приказу Минюста РФ от 13.01.2006 № 2, подготовка к освобождению заключенных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, начинается не позднее, чем за 6 месяцев до окончания срока наказания, и предполагает совершение совокупности определенных действий:

1) проведение индивидуальной беседы с каждым осужденным, в ходе которой выясняется, где человек будет проживать после освобождения, работать или учиться, имеются ли положительные социальные связи с родственниками, выясняются жизненные планы, а также готовность к обеспечению собственной жизнедеятельности, разъяснение заключенному целесообразность возвращения на свое прежнее место жительства и работу;

2) проведение занятий с заключенными, чей срок отбывания наказания в исправительной колонии подходит к концу, в «Школе подготовки осужденных к освобождению»;

3) рассмотрение поступающих заявлений, а также принятие соответствующих решений по содействию в трудоустройстве и налаживанию быта бывшим заключенным.

За шесть месяцев до освобождения осужденного администрация исправительного учреждения направляет уведомления, адресованные органам местного самоуправления и Федеральной службе занятости по выбранному заключенным месту жительства о предстоящем освобождении из места лишения свободы, о наличии жилья, трудоспособности и имеющихся профессиональных специальностях, а также направляются запросы о возможности трудоустройства и получении регистрации и жилья. Также направляются запросы в орган внутренних дел о возможности проживания по адресу, избранному осужденным, после его освобождения из исправительного учреждения.

Также ведется активная переписка с родственниками осужденного и о возможности их совместного проживания по истечении срока наказания отбывающего в исправительном учреждении.

В случае если приходит ответ о невозможности трудоустройства и налаживания быта осужденного по избранному им месту жительства, то старший инспектор исправительной колонии по трудовому и бытовому устройству уведомляет об этом освобождаемого осужденного и с его согласия принимает меры к положительному решению этих вопросов в других местностях, в рамках территорий иных населенных пунктов.

При этом осужденному, срок наказания в исправительном учреждении которого подходит к концу, разрешается осуществлять краткосрочные выезды продолжительностью до семи суток, исключая время, которое необходимо для проезда туда-обратно, для того чтобы

предварительно решить вопросы, касающиеся трудового и бытового устройства после выхода на свободу.

Освобождение заключенного из исправительного учреждения также сопровождается следующими действиями:

1) разъяснением освобожденному осужденному необходимости соблюдения требований действующего законодательства Российской Федерации, а также недопустимости совершения преступлений;

2) разъяснением обязанности прибытия к избранному месту жительства и явки в орган внутренних дел для регистрации в органы местного самоуправления и службу занятости для своевременного трудоустройства или выхода на учебу не позднее семи дней после освобождения на свободу после исправительного учреждения;

3) выдачей принадлежащих освобождаемым осужденным ценностей, вещей и средств, хранящихся на лицевом счете, а также личных документов и ценных бумаг, соответствующих документов об освобождении и трудовой деятельности;

4) обеспечением бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или денежными средствами на время осуществления проезда до места назначения;

5) обеспечение одеждой за счет государства за неимением таковой у осужденного [114].

Еще одним ресурсом ресоциализации, реализуемым в стенах ИУ, выступает наличие соответствующих фондов и центров. Например, такие фонды, как «Протяни руку» и «Русь сидящая» оказывают помощь семьям осужденных. Поскольку большая часть заключенных – лица мужского пола, такая помощь является неоценимой. Особенно это актуально для мусульманских семей, в которых преобладает патриархальный уклад семейной жизни. Данный факт может подтверждать, что общество не отворачивается от таких семей. Как следствие, осужденный,

исповедующий ислам, имеющий семью, скорее всего, будет отказываться от вербовки радикальными группами ислама. Большинство радикально настроенных заключенных – люди, не имеющие семей на свободе. Также существует Центр содействия реформе уголовного правосудия, устраивающий лекции, на которых разбираются вопросы о том, что такое права человека и каким образом они могут быть нарушены, в том числе в двустороннем порядке.

В целом, несмотря на законодательное регламентирование процесса ресоциализации и социальной адаптации осужденных, сейчас институты соответствующей системы, обеспечивающей их реализацию в Российской Федерации, находятся на стадии реформирования и далеки от совершенства. Зачастую вчерашний заключенный оказывается предоставленным самому себе. В сельской местности он встраивается в локальную поселенческую общину. В городе, особенно в крупном, локальные сообщества достаточно узкие, их представители редко ориентированы на оказание нерациональной поддержки и помощи вчерашнему заключенному. Поэтому в городской среде требуются специальные программы, стимулирующие успешную социальную адаптацию освободившегося из мест заключения в принимающем обществе.

Рассмотренные юридические регламенты, определяющие направления деятельности по реализации ресоциализации и последующей социальной адаптации заключенных и освободившихся из пенитенциарных учреждений, свидетельствуют о том, что законодатель не закладывал в данный процесс духовного компонента. Предполагаемая социально-гуманитарная поддержка – образовательная подготовка, организация помощи поиска жилья, места работы, возобновление положительных социальных связей и др. – необходима для формирования основы последующей нормальной жизни, но духовный компонент имеет

другое содержание: актуализация смыслов в жизни, веры в себя и в Бога. Он задает глубинную мотивацию к возвращению осужденного к практике нормальной социальной жизни. Но этот компонент оказался за рамками официальной концепции ресоциализации.

Отсутствие именно духовной компоненты (а не социальной и психологической) в документах, регламентирующих общий процесс ресоциализации заключенных, а также потери изначальной концепции исправительной системы, привело к низкой эффективности ресоциализации и последующей социальной адаптации. Без внесения духовного компонента действительная ресоциализация не происходит, поскольку у нее нет соответствующего фундамента – духовной силы, веры в себя и в Бога. Если же попытаться найти более научный эквивалент понятиям «духовная сила и вера в себя», то, скорее всего, речь следует вести о формировании в комплексе личности бывшего заключенного системы долгосрочных установок. Действительно, при выхожденной духовной составляющей пенитенциарной системы, единственным долгосрочным психологическим фактором, препятствующим повторному совершению преступления, является страх вновь оказаться в морально и физически дискомфортных условиях мест заключения. Но, как известно, человеческая психика устроена так, что плохое со временем не только забывается, но и вытесняется вновь построенными психикой образами прошлого, носящими для человека менее травматичный характер. То есть, соответствующие ограничители действий, имевшиеся в психике человека после выхода на свободу, ослабевают. Если же в ресоциализационной деятельности пенитенциарной системы будет присутствовать именно компонент Духовности, то это повысит вероятность формирования долгосрочных установок на законопослушную жизнь.

В связи с исключением духовной компоненты возникает вопрос: как принципиально можно формировать духовность, нравственность и

поистине культурные ценности в условиях аскетической среды ИУ? Пример дает досоветская Россия – это обращение к Богу. Формирование религиозного сознания предполагает аскезу и индивидуальную работу с религиозными текстами, молитвами, духовниками.

И в настоящее время в России пытаются возродить пенитенциарную систему, основанную на исправлении и воспитании, в том числе религиозном, что позволит проводить ресоциализацию и социальную адаптацию более эффективно. Применительно к осужденным мусульманам большая роль в духовном наполнении ресоциализации отводится мечети и религиозным организациям. Эту роль сложно переоценить. В этой связи отметим, что Муфтий шейх Равиль Гайнутдин также не остается равнодушным к данной проблеме. В частности, он направил приветственное слово участникам Всероссийской научно-практической конференции, прошедшей в Казани 30-31 мая 2017 года при участии ФСИН России на тему: «Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы». В приветственном слове, в частности, говорится о важности темы как с точки зрения достижения общественной гармонии и национальной безопасности российского общества, так и с точки зрения гуманистических основ Ислама, целью которых выступает призыв к прощению и милосердию. Человек, совершивший преступление, но осознавший свои ошибки и вставший на путь исправления, нуждается в поддержке и вместе с тем достоин того, чтобы ее ему оказали. Проявление чуткого отношения в вопросе возвращения осужденного к нравственной и полноценной жизни на свободе является индикатором нравственной зрелости общества.

Таким образом, целью пенитенциарной системы является создание условий для осужденного, позволяющих переосмыслить свою жизнь и подготовиться к жизни после освобождения из исправительного

учреждения. Индикатором успешности процесса ресоциализации является достижение сформированности такого ценностного отношения человека – бывшего заключенного – к миру, которое обеспечивало бы формирование у него идентичности и самоопределения, способствующих возврату к нормальной жизни в обществе. Заметим, что сегодня это оказывается очень значимым для работы по ресоциализации именно бывших заключенных – представителей мусульманской культуры, в связи с тем, что в среде заключенных отечественных пенитенциарных учреждений постепенно усиливается влияние группировок радикально-исламистской направленности. Стержень процесса ресоциализации именно заключенных-мусульман (как отбывающих сроки наказания, так и освободившихся) видится в формировании идентичности, сущностное содержание которой можно сформулировать следующим образом – «Я-мусульманин, который позволит изменить отношение к своему преступному прошлому и начать нормальную жизнь».

2.2 Мусульманский радикализм как фактор риска ресоциализации осужденных мусульман в исправительном учреждении

Традиционно основополагающим фактором, препятствующим эффективной ресоциализации, а впоследствии и социальной адаптации осужденного является *необходимость принятия тюремной субкультуры*. При этом игнорировать неформальные правила, обусловленные тюремной субкультурой, не представляется возможным. Вследствие этого в психике заключенного может возникнуть когнитивный диссонанс, что зачастую приводит к конфликтным ситуациям в местах лишения свободы. Однако исправления и перевоспитания, необходимые для вхождения в принимающую среду на свободе, в таких условиях не происходит.

В настоящий момент возникла и другая проблема, препятствующая эффективной ресоциализации и социальной адаптации применительно к мусульманским заключенным. *На смену тюремной субкультуре постепенно, но во все более явной форме приходит радикальный исламизм.* Одной из причин этого может служить увеличение числа осужденных, ранее проживавших в республиках бывшего Советского Союза, на территориях которых активно проводят свою деятельность международные террористические организации [20]. Возникновение приверженцев радикального исламизма (ваххабизма) в пенитенциарных учреждениях датируется концом 90-х годов XX века. Первоначально в их рядах отмечались выходцы с Северного Кавказа, доля которых в исправительных колониях значительно возросла после второй чеченской компании. Как правило, эти люди слабо владели учением Корана, достаточно вольно трактуя те или иные суры таким образом, чтобы найти там обоснования для насильственных методов борьбы с иноверцами. Со временем существующая тенденция только усилилась. Начиная с 2000-х годов, к осужденным стали добавляться выходцы из Средней Азии: Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и Таджикистана, как правило, предварительно прошедшие специальную подготовку вербовочных групп. Проникновение таких лиц на территорию Российской Федерации стало возможно из-за отсутствия надлежащего контроля над миграционными потоками в силу неразвитости законодательства, регламентирующего данный вопрос.

Другой причиной является существующая практика жесткой репрессивной политики в указанных странах в отношении приверженцев радикального исламизма. При этом выходцы из Средней Азии, осужденные за совершение преступлений экстремистского и террористического характера, отказывались находиться в статусе «обычных» осужденных, а предпочитали считать себя «военнопленными»

или «узниками совести», преследуемыми за свои убеждения. К «военнопленным» себя причисляли участники незаконных вооруженных формирований, действовавших на территории Северного Кавказа. «Узники совести» – члены организации «Хизбут Тахрир аль Ислами». Приведенные материалы убедительно показывают, что к настоящему времени в российских исправительных учреждениях стали функционировать на нелегальной или полуполюгальной основе радикально настроенные джамааты, целью которых является вербовка осужденных.

А.М. Сысоевым предлагается перечень групп факторов, способствующих распространению экстремизма и исламского радикализма в исправительных учреждениях.

1. Постоянные факторы, характерные для пенитенциарной системы в целом. К ним относятся:

- социокультурная изоляция мест лишения свободы;
- большое число лиц, осужденных за совершение насильственных преступлений;
- наличие психических аномалий у осужденных;
- наличие антисоциальных отношений между осужденными, обусловленных особенностями тюремной субкультуры.

2. Переменные факторы, вызванные оперативной обстановкой в учреждениях уголовно-исправительной системы. К ним относятся:

- наличие неформальных групп среди осужденных, созданных на основе этнических, национальных, религиозных различий;
- влияние неформальных групп на определенные слои исправительных колоний;
- сверхлимитное содержание осужденных по наполняемости исправительного учреждения;

-наличие преступников, осужденных за совершение деяний экстремистского и террористического характера;

-наличие территориальной расположенности исправительного учреждения, обуславливающей этническую, национальную, религиозную неоднородность осужденных [144].

Е.А. Тимофеевой и М.А. Яворским выделяются причины распространения радикальных религиозных течений в пенитенциарных учреждениях. К ним относятся:

- 1) существенное увеличение числа осужденных определенных социальных идентичностей, которые становятся потенциальными сторонниками идеологий радикального толка;
- 2) пытки и унижения осужденных в местах лишения свободы, практикуемые на систематической основе;
- 3) наличие значительной степени свободы пропагандирования радикально-экстремистских идей в исправительных учреждениях;
- 4) повышение уровня привлекательности идеологий радикальной направленности путем их идеализации, популяризации, доступности;
- 5) недостаток в исправительных учреждениях специалистов, занимающихся вопросами идеологического и духовного воспитания: духовников, священнослужителей, психологов, социальных педагогов и др.);
- 6) низкий уровень профессиональной подготовки работников пенитенциарных учреждений, профессиональные компетенции которых могут быть направлены на выявление членов радикальных групп;
- 7) нарушение прав одних социальных групп и предоставление преимуществ членам других в исправительных учреждениях;
- 8) неэффективная организация активного досуга, а также полезной трудовой занятости осужденных;

9) обращение осужденных в радикально настроенную идеологию при помощи осуществления физического и психического насилия;

10) схожесть существующих мировоззренческих установок экстремистско-радикальных идеологий с понятиями и традициями тюремного сообщества;

11) одобрение радикально-экстремистскими группами совершения преступлений, направленных против членов иных социальных групп;

12) оказание материальной помощи осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы, физической защиты, наличие идеологического сопровождения радикально настроенными группами;

13) отсутствие национальных и международных критериев радикализации осужденных и степени экстремизации исправительных колоний;

14) отсутствие эффективных национальных и международных мер по информационному противодействию экстремизма в пенитенциарных учреждениях.

Также выделяются причины проблем, с которыми сталкиваются работники исправительных учреждений в процессе дерадикализации заключенных.

1. Внутренние причины:

-общее переполнение колоний;

-содержание осужденных-экстремистов с другими осужденными;

-превышение полномочий административного персонала в тюрьмах, в том числе наличие коррупции;

-общая неспособность обеспечения безопасности административного персонала исправительных учреждений и их семей;

-недостаток соответствующей подготовки персонала пенитенциарной системы;

-недостаточная разработанность критериев эффективности программ по дерадикализации исправительных учреждений;

-оказание сопротивления осужденными к участию в исправительных программах.

2. Внешние причины:

-слабая заинтересованность общественности принимать участие в программах, направленных на дерадикализацию заключенных, а также общее недоверие к органам власти;

-недостаток решимости и непрерывное политическое вмешательство в программы, направленные на перевоспитание осужденных, отбывающих тюремное заключение;

-крайне отрицательное освещение в СМИ вопросов по дерадикализации заключенных [146].

М.Д. Шкуновой также выделяются проблемы, связанные с исполнением наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных-террористов. К ним относятся:

1) несовершенство действующего уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации;

2) стремление к лидерству осужденных-террористов, отбывающих наказание в исправительных учреждениях;

3) приобщение осужденных-террористов к «воровским» традициям, что приводит к общему ухудшению существующей обстановки в исправительном учреждении;

4) наличие сложностей в работе по наставлению и исправлению осужденных-террористов в силу их извращенных религиозных убеждений [176].

Нет сомнений в том, что *радикальный исламизм оказывает отрицательное воздействие на заключенных в целом. При этом*

экспертами предлагается создавать для мусульман отдельные лагеря ввиду роста числа мусульманских заключенных в российских тюрьмах, что позволит снизить их влияние на других осужденных.

Следует отметить, что в ряде случаев непосредственно сами *имамы являются опорой для создания радикальных групп*, поскольку зачастую не сотрудничают с администрацией исправительных колоний, а, напротив, настраивают верующих отрицательно относиться к правоохранительным органам. Так, по официальным данным Свердловского ГУ ФСИН, в тюрьмах и колониях области действуют пять мечетей и семь молитвенных комнат. Однако на протяжении длительного времени эти учреждения не посещаются официальными представителями ортодоксального исламского духовенства в связи с тем, что у имама Мухаметзина Айрата-хазрата, проводившего духовную работу с мусульманскими заключенными, была изъята экстремистская литература.

Еще одним фактором, усугубляющим проблемную ситуацию, являются *противоречия, возникающие между арестантским укладом и внутренним распорядком*, распространяющимся не только на осужденных мусульман, но и на представителей других культур и религий, с одной стороны, и нормами шариата – с другой.

Поскольку Ислам приобретает все большее распространение в российских ИУ, эта религия начала претендовать на замещение собой арестантского уклада, что вызывает озабоченность не только представителей администрации ИУ, но и в среде заключенных, не охваченных процессами исламизации. «Арестантский уклад един, и в нем не может быть различий по национальности и вере. Поэтому необходимо его сохранять», – вот выдержка из обращения авторитетов Красноярских ИУ к свердловским пенитенциарным учреждениям. Такова реакция на поведение осужденных мусульман в красноярских колониях, которые активно пытаются насадить нормы шариата, в том числе и на бытовом

уровне. Например, предметы кухонной утвари, которой разделявают свиное сало, считаются «грязными» для мусульман. Кроме того, мусульманские осужденные протестуют против посещения бани в обнаженном виде. Поэтому моются в нижнем белье и требуют, чтобы остальные заключенные поступали также. Таким образом, религиозные обряды и внутренний административный порядок тюремного заключения непосредственно входят в деструктивный резонанс [1].

При этом в отдельных случаях осужденные мусульмане в негласной «борьбе» добиваются своего. В связи с этим в уголовном лексиконе появился даже новый термин для отражения этого явления – «зеленый лагерь» или «зеленая масть» (социальная прослойка заключенных, основу которой составляют осужденные за терроризм боевики – выходцы из Кавказского региона, не ликвидированные в ходе контртеррористических операций). Попадая в места лишения свободы, они проявляют организованность, дерзость, силу и фанатичность в исповедовании ислама, подавляя и/или беря под свою защиту более слабых – выходцев из Средней Азии: Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Однако все чаще в российских ИУ стали попадаться и экстремисты из Средней Азии, насаждающие собственные идеологию и поведенческие нормы другим осужденным.

Для решения этой проблемы предлагается привлекать воров в законе из числа представителей мусульманской культуры. Воров в законе не претендуют на власть. По мнению Михаила Орского, администрации колоний необходимо дать волю этой категории лиц для подавления «зеленого лагеря». В противном случае наиболее вероятная траектория ресоциализации представителей мусульманских культур в местах лишения свободы будет заключаться в том, что на волю начнут массово выходить готовые ваххабиты, которые будут приняты в кругу «своих», однако для российского общества в целом это будет иметь отрицательные и

разрушительные последствия. Но стратегия использования воров в законе для противостояния заключенным мусульманам-террористам может стать почвой для усиления и так существующих в некоторых ИУ процессов сращивания криминалитета с представителями администрации.

То есть, еще раз подчеркнем, что в настоящее время российские пенитенциарные учреждения постепенно, но все более активно становятся средой распространения в обществе исламского радикализма, выступая при этом инструментом такой ресоциализации заключенных, которая не только нежелательна для российского общества, но и может нанести ему существенный вред.

В связи с этим официальные представители российской ФСИН в начале 2016 года заявили о необходимости ведения активной борьбы с джамаатами в колониях строгого режима, которые вербуют сторонников в ряды ИГ, чья деятельность была признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации [50].

Однако в настоящий момент отлаженных способов и методов для этих целей не существует. Некоторые выводы о степени эффективности проводимых мероприятий можно сделать из материалов отчетов общественных наблюдательных комиссий (ОНК). Представители курганской и красноярской ОНК обнаруживали факты, свидетельствующие о давлении на осужденных мусульман, от которых требовалось подписать отказ от религии – Ислам. Подобные насильственные методы применяются и в отношении «авторитетов». Их пытаются «ломать», «выбивая» различными способами подписание бумаг, в которых зафиксирован отказ от так называемых «воровских традиций».

Другим инструментом противодействия распространению идей радикального ислама выступает включение в воспитательную деятельность в ИУ духовных лидеров традиционного ислама. По мнению некоторых экспертов, такое решение не только позволит блокировать

влияние заключенных мусульман-радикалов, но и вызовет доверие к администрации исправительного учреждения [43].

В частности, муфтий шейх Равиль Гайнутдин отмечает положительное развитие сотрудничества, сложившееся между централизованными религиозными организациями мусульман, – Духовным управлением мусульман Российской Федерации, Советом муфтиев

России – и Федеральной службой исполнения наказаний. Кроме того, муфтий Равиль Гайнутдин отмечает положительные сдвиги в осознании важности духовно-религиозного воспитания лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Он подчеркивает, что религиозное взаимодействие нуждается в тщательной проработке вопроса об исполнении богослужений, а также в их согласовании с внутренним распорядком, сложившимся в пенитенциарных учреждениях. В частности, по мнению муфтия, необходимо обеспечивать мусульманских заключенных качественной и достоверной религиозной литературой, а также строить мечети или открывать молельные комнаты. При этом совместными усилиями важно проводить работы по профилактике распространения в исправительных учреждениях псевдорелигиозных деструктивных учений. Совместными усилиями Федеральной службы исполнения наказаний и централизованных мусульманских религиозных организаций, по мнению муфтия Р. Гайнутдина, удастся добиться возвращения из мест тюремного заключения людей, достигнувших морально-нравственного очищения и осознания содеянных преступлений, к законопослушной и полноценной жизни [112].

Однако реализация этого замысла встречает сопротивление со стороны администрации ИУ, поскольку однозначно определить то, противоречит или не противоречит российскому законодательству деятельность религиозных сообществ мусульман, возникающих в местах

лишения свободы в ее конкретном воплощении в конкретных ИУ, силами администрации ИУ определить довольно сложно. Другими словами, возврат осужденных мусульман на путь добра и миролюбия оказывается серьезно осложненным.

Собранные материалы, представленные в интервью с представителями мусульманского духовенства, показывают, что религиозное воспитание и оказание духовной поддержки еще во время отбывания наказания – очень важный фактор, обеспечивающий в дальнейшем успех всей работы по ресоциализации человека после его освобождения:

«Вообще помогать нужно начинать не бывшим заключённым, а тем, кто, к сожалению, уже оказался по ту сторону забора и на протяжении всего его срока вести с ним контакт (личные беседы, письма и так далее)».

«...однозначно считаю, что у верующих больше возможностей адаптироваться и влиться в общество, т.к. духовно-нравственные и моральные качества верующего – традиционно сильные качества, которые призывают любить себе подобных, исповедовать религию совместно с людьми, жить в общине, обязательно поддерживать родственные связи и другие указания религии, смысл которых сводится к совместной жизни и взаимодействию между всеми людьми».

Вместе с тем исповедование религии и соблюдение религиозных обрядов является не только конституционным правом граждан Российской Федерации, но и одним из способов ресоциализации человеческой личности, которая может быть достигнута, в частности, посредством восприятия общепризнанных человеческих ценностей и правил поведения впоследствии в принимающем обществе [18].

На резервы работы по перевоспитанию и ресоциализации заключенных-мусульман, связанные с задействованием усилий

представителей мусульманского духовенства, указывали в своих интервью и опрошенные нами имамы.

«Конечно же огромную роль в сохранении социального статуса осуждённого и сохранении его религии, большую роль, играют имамы, которые посещают исправительные учреждения. Порой осуждённые не слушают сотрудников учреждений из-за всевозможных конфликтных ситуаций, а имамы – они для них как луч света (даже среди радикально настроенных мусульман). Из личного опыта: с такими приходится встречаться, которые отрицают любые порядки на зоне (из-за этого большую часть времени находятся в ШИЗО, ОСУС, ПКТ и так далее) но нас они очень внимательно слушают и стараются делать то, что мы им говорим».

Сами же представители администраций исправительных учреждений порой просто предвзято относятся к заключенным, исповедующим Ислам, чем могут свести на нет даже то, чего в деле ресоциализации заключенных позволяют добиться возможности пенитенциарной системы.

Так, по данным анализа материалов интернет-исследования, проведенного автором в социальной сети «Вконтакте.ру», было выявлено следующее.

Из года в год в российских тюрьмах запрещают соблюдать религиозные обычаи Ислама. Точнее, набирает силу тенденция стихийного противодействия представителей администрации ИУ тем или иным проявлениям стремления заключенных следовать исламским традициям в своей жизнедеятельности. Причем отнесение тех или иных действий заключенных именно к «потенциально опасным» или «потенциально вредным» для ситуации в ИУ с точки зрения их содействия внедрению в арестантскую среду исламского радикализма осуществляется, как правило, в каждом случае конкретными

сотрудниками ИУ субъективно, т.е. на основе их личной интуиции, их личных отношений или ценностных предпочтений.

Вот некоторые из выявленных нами конкретных примеров (стиль и орфография авторов сохранены).

4 декабря 2014 года. «Вы не будете молиться стоя!...»: «Хочу обратиться ко всем, кто хоть чуть переживает за своих братьев мусульман и тот, кто против насилия и ущемления прав человека, какой бы веры он не придерживался. Наверно многие помнят сообщение про тюрьму ИК8 «Белый медведь» в ЯНАО в г. Лабытнанги. Там писалось про то, что ущемляют права мусульман и избивают их. Не дают делать намаз.

Потом, когда начали уточнять правозащитники, прокуратура проводила проверку, в ходе которой было установлено, что все нормально и никого не ущемляют в правах. Конечно, все успокоились. Ну как выяснилось, когда приехали сотрудники прокуратуры по ЯНАО к ним, вызвали так называемых «мусульман», чтобы у них спросить об обстановке внутри зоны. Это были далеко не мусульмане. Конечно же, руководство колонии отправили не тех мусульман, которые могли рассказать всю правду. ... А тех, кто мог открыть правду, они конечно же туда не пустили.

Много несчастия творится за стенами этой зоны. У них есть люди свои среди заключенных, которые решают, кого бить из мусульман, а с кем просто поговорить, кого сажать в Шизо, ЕПКТ, ПКТ. (ЕПКТ – Единое помещение камерного типа. ПКТ – помещение камерного типа. Шизо – штрафной изолятор).

... сотрудники колонии нарушают Конституцию РФ статья 28 «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь

и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Нашим братьям угрожают насильственной расправой!!!

... оперативный работник проверяет религиозную литературу, теряет книги и говорит, что они под запретом. Хотя этих книг нет в списках запрещенных.

Активисты воруют книги, коврики для намаза, Къуран, когда заключенных нет в отряде.

... говорили мусульманам, что их соберут в один барак и сожгут. И говорят, все рады будут этому. Многие под влиянием с их стороны оставили намаз, потому что боятся за свою жизнь. Также постоянно сталкивают мусульман с христианами и развивают межрелигиозные розни. И с каждым днем условия ужесточаются. Хотя по закону они на это не имеют право. И к тому же они чувствуют безнаказанность.

... Прошу правозащитные организации обратить внимание на эту проблему.».

29 апреля 2017 год: «Ассаламу Алейкум, помогите кто может мой муж ... сейчас сидит в СИЗО 1 г. Краснодар. Ему предъявляют ст. 111 ч. 4, он всю вину взял на себя, так как действительно виновен. С ним в камере в СИЗО по мимо него сидят еще двое мусульман, мой муж делал намаз, и неделю назад к ним зашли охранники с обыском и сказали, что мусульманам они жизни не дадут и лучший вариант для них, это покончить с собой. НА следующий день они шли с душа стояло начальство с проверкой и один из оперов ... начал их оскорблять когда они шли и мой муж как любой нормальный мужчина не промолчал и ответил на оскорбление его избили и сейчас он сидит в камере одиночке. Связь с ним полностью потеряна, даже ребята которые с ним в камере сидели ничего о его судьбе не знают. Ради Аллаха помогите нам».

Справедливости ради, отметим, что и жалобы ряда заключенных по поводу фактов их притеснения по исламско-религиозному признаку представителями администрации ИУ порой оказываются не только не обоснованными, но и прямо преследуют цели, сопряженные со стремлением лидеров тех или иных джамаатов к укреплению своих неформальных позиций, усилению и распространению своего контроля над происходящим в соответствующих исправительных учреждениях.

При этом существует мнение, согласно которому определенная (миролюбивая) категория осужденных мусульман не пытается устраивать беспорядки, но старается держаться вместе. Они собираются вместе и совершают намаз, стараясь никому не мешать. Конфликты между мусульманами и другими осужденными возникают, однако заключенные стараются друг друга не провоцировать. В случае возникновения серьезного конфликта тюремная мусульманская община (джамаат) заступает за своего вне зависимости от того, прав он или нет. Кроме того, к защите таких общин порой прибегают и славяне. То есть джамаат означает общину или группу людей, которая может быть как радикально направленной («зеленая масть»), так и вполне миролюбивой. При этом, по мнению Арсланова, не получило широкого распространения такое социальное явление в тюрьмах, как джамааты («зеленая масть») женщин мусульманок, отбывающих наказание в колониях строго режима.

Другая проблема, с которой сталкивается администрация ИУ и осужденные, заключается в отказе имамов традиционного вероучения работать с заключенными и наставлять их на путь добра и нравственности. Многие имамы не желают работать в тюрьмах, не понимая важность просветительской работы среди осужденных, в то время как тюрьмы остро нуждаются в грамотных проповедниках, разбирающихся в радикальных течениях ислама и основах традиционного ислама и способных объяснить эту разницу преступникам; поскольку, по мнению Шамиль-хазрета,

радикализм и экстремизм – от невежества. Поэтому необходимо делать упор на просветительскую деятельность как в пенитенциарных учреждениях, так и за их пределами, ибо Ислам не призывает к насилию и убийству. Однако же, общеизвестно, что в ряде мусульманских культур существует традиция достаточно неоднозначного понимания того, что именно (и в отношении кого) следует или же не следует считать насилием.

Проблему нехватки квалифицированных духовников активно исследует Д. Боллес, отмечая общую тенденцию религиозной радикализации в местах лишения свободы: «Нехватка квалифицированных религиозных услуг в тюрьмах только усиливает угрозу радикализации заключенных. Заключенные, имеющие небольшие знания ислама, порой искажая сущность веры, утверждают себя в качестве лидеров среди осужденных... В тюрьме Ислам сочетает в себе признаки насильственной культуры заключенных с религиозной практикой» [11].

Отсутствие наставника традиционного вероучения толкает осужденного мусульманина в сферу влияния радикально настроенных групп. При этом радикально настроенные лидеры могут обещать нахождение жилья и работы, чем могут соблазнить заключенные. Действительно, деятельность таких групп может оказаться более эффективной в вопросах социальной адаптации освобождающегося осужденного в сравнении с общей пенитенциарной системой. В результате, выйдя на свободу, бывший осужденный превращается в радикально настроенного преступника и повторное его осуждение не исключено.

Решение данной проблемы видится в необходимости аттестации религиозных организаций, а также непосредственно имамов или иных служителей культа, работающих с заключенными преступниками.

Выводы по Главе 2: начиная с 90-х годов прошлого столетия, пенитенциарная система стала идти по пути гуманизации общей системы

наказания преступников. Заключенный должен стать социально ориентированным членом общества. Это подразумевает, что человек профессионально обучен, способен и желает жить в соответствии с действующими нормами и законами, принятыми в данном обществе, готов вести трудовую деятельность, а также иметь семью. Формирование таких установок во многом обуславливается верой в себя и верой в Бога. Находясь в стенах ИУ, заключенный может повысить уровень образования, а также сдать экзамены. Веру в себя осужденным придает успешное участие в профессиональных конкурсах, а также занятие благотворительной деятельностью. После освобождения вернуться к нормальной жизни помогают специальные центры и фонды, дающие кров на первое время и обеспечивающие работой. При этом существует риск того, что бывший осужденный не пойдет по пути «мирной» жизни, а будет ориентироваться в выстраивании траектории своего жизненного пути на представителей криминалитета, их образ жизни и ценности. Необходимость принятия арестантского уклада, наличие мусульманского радикализма, постепенно обостряющаяся в отечественных ИУ борьба за верховенство между общим арестантским укладом и религией являются основными факторами, препятствующими успешной ресоциализации и последующей социальной адаптации. Нехватка квалифицированных имамов, а также нежелание ряда из них работать в местах лишения свободы только осложняет общий процесс. Решение данной проблемы видится в создании организационных условий, способствующих усилению передачи ценностей традиционного Ислама в исправительных учреждениях.

ГЛАВА 3. РЕСУРСЫ И РИСКИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ МУСУЛЬМАН В ПРОСТРАНСТВЕ МЕГАПОЛИСА

3.1 Мегполис как социокультурное пространство ресоциализации освободившихся заключенных-мусульман

Значительная часть преступивших закон после своего освобождения стремится связать свою дальнейшую жизнь с большими городами-миллионниками или же с российскими мегполисами, жизнь в которых характеризуется не только высокой деловой активностью и наличием больших возможностей для трудоустройства и обретения самых различных социальных благ, но также анонимностью социальной среды и высоким уровнем культурного и религиозного многообразия. В связи с этим особую значимость приобретают вопросы, связанные с анализом эффективной ресоциализации и социальной адаптации освободившихся из заключения мусульман в принимающих сообществах на территориях российских мегполисов. В общем случае мегполис определяется как урбанизированное пространство, существующее в виде разрастающегося города, который постепенно присоединяет к себе инфраструктуры пригородов и прочих окрестных территорий [32].

При этом социокультурная специфика мегполисов имеет ряд характерных особенностей, выделенных такими исследователями, как А.Д. Алисов [3], Э.А. Орлова [96] и рядом других:

- 1) наличие сложной территориальной стратификации городского пространства, включая неоднородность территории и непрерывную реорганизацию;
- 2) высокая плотность населения мегполиса;
- 3) наличие сложной полиморфной структуры, состоящей из множества взаимодействующих субкультур: конфессиональных,

этнических и пр., развивающейся в направлении повышения дифференциации и усложнения внутренней среды;

4) наличие социокультурной среды, характеризующейся повышенной сложностью;

5) наличие динамической неоднородности происходящих процессов в мегаполисе.

В связи с этим охарактеризуем города-миллионеры с точки зрения столкновения национальностей, религий, культур и внутренних особенностей.

Таблица 7 – Национальности и религии российских мегаполисов

Мегаполис	Национальности	Религии
Москва [56]	Русские, азербайджанцы; татары, башкиры, чуваш; чеченцы, дагестанцы, ингуши; украинцы и др.	Православие Ислам Протестантизм
Санкт-Петербург [57]	Русские, украинцы, белорусы, татары, евреи, узбеки, армяне, азербайджанцы, таджики и др.	Православие Ислам Протестантизм Католичество
Екатеринбург [58]	Русские, татары, украинцы, башкиры, марийцы, немцы, азербайджанцы, удмурты, поляки и др.	Православие Ислам
Казань [61]	Русские, татары, чуваш, украинцы, марийцы и др.	Ислам Православие
Челябинск [62]	Русские, татары, башкиры, украинцы, немцы, белорусы, армяне, мордва, таджики, казахи	Православие Ислам Католичество
Ростов-на-Дону [63]	Русские, армяне, украинцы, татары, грузины, азербайджанцы, белорусы, корейцы, евреи	Православие Армянская апостольская церковь Греческое православие Иудаизм Ислам

таблица 7, продолжение

Уфа [86]	Русские, татары, башкиры, украинцы и др.	Православие Ислам
Красноярск [64]	Русские, украинцы, татары, азербайджанцы, армяне, киргизы, таджики, узбеки, немцы, белорусы и др.	Православие Католичество Армянская апостольская церковь Ислам
Пермь [67]	Русские, татары, башкиры, коми-пермяки, украинцы, удмурты и др.	Православие Старообрядчество Католицизм Протестантизм Ислам Иудаизм

Источник: разработано автором по результатам исследования

Как видно из таблицы 7, города-миллионеры характеризуются многонациональностью, а также сосуществованием различных религий и, как следствие, культурных традиций. Ислам – вторая по распространенности религия после Православия. И ее влияние на культурно-городскую среду будет лишь усиливаться в связи с увеличением числа мусульман в российских мегаполисах.

В Москве доля жителей мусульманских национальностей составляет около 33% в сравнении с 31% москвичей русской национальности. При этом стоит отметить, что число татар, проживающих в Москве, в настоящий момент превышает число татар, живущих в Казани [170].

За последние 30 лет, большая часть которых пришлась на постсоветский период, число мечетей в нашей стране выросло более, чем в 70 раз и в настоящее время составляет более 7 тыс. «В росте численности мечетей наиболее явно отразился процесс исламского возрождения в России», – так интерпретирует обозначенную ситуацию председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин [132].

В Москве мечети считаются не только местом, где совершают молитвы, но и культурной достопримечательностью (Соборная мечеть, Историческая, Мемориальная, Мечеть Ярдем, Мечеть Инам). Вместе с тем Ислам является второй по величине религией в Российской Федерации, которую исповедуют в общей сложности более 100 мусульманских домов для молитв. Увеличение числа мусульман в столице непосредственно связано с прибытием большого количества трудовых мигрантов преимущественно из мусульманской Центральной Азии, Азербайджана и российского Кавказа. По данным официальной статистики, в Москве насчитывается от 1,5 до 2 млн. мусульман. Однако незарегистрированных мусульманских мигрантов гораздо больше [131]. И эта цифра может достигать до 4 млн. чел. [57].

Стоит отметить, что в Москве было создано более 40 мусульманских общин в различных районах. В планах мусульманской общины Южного и Северного Бутова «Милость» открытие ряда мусульманских детских дошкольных учреждений, школ, поликлиник, культурно-развлекательных центров. При этой общине заработало брачное агентство для правоверных. Район Бутова выбран не случайно, поскольку из 200 тысяч жителей около трети населения исповедует религию Ислам. Община, созданная в Бутово, в настоящее время немногочисленна. Тем не менее в долгосрочной перспективе планируется объединить всю мусульманскую диаспору района (по неофициальным данным, насчитывается около 60 тыс. человек). В связи со строительством соответствующей специализированной инфраструктуры, община может перерасти в некую исламскую территорию на карте Москвы. При этом поколения, вырастающие по законам шариата, впоследствии могут не адаптироваться к столичной светской среде, это обстоятельство несет в себе риск общей изоляции мусульман, что с неизбежностью приведет к обострению общей социальной напряженности и усилению криминогенной обстановки в

городе. Также высока доля мусульман в Юго-Западном и Северо-Восточном округах.

По мнению эксперта Игоря Белобородова (директора Института демографических исследований), в Бутово был достигнут критический предел, поскольку около трети населения – представители иной культуры. При этом ассимиляция есть всего лишь красивая идея, плохо реализующая себя на практике. Нельзя допустить сценария европейских стран, где поджоги автомобилей, ограбления местных жителей, выходки экстремистской направленности «в исполнении» представителей мусульманской молодежи из числа мигрантов уже давно стали содержанием общего культурного фона жизни не только отдельных городских районов или муниципальных округов, но и целого ряда городов. Известно, что существенное увеличение доли мигрантов в численности населения больших городов размывает их культурную целостность, что ведет к ослаблению неформальных возможностей культуры принимающего сообщества оказывать влияние на процессы ассимиляции прибывающего населения и, в итоге, – к возникновению и усилению межкультурных трений, что повышает уровень социального дискомфорта повседневного существования в среде коренных жителей. На помощь может прийти грамотная политика расселения, чтобы не допустить нарушения достаточного уровня толерантности городской среды.

Противоположное экспертное мнение высказывает исламовед Руслан Курбанов. По его словам, российские мусульмане отличаются от европейских, поскольку они больше интегрированы в титульное русскоязычное общество. Российская государственность строилась на союзе между мусульманскими и славянскими народами, в связи с чем российские мусульмане считают себя частью этой страны, а не элементом извне. И как бы ни менялся баланс населения, нужно продолжать чувствовать себя единым народом. Для этого необходимо повышать

уровень образования населения, ибо зачастую невежеством питаются националистические убеждения и исламские традиции.

Тем не менее некоторые обособления мусульман все же имеют место. Например, комиссия Мосгордумы по межнациональным и межконфессиональным отношениям поддержала инициативу председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина по открытию в столице сети магазинов, реализующих халяльную продукцию. В настоящее время в России более 99 предприятий производят халяльную продукцию, а в Москве функционирует около 30 магазинов, палаток, предприятий общественного питания указанного толка. Однако уже сейчас их количество явно недостаточно для того, чтобы вместить всех желающих из числа постоянно растущего мусульманского населения столицы [60].

Если говорить о прочих региональных мегаполисах и городских агломерациях, то численность мусульман в них также имеет положительную динамику. Так, например, если в Санкт-Петербурге 10-15 лет назад религию Ислам исповедовало около 250-300 тыс. человек, то в настоящее время – около 1 млн. Рост численности мусульман объясняется тем, что в России остаются дети бывших трудовых мигрантов, а также студенты, прибывшие из арабских стран [57].

Санкт-Петербург представляет собой многонациональный и многоконфессиональный город-мегаполис. По некоторым оценкам более трехсот лет в нем живут люди различных национальностей и вероисповеданий. Их отношения строятся на толерантной дружеской основе. При этом гармоничное развитие отношений между населением, имеющим различные религиозно-культурные традиции, стимулирует как архитектурное обновление, так и духовное обогащение. Сохранение и почитание культурных традиций и обычаев, религиозных святынь мультиэтнических народов является достоянием Санкт-Петербурга [81].

В Санкт-Петербурге функционирует шесть мечетей: Соборная мечеть, Дом для омовений, Коломяжская мечеть, Культурно-Просветительский Центр Дагестан или КПЦД, две Молельных комнаты [79].

По оценкам Председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, Екатеринбург – город-миллионер, в котором проживает больше всего мусульманского населения – сотни тысяч [30]. По другим оценкам, эта цифра исчисляется 400 тыс. человек – треть горожан. Вместе с тем в настоящий момент в Екатеринбурге насчитывается две мечети, в которых мусульмане не помещаются, что вызывает недовольство, с одной стороны, мусульманского населения, с другой стороны, – прочих жителей города (многие из которых атеисты), поскольку выражаются идеи о строительстве площади Мира и Согласия, где рядом бы стояли храм, мечеть и синагога в память о воевавших и погибших людей разных национальностей и вероисповеданий. Если говорить о мусульманских прихожанах, то они состоят из этнических и коренных татар, башкир, которых насчитывается около 100 тыс. Остальные прихожане представлены азербайджанцами, киргизами, таджиками. Азербайджанцы имеют гражданство РФ, а остальные в основном мигранты. В связи с этим многие задаются вопросом, зачем строить мечети для мигрантов. Тем не менее эти люди работают в России и, в частности, в Екатеринбурге годами и десятилетиями, и есть люди, которые помнят, что не так давно все жили в одной стране – СССР. Следует отметить, что трудовая миграция в России поощряется. Однако согласно мнению некоторых экспертов, в частности, Наиля Шаймарданова, если привлекать людей другой культуры и религии, то их необходимо и духовно опекать. При этом стоит отметить, что за недостатком мечетей люди молятся неизвестно где и неизвестно под чьим духовным руководством. Следовательно, непонятно, какие идеи внушаются правоверным мусульманам. Как следствие, образуется

благодатная почва для формирования запрещенных радикальных организаций, что никак не может быть вписано в нормальную российскую среду. Кроме того, в мечети Екатеринбурга активную работу ведут силовые структуры. И постепенно мусульман объявляют врагами народа России и относятся как к людям второго сорта. Такой негативный опыт Екатеринбурга и Свердловской области не может способствовать снижению уровня криминогенности и успешной ресоциализации и последующей социальной адаптации бывших заключенных-мусульман [98].

Казань – один из городов-миллионеров, в котором проживает наибольшее число российских мусульман. По данным федерального социологического опроса, в Казани проживает 72% мусульман [22]. Жители Татарстана называют Казань главной столицей мусульман РФ. В Казани насчитывается около 58 действующих мечетей. Казань является площадкой экономического взаимодействия России со странами исламского мира. Казань была выбрана в качестве пилотного региона для создания исламского банкинга. Активно развивается халяль-индустрия [82]. Вместе с тем в Казани насчитывается около 48 Православных храмов. Из чего можно сделать вывод о том, что Казань очень толерантный город. Апофеозом казанской толерантности может служить храм всех религий, строительство которого началось в конце 20-го века и продолжается и по сей день. В Казани активно соблюдается баланс объектов культового назначения. Если возводится новый храм, то через некоторое время начинается строительство и новой мечети. Местные жители с пониманием и уважением относятся к приверженцам иной веры. Поэтому Казань представляется наиболее подходящим местом для успешной ресоциализации и социальной адаптации бывших заключенных-мусульман, выступая духовным центром Ислама в России [104].

В Челябинске проживает около 18% мусульман от общего числа населения мегаполиса. Местные жители протестуют против возведения мечетей и общей исламизации общества. По их мнению, мечети строятся там, где их переизбыток. Такой переизбыток может привести к экстремизму. Это же отмечает Евгений Блинов – руководитель регионального отделения Национально-демократической партии. Необходимо отметить, что доля мусульман в общем числе жителей Челябинска растет, три действующие мечети уже не могут вместить всех прихожан, и людям приходится молиться на улицах) [166]. А между тем криминогенная ситуация в Челябинске только обостряется. В 2019 году в Челябинской области в 2,6% возросло количество совершаемых преступлений и дошло до 66,6 тыс. При этом Челябинская область занимает по этому показателю четвертое место в стране после Москвы (142 тыс. преступлений), Московской области (77 тыс.) и Краснодарского края (71,6 тыс.). Для сравнения: в Свердловской области было совершено 57,7 тыс. преступлений. Также в Челябинске увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений на 7,3% [165]. Возможно, это связано с тем, что мусульмане не только лишены возможности достойно отправлять религиозные обряды, но и испытывают по меньшей мере недружелюбное отношение со стороны местного населения, что и является причиной различного рода противоправных проявлений со стороны приезжих, исповедующих религию, не являющуюся традиционной для данной местности.

В Ростове-на-Дону в 2016 г. насчитывалось около 150 тыс. мусульман. Новообращенных мусульман принимается до 10 человек ежегодно [23]. Согласно данным, опубликованным в городской администрации, в Ростове-на-Дону 29,2% горожан причисляют себя к атеистам, 65,6% – к православным, 2,8% – к мусульманам и 2,4% – к иным конфессиям. При этом число религиозных культов растет. В 2017 году

были зарегистрированы 124 религиозные организации. Кроме того, увеличивается число незарегистрированных объединений, каждое из которых проповедует и пропагандирует собственные идеалы и ценности, в том числе представления о предназначении человека и о смысле его существования, что является основной причиной общей дезинтеграции местного общества. При этом 8,8% ростовчан нетерпимы к другим национальностям из-за оскорбительного поведения мигрантов, неуважения ими обычаев и традиций местного населения Ростова-на-Дону, а также использования другого языка [158]. Таким образом, криминогенная зона указанного мегаполиса сильна и не способствует успешной ресоциализации и последующей социальной адаптации – возврату к нормальной жизни бывших заключенных-мусульман. Кроме того, имаму ростовской соборной мечети Наилю Бикмаеву предъявлено официальное обвинение в разжигании межнациональной розни следственным отделом регионального управления СКР. По версии следствия, имам в своих проповедях давал отрицательную оценку другим религиям: христианству и иудаизму, утверждая, что «все это одна религия неверия» [69].

В Уфе общее число практикующих мусульман составляет около 2 611 человек, там действует 5 мечетей. При этом отмечается их нехватка. Исламское возрождение в этом регионе тесно связано с национальным движением татар и башкир. Началось проникновение и распространение новых исламских и религиозных движений и направлений. Существуют зачатки идеологического противостояния «традиционный» – «нетрадиционный» ислам. При этом в общественном сознании формируется отрицательный образ Ислама, применяется термин «ваххабизм». Таким образом, возникают зачатки внутриконфессионального конфликта [5], что в целом не может создавать благодатной почвы для успешной ресоциализации и последующей

социальной адаптации в этом мегаполисе. Необходимо формирование единообразной системы вероучений.

Красноярск представляет собой один из центров сосредоточения российских мусульман – около 28%, при том, что там православных – 43%, а атеистов – 22%. Вместе с Москвой и Екатеринбург он входит в пятерку самых православных и самых мусульманских регионов России одновременно [62]. В Красноярском крае функционируют не менее 28 мусульманских организаций и групп, которые входят в состав Единого духовного управления мусульман Красноярского края. Открыты 27 молельных помещений для мусульман, около 10 мечетей, девяти молельных домов, не менее восьми молельных комнат [79]. Стоит отметить, что в Красноярске довольно отчетливо наблюдается такое явление, как «русские мусульмане». Их число с каждым годом растет. В общем случае они делятся на две группы: «идеологизированные» и «искренние». «Искренние русские мусульмане» являют собой успешный пример принятия духовной основы религии Ислама. Поэтому, исходя из приведенных данных, можно судить о том, что в г. Красноярске создается благодатная почва для ресоциализации и последующей социальной адаптации – возврату к нормальной жизни бывших заключенных-мусульман, поскольку, с одной стороны, среда достаточно толерантная, с другой стороны, имеет выработанные духовные ценности [107].

В Перми отмечается большое количество межэтнических браков. И, по мнению местных верующих, до 80% татар имеют супругов других конфессиональных групп, что, с одной стороны, не создает проблемы смены вероисповедования для одного из супругов, с другой стороны, повышает уровень толерантности местного населения, в том числе мусульманского. Наличие тесных связей способствует тому, что мусульмане не будут выступать против русского населения Перми. Кроме этого, наличие значительного числа прихожан старшего и среднего

возрастов является залогом соблюдения традиций и отрицательного отношения к нововведениям. Наличие слабых связей между районами проживания мусульман создает препятствие для распространения информации о проповедях экстремистского толка. Тем не менее отмечается достаточно низкая духовная культура. Приезжие мусульмане разбираются в религии Ислам не лучше, чем местные. Вместе с тем тенденции сепаратизма характерны для целых общин – происходит раскол из-за противоречий организационного и юридического характера [123], что в целом не может укреплять среду успешной ресоциализации бывших заключенных мусульман.

Представленные характеристики российских мегаполисов во многом свидетельствуют о том, что в России не устоялось единое исламское учение, что создает почву для проникновения радикально направленных идей, которые не способствуют укреплению единого социального пространства, основанного на духовности и взаимоуважении его членов. Такое положение создает проблему для успешной ресоциализации бывших заключенных- мусульман. Хотя их вхождение в нормальную жизнь в настоящее время представляется важной задачей, стоящей перед российским обществом.

В связи с этим глава государства В.В. Путин полагает, что одна из важнейших задач, стоящих перед российским обществом, – это воссоздание собственной исламской богословской школы, которая могла бы обеспечить суверенитет российского духовного пространства. Целью создания такой школы является отклик на текущие события, происходящие в России и в мире в целом, выражение мнений, которые будут понятны и признаны верующими. При этом приоритетом публичной деятельности мусульманских организаций «должны быть не внутренние дискуссии и споры о верховенстве, а выработка положительного образа традиционного ислама [89].

Кроме того, стоит отметить, что высокоурбанизированная среда мегаполиса также формирует определенный социально-психологический тип личности. Этот человек характеризуется такими чертами, как рациональность, подвижность и активность, готовность к постоянным изменениям социокультурной среды, а следовательно, к изменениям условий социального взаимодействия; к перемене места жительства и работы. Житель мегаполиса умеет эффективно сочетать собственные интересы с интересами других людей. Характеризуется типом личности, способной справляться со сложностью, изменчивостью и динамизмом дифференцированной городской среды [89]. Вместе с тем немаловажную роль в социальной адаптированности в мегаполисах играет уровень образования, который позволяет индивидууму вырабатывать индивидуальную стратегию выживаемости в социокультурном пространстве [178].

Поэтому бывшему заключенному, вышедшему из мест лишения свободы, при ресоциализации и социальной адаптации в условиях мегаполиса необходимо освоить урбанизм как образ жизни, а именно совокупность характерных для городских жителей не только правил и норм поведения, во многом обусловленных высокой степенью концентрации населения и особенностями, присущими городской культуре, но и соответствующие неписанным культурным стандартам мегаполиса нормы, на которых базируется процесс формирования понимания людьми происходящего.

Кроме того, сложившееся на сегодняшний день в высокой степени аномичное российское общество, в котором не сформировалось такой системы ценностей, которая разделялась бы большинством, лишается многих культурно-обусловленных аспектов стереотипности урбанизированного образа жизни. Несомненно, такая специфика предъявляет дополнительные требования к общему процессу

ресоциализации и социальной адаптации осужденных мусульман. Это значит, что освободившиеся после отбытия наказания мусульмане должны не просто восстанавливать утраченные положительные социальные связи, но и осваивать новые социокультурные образцы, нормы и ценности, технологии коммуникации разнородного по своей сути принимающего общества. Для этой цели человеку необходимы поиск и последующее обретение референтной социальной группы, могущей принять бывшего заключенного так, чтобы присущие ему характеристики и его качества-свойства не диссонировали и не вступали в серьезные противоречия с условиями, сложившимися в принимающей среде. Этот процесс может сопровождаться следующими действиями:

1) определением релевантных для освобождающегося осужденного социальных групп, сформировавшихся в мегаполисе, предварительно произведя типологизацию бывшего заключенного по определенным признакам;

2) определением, какая социальная группа, сформированная из жителей мегаполиса, будет референтна для бывшего заключенного, что позволит осуществлять процесс ресоциализации и социальной адаптации осужденного в благоприятном для общества направлении;

3) формированием среды ресоциализации, в рамках которой может быть реализован эффективный социальный контакт осужденного, проходящего ресоциализацию с подходящей референтной группой, сопровождаемый участием действующих агентов или каналов ресоциализации.

В общем случае, возможно, для решения задачи ресоциализации осужденных мусульман в условиях современного российского мегаполиса такая референтная группа должна состоять из коренных жителей этого мегаполиса, являющихся представителями мусульманской культуры и

вероисповедования, чьи ценностные ориентации и поведенческие стереотипы предстоит усваивать вышедшим из мест лишения свободы.

В рамках обозначенного смыслового контекста рассмотрим отличительные черты культуры мегаполиса, в культурном поле которого могут происходить процессы ресоциализации и социальной адаптации заключенных – представителей мусульманской культуры.

Социокультурная среда мегаполиса характеризуется следующими чертами:

- 1) анонимность общения;
- 2) уровень потребления;
- 3) широкие возможности для самореализации личности:

- мегаполис как культурный центр;
- мегаполис как центр образования;
- мегаполис как центр сосредоточения новых видов деятельности и новых профессий;
- мегаполис как центр разнообразия социальной, в том числе религиозной жизни.

Говоря о ресурсах и рисках социокультурной среды, рассмотрим вопрос о том, что значит быть мусульманином в мегаполисе, дабы хоть в первом приближении оценить интраспективный аспект ресоциализации и социальной адаптации осужденных мусульман, выходящих на свободу после тюремного заключения. Для этого приведем высказывание Шамиля Аляутдинова: «Быть мусульманином в мегаполисе – это значит не потеряться в бесконечном хаосе вопросов и проблем, уметь останавливаться 5 раз в сутки, дабы с душевным спокойствием предстать перед Богом на несколько минут и к концу молитвы отсеять второстепенное от главного. Это значит находить время для семьи и духовного развития детей, давая им четкие ориентиры, правила и принципы, на которые они могут опираться, отделяя зло от добра. Это

значит находить время для пятничной и праздничной молитв, хотя бы в выходные дни и отпуска. Это значит не забывать в своих молитвах о предках и заботиться, совершая конкретные положительные дела, о потомках. Это значит стараться быть лучшим, используя огромный потенциал веры и безграничную Божью милость. Это значит трудиться на все 100%, делать от себя зависящее, а в том, что кажется невозможным, полагаться на Бога» [4].

Из данного высказывания можно заключить, что для мусульман важен религиозный аспект жизнедеятельности, в том числе возможность следования религиозным предписаниям и традициям, но современные условия больших городов, расположенных не на территории исламских теократических государств, доминирующий там образ жизни, отнюдь не способствуют этому.

Стоит отметить, что последующая социальная адаптация как часть общего процесса ресоциализации мусульманских заключенных в части усвоения духовных основ в мегаполисах имеет мощную инфраструктурную базу для того, чтобы осуществляться вполне эффективно, поскольку постоянно возрастает число строящихся и вводимых мечетей. При этом мечети, а также формирующиеся при них религиозные общины и околорелигиозные объединения, активно занимаются духовно-просветительской деятельностью, в том числе обращая в Ислам и этнически-русское население мегаполисов.

В качестве примера можно привести следующее. В Медресе при московской соборной мечети проводится набор слушателей, в том числе русских, принявших ислам, на новый 2019-2020 гг. для изучения таких дисциплин, как тафсир (комментарии к Корану) к суре «Пещера», кораническая грамматика арабского языка, таджвид – по суре «Пещера». Занятия проводятся по субботам с 13:30 по три часа. При этом дается исчерпывающая информация о том, к кому обратиться.

В рамках специфики мегаполиса представляется, что процесс ресоциализации, а впоследствии и социальной адаптации осужденных проходит более эффективно. Прежде всего это связано с высокой деловой активностью населения и развитостью инфраструктуры. Люди в мегаполисах более мобильны, что во многом обусловлено наличием рабочих мест (стоит подчеркнуть, что в маленьких городах зачастую нет работы для законопослушного населения). Однако бывшие заключенные-мусульмане могут опереться на религиозную общину в сфере поиска жилья, работы, включения в свободную фазу жизни и т.д. С другой стороны, быстрый темп жизни, присущий мегаполисам, не всегда позволяет в полной мере жить духовной жизнью, как то предписывает религия Ислам.

Но вместе с этим, российский мегаполис таит в себе потенциальные риски для бывших заключенных-мусульман:

- 1) обособление основного количества жителей от мусульман, связанное с общим недоверием к ним;
- 2) высокий уровень социально-экономической дифференциации населения;
- 3) высокий уровень криминальности среды, которая провоцирует человека на срыв общей ресоциализации и социальной адаптации;
- 4) наличие неустойчивости социальных связей и общественного контроля, что стимулирует попадание бывшего заключенного в криминальные структуры;
- 5) вольность и безнаказанность работодателей, принимающих на работу бывших заключенных, которые зачастую не соблюдают права наемных работников вследствие общего размытия общественного контроля;
- 6) низкий уровень социального контроля, характерный для социальной среды мегаполисов.

Все эти характеристики мегаполиса способны не только существенно осложнить общий процесс ресоциализации и социальной адаптации бывших заключенных-мусульман, но и направить его в нежелательное для общества русло. Риски высоки. Социокультурная среда мегаполиса дает широкие возможности для успешной ресоциализации и социальной адаптации, но не помогает в этом сама по себе. К обозначенным возможностям человеку трудно получить доступ на индивидуальном уровне, особенно это сложно для освободившегося из заключения мусульманина, тем более если он по происхождению и предыдущему опыту не является жителем большого города.

И вот здесь, особенно в случаях приезда на жительство в городскую среду мегаполиса тех освободившихся из заключения мусульман, для которых высокоурбанизированная среда изначально не являлась родной или хотя бы ранее освоенной, возникает опасность впадения в состояние, получившее в работах по проблематике адаптации мигрантов название «социальной смерти» – являющееся результатом процесса самоустранения и/или исключения человека из жизни социума. Речь идет о таком положении человека, возникающем прежде всего в экономической, политической и правовой сферах жизнедеятельности общества, которое в силу его личностной исключенности ее из социально-коммуникационных и профессиональных связей в чужой для него социальной среде порождает дестабилизацию, деградацию или отмирание различных привычных для него социальных ролей, существенно понижает уровень мотивации и сужает спектр его потребностей, направляющих его повседневное поведение во всех названных сферах, что может привести к целому ряду инволюционных процессов, связанных с социальным существованием и психическим развитием.

Ключевыми признаками этого состояния являются: потеря свободы как необходимого условия для самореализации; потеря социальной

идентичности, приводящая к невозможности самоопределения; отрицание человеком общепринятых норм и ценностей; осознанный отказ от взаимодействия в сфере общественной жизни.

При этом объективно существует четыре следующих критерия, на которые следует ориентироваться, оценивая успешность интеграции человека в новую и/или непривычную для него социальную среду мегаполиса:

1) наличие официальной работы, обеспечивающей по меркам данного социо-территориального сообщества достойное существование;

2) знание языка (в наибольшей мере оказывается значимым для таких групп приезжающих в мегаполисы после освобождения, как выходцы из средних и малых городов и сельской местности азиатских государств – бывших республик СССР, и выходцы из таких малых городов и сельских населенных пунктов России, которые условно могут быть отнесены к категории «национальных окраин»);

3) вовлеченность в социально-информационную сеть – потребность в использовании средств массовой информации и массовой коммуникации, а также умение их использовать; наличие регулярных контактов неформального характера с представителями принимающего сообщества;

4) практическое освоение схем продуктивного взаимодействия с местными бюрократическими структурами.

В случае невыполнения обозначенных критериев социальная адаптация и последующая ресоциализация вернувшихся из мест заключения в мегаполисе, во-первых, осложняется, а во-вторых, может приобрести нежелательный для общества вектор своего развития.

Возникновение деструктивного – направленного на себя или на окружающую социальную среду – поведения у людей, находящихся в условиях чужого общества, в ситуации отсутствия необходимого

социально-психологического окружения, в частности, связано с деформацией явно или скрыто присутствующей в сознании любого человека концептуального видения собственного будущего.

В целом же, охарактеризовать социокультурную среду мегаполиса можно следующим образом.

Для нее характерны: анонимность, обезличенность общения, высокий и в ряде случаев обоснованный лишь факторами социального престижа уровень потребления, широкие возможности для самореализации личности (поскольку мегаполис – это всегда и культурный центр, и центр образования, и территория сосредоточенности новых профессий и новых видов деятельности; это также и среда, несущая в себе множество возможностей для развлечения, для которой, в частности, характерна разнообразная социальная, в том числе религиозная жизнь).

Можно указать и ряд существующих в среде мегаполиса специфических институциональных условий для ресоциализации, в частности, мусульман. Так, в этой среде мусульмане консолидируются вокруг мечети, которая, как социальный институт, может оказывать влияние, препятствующее их индивидуализации; бывшие заключенные могут опереться на религиозную общину в сфере поиска жилья, работы, освоения способов жизни на свободе и т.д. Но вместе с этим российский мегаполис таит в себе потенциальные риски для бывших заключенных: обособление значительного количества жителей как представителей основных социальных групп от мусульман; различные фобии; проблемы с трудоустройством и съемом жилья, регистрацией и – шире – легализацией своего положения в городе; недоверие к мусульманам как со стороны значительного количества представителей власти, так и со стороны обывателей; высокий уровень социально-экономической дифференциации населения; высокий уровень криминогенности среды, что в совокупности

способно провоцировать срыв ресоциализации представителей мусульманской культуры или ее переориентацию в «русло», нежелательное для общества и государства.

Следовательно, успешность ресоциализации и социальной адаптации в условиях мегаполиса в значительной мере определяется включенностью мусульманина, освободившегося из мест заключения религиозную общину.

3.2 Практики ресоциализации и установки осужденных мусульман: опыт эмпирического исследования

Практики ресоциализации осужденных мусульман включают в себя мероприятия, осуществляемые непосредственно в ИУ, и институциональную поддержку ресоциализации и социальной адаптации после освобождения, в частности, оказываемую в городах-миллионерах.

Анализ условий организации жизни осужденных мусульман в пространстве ИУ показал возможности и риски ресоциализации, столкновение официальной программы исправления осужденных и тюремной субкультуры, которая по своим нормам часто противодействует таким программам. Эти противоречия осложняются также фактором исламского радикализма.

Выделенные факторы, направленные на ресоциализацию осужденных, и риски этого процесса объясняют необходимость изучения восприятия эффективности ресоциализации со стороны самих осужденных и освободившихся из мест заключения. С этой целью было проведено эмпирическое исследование, которое проходило в два этапа. На первом этапе объектом наблюдений выступали осужденные мусульмане и работники исправительных учреждений (эксперты). На втором этапе – освободившиеся из мест заключения и проживающие в Москве, и имамы московских мечетей (эксперты).

Сбор эмпирической информации на первом этапе исследования (февраль-март 2018 года) проходил в исправительных учреждениях, расположенных на территориях Ивановской, Курской, Рязанской, Самарской и Читинской областей, Красноярского и Хабаровского краев. Метод сбора первичной информации: полуструктурированное интервью. Была организована направленная выборочная совокупность исследования, в которую вошли две категории респондентов: представители администрации исправительных учреждений ($n = 13$ чел., выступивших в качестве экспертов); осужденные мусульмане ($n = 112$ чел.).

Источником первичной информации для дальнейшего анализа послужили:

1) материалы анкетирования сотрудников исправительных учреждений (текст анкеты для сотрудников дан в приложении А), дополненные сведениями, почерпнутыми из комментариев, данных сотрудниками ИУ в процессе проведения опроса в режиме интервью (обследование сотрудников ИУ носило качественно-количественный характер, что проявилось в сочетании анкетирования по стандартизированной анкете, содержащей значительное количество открытых вопросов с «параллельным» интервьюированием респондентов в процессе проведения анкетного опроса; необходимость такого сочетания двух методов сбора первичной информации – качественного и количественного – была обусловлена технической невозможностью обследования большого числа сотрудников ИУ).

2) материалы анкетного опроса осужденных, отбывающих назначенные сроки наказания в исправительных учреждениях (текст анкеты для осужденных представлен в приложении Б).

Задача этого этапа эмпирического исследования: изучить проблемы и эффективность методов ресоциализации осужденных, применяемых как

в ИУ в процессе подготовки заключенных к освобождению, так и после их освобождения в местах прибытия для дальнейшего проживания.

Второй этап исследования был проведен в мае-сентябре 2019 г. в Москве. Была организована направленная выборочная совокупность исследования, в которую вошли две категории респондентов: 1) пять имамов мечетей г. Москвы (эксперты); 2) группа мусульман, отбывших сроки наказаний и проживающих после освобождения в московском мегаполисе (отбор же респондентов из числа бывших заключенных проводился также по направленной выборке с использованием метода «снежного кома»). Всего в этой группе было опрошено 168 мужчин мусульманского вероисповедания, отбывших различные сроки наказания по первой в их жизни судимости и ныне проживающих в Москве. Национальный состав опрошенных: татары, кабардинцы, адыги, ингуши, башкиры, даргинцы и ногайцы. Из них 68 человек являлись уроженцами Москвы или ближайшего Подмосковья, 100 человек – приезжими из других регионов России (все приезжие происходили из небольших городов или сельских населенных пунктов). Сведения о национальной принадлежности опрошенных, территории их происхождения и их судимостях фиксировались с их слов.

В качестве метода сбора первичной информации использовался метод опроса, реализованного в форме стандартизованного интервью с опорой на текст заранее разработанных вопросников, один из которых предназначался для представителей мусульманского духовенства (прил. В), а другой – для бывших заключенных (прил. Б).

Анализ и обсуждение полученных результатов эмпирического исследования

Материал, собранный в процессе проведенного исследования, может быть разделен на две части, первая из которых отражает проблемы и ситуацию в области ресоциализации осужденных, отбывающих наказание

в исправительных учреждениях. Это то, что так или иначе связано с первым, пенитенциарным этапом ресоциализации, о котором говорилось выше и в рамках нашего исследования представляет интерес, прежде всего, как совокупность сведений, как-то характеризующих тот фундамент, на котором в последующем, после освобождения из ИУ, будет строиться процесс ресоциализации в условиях мегаполисов. С рассмотрения этой части мы и начнем анализ полученных нами материалов.

Вторая часть имеющейся эмпирики отражает проблемы и ситуацию в области ресоциализации бывших заключенных, уже отбывших наказание и вернувшихся на постоянное место жительства в мегаполисы.

Первый этап ресоциализации (в рамках ИУ)

Во-первых, ряд трудностей и проблем, с которыми сталкиваются заключенные, отбывающие сроки наказания в исправительных учреждениях, так или иначе сопряжен именно с недочетами, имеющимися в работе, направленной на обеспечение ресоциализации заключенных.

Во-вторых, во многом эффективность воспитательно-профилактической работы с осужденными оказывается не на должном уровне из-за кадровых проблем исправительных учреждений.

В-третьих, серьёзным препятствием продуктивному протеканию начального (пенитенциарного) этапа процесса ресоциализации является ситуация в среде самих заключенных. Причем, одно из проявлений специфики этой ситуации на современном этапе связано с появлением и постепенным усилением в исправительных учреждениях влияния радикально настроенных исламистских групп среди заключенных.

В-четвертых, среди существующих внутри системы исправительных учреждений факторов ресоциализации заключенных, наиболее значимыми являются такие, которые сопряжены с поддержанием у людей ощущения своей нужности или значимости, а также перспективы своего

существования (общественно-полезный труд и профессиональное обучение); факторы религиозной ресоциализации (шире – духовного воспитания) заключенных востребованы осужденными, но в существующей в ИУ системе деятельности по ресоциализации проработаны, задействованы явно недостаточно. Среди так называемых «агентов» ресоциализации заключенных наиболее эффективны на сегодняшний день работающие в ИУ учителя, педагоги и мастера производственного обучения, а также некоторые лица из числа самих осужденных.

В-пятых, среди институционализированных «внешних» по отношению к пенитенциарной системе «агентов» ресоциализации наиболее важны, по мнению осужденных, три – родственники и знакомые (земляки), религиозные общины при мечетях.

Ниже (табл.8) представлены распределения их ответов на вопросы, позволяющие количественно оценить то, в какой мере и в каких аспектах ресоциализация представляется необходимой самим осужденным (данные приведены в % от общего числа ответивших на соответствующий вопрос, поэтому долевые значения могут превышать 100%).

Таблица 8 – Распределение ответов на вопрос: «С какими проблемами Вы столкнулись в процессе отбывания наказания?» (% , n = 112)¹

Варианты ответов	%
потеря связи с родственниками	75,0
отсутствие работы / занятости в ИУ	37,5
трудности в общении с другими заключенными	25,0
трудности в общении с представителями администрации ИУ	12,5

¹ Суммарные значения превышают 100%, поскольку на этот вопрос можно было выбрать несколько вариантов ответов).

«отвычка» от жизни за пределами ИУ	12,0
Всего ответов	162,0

Хотя вариант ответа, непосредственно связанный с необходимостью предпринимать усилия по ресоциализации после освобождения, отметила небольшая группа (всего 12%), тем не менее на трудности, косвенно связанные с обстоятельствами, сопряженными с десоциализацией и способными оказать десоциализирующее воздействие в перспективе (отсутствие работы / занятости в ИУ, потеря связи с родственниками), указано в большинстве анкет (112% от совокупного количества ответов).

О том, как заключенные представляют себе начальный этап своей жизни на свободе после освобождения, говорят данные, приведенные в табл.9.

Таблица 9 – Распределение ответов на вопрос: «Что в первую очередь, Вы постараетесь сделать после освобождения?»:

Варианты ответов	%
вернуться домой, поселиться на старом месте жительства	68,2
постараюсь найти людей, разделяющих мои интересы	59,1
вначале просто отдохнуть некоторое время	52,7
пока сложно сказать; освобожусь, а там – посмотрим	41,8
восстановить отношения с семьей, родственниками	38,2
открыть своё дело, заняться бизнесом	35,5
найти какую-нибудь работу по найму	31,8
наладить связь с местной религиозной общиной	25,5
найти хорошо оплачиваемую работу	25,5
найти интересную для меня работу	19,1
создать семью	16,4

пойти учиться, повысить образовательный или профессиональный уровень	12,7
Всего ответов	426,5

Как видно, половина ответов (207,4%) свидетельствуют о необходимости для респондентов выстроить позитивные коммуникации с близкими людьми: возобновить родственные и соседские связи, найти людей близкими по духу, создать семью. Но ориентируются на возобновление связей с религиозной общиной немногие – на это указано лишь в 25,5% из общего количества ответов (но это показывает количество опрошенных – 25%, т.е. четвертая часть респондентов видит в этом для себя первоочередную задачу).

Эти же данные несут косвенную информацию о том, в каких сферах жизнедеятельности после освобождения людям может потребоваться восстановление навыков социального взаимодействия прежде всего, а также в каких сферах они надеются получить первичную поддержку, связанную с процессом перехода к обычной жизни в обществе.

Проведенный опрос экспертов показал, что такие ожидания заключенных могут и не реализоваться, т.к. в процесс ресоциализации в исправительном учреждении организован не на должном уровне. Все опрошенные эксперты указали на то, что их учреждения не укомплектованы должным количеством кадров, а 30% очень критически оценили квалификацию работников исправительных учреждений, отсутствие у них достаточной психолого-педагогической подготовки. Примерно столько же (38,5%) отметили неблагоприятную ситуацию в среде самих заключенных. Укажем также на то, что 15,4% отметили трудности, связанные с разным этническим составом заключенных. Приведенные материалы обследования говорят о том, что во многом эффективность воспитательно-профилактической работы с осужденными

оказывается не на должном уровне из-за кадровых проблем. Судя по частоте упоминания, именно с ними наиболее часто сталкиваются исправительные учреждения.

Среда самих заключенных также очень часто не способствует нормальному течению процесса их исправления. Недаром ряд участников опроса как из числа сотрудников ИУ, так и из числа самих заключенных отмечал, что для эффективности возвращения осужденного в обычное общество он сам должен захотеть вернуться к нормальной жизни. А вот этому-то ситуация как в коллективах самих заключенных, так и социальная среда, в которую человек возвращается, отбыв срок своего наказания, не всегда способствуют. И то, что на проблемы такого рода указали около трети обследованных сотрудников ИУ, является симптомом неблагополучия в рассматриваемой сфере.

По мнению почти половины опрошенных заключенных, в наибольшей степени оказывает влияние на их исправление – участие в производственной деятельности, которая организована в ИУ. К этому примыкает позиция «профессиональное обучение, повышение квалификации и проч.» (38,5%); режим, т.е. четкая организация жизни в ИУ (30,8%), религия (23,1%), привлечение к воспитательной работе родных и близких осужденного (23,1%), общественное воздействие – 15,4%.

Обращает на себя внимание, что к настоящему времени произошло снижение значимости такого канала ресоциализации, как «общественное воздействие» при некотором усилении значимости «религии».

Теперь несколько слов об относительной значимости так называемых «агентов ресоциализации». Выясняя вопрос о том, кто (или что) оказывает наибольшее содействие исправительному учреждению в организации и проведении воспитательной работы с осужденными, было выявлен своеобразный рейтинг. На первом месте находятся учителя школ,

педагоги (мастера) производственного обучения, работающие в ИУ, на втором

месте – другие осужденные (38,5), примерно по трети ответов собрали религиозные организации, священнослужители, и правозащитные органы. Далее следуют: родственники, работники органов социальной защиты и администрации организаций и трудовые коллективы, расположенные в пределах территориальной близости к месту расположения ИУ. Таким образом, на сегодняшний день явного «лидера» в деле оказания содействия исправительному учреждению в деле осуществления воспитательной работы с осужденными нет. Но при этом чаще всего такого рода содействие исходит от работающих в ИУ учителей школ, педагогов или мастеров производственного обучения; важны и конструктивные отношения, которые могут сложиться в среде самих заключенных.

Иными словами, и в опросе заключенных, и в опросе экспертов прослеживается незначительная роль мусульманской общины и мечети в процессе ресоциализации. Эта позиция подтверждается ответами на другие вопросы. В частности, меньше половины опрошенных видят в мечети и религиозной общине опору при возвращении к нормальной жизни (табл. 10).

Таблица 10 – Распределение ответов на вопрос: «Укажите, к кому

Вы, скорее всего, обратитесь за помощью после освобождения?»

Варианты ответов	%
к родственникам, к знакомым	85,7
К землякам	48,0
В мечеть, к религиозной общине	42,9
Буду решать вопросы самостоятельно	14,3
в специализированное гос. учреждение	6,1

Среди необезличенных, или институционализированных, агентов ресоциализации наиболее важны, по мнению осужденных, три: родственники и знакомые, земляки, религиозные общины при мечетях.

Этот рейтинг подтверждает выбор заключенными каналов поисков информации для адаптации после освобождения. Первые места занимают родственники (66,7%) и земляки (60,4%); несколько отстает в этом отношении мечеть (к ней в этом случае обратятся 37,8%). Самостоятельно будут искать информацию в интернете и СМИ 27,9% респондентов. Но никто при этом не обратится в органы государственной службы.

И снова, как и в предыдущем случае, наиболее значимой оказывается та же «триада»: родственники–земляки–религиозная организация.

Важным направлением опроса было выяснение оптимальных форм работы с заключенными. В инструментарий опроса были включены четыре организационные формы: 1) индивидуальная работа; 2) работа с группой из осужденных определённой национальности; 3) работа с малой группой; 4) работа с группой осуждённых (прибывших в ИУ) с одной определённой территории.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для отбывающих наказание в ИУ мужчинам-мусульманам, по мнению наших респондентов, наиболее подходит воспитательно-профилактическая работа, которая проводится с группой, состоящей из осужденных определённой (одной, общей для них) национальности (табл. 11).

Таблица 11 – Распределение ответов на вопрос: «Каковы наиболее эффективные организационные формы проведения воспитательной работы с мужчинами-мусульманами?»

Варианты ответов	%
индивидуальная работа	22,2

в группе из осужденных определённой национальности	77,8
в малой группой	0
в группе осуждённых с определённой территории	11,1

Это подтверждает приведенный в нашем анализе выше (см. раздел 1.2) тезис о том, что «осужденные мужчины-мусульмане характеризуются высокой эмоциональной устойчивостью и воинственностью. Вместе с тем они охотнее вступают в группы, в том числе и для обеспечения собственной безопасности, в частности, в исправительных учреждениях». То есть, такая этнокультурная черта мусульман, как тяга к коллективизму в процессе организации их повседневной жизнедеятельности может оказаться фактором, не только потенциально препятствующим, но и потенциально способствующим осуществлению их ресоциализации в желательном для общества направлении. Одновременно приведенные данные косвенно указывают на то, что все чаще высказываемое сегодня специалистами мнение о необходимости (или хотя бы желательности) создания для отбывания сроков наказания осужденными мусульманами специализированных (только для представителей этой культуры) мест лишения свободы (специализированных территорий в составе ИУ или же специализированных ИУ) имеет право на существование и должно быть всесторонне изучено со всей серьезностью, поскольку такая организация отбывания наказания, возможно, окажется в состоянии хотя бы «купировать» процессы исламизации осужденных – представителей славянских национальностей (т.е. обращения их в «зеленую масть», о чем говорилось выше).

Наше исследование выявило 9 наиболее востребованных направлений (или видов) помощи, в которой могут нуждаться лица, *готовящиеся* к освобождению из мест заключения после отбытия наказания:

- 1) обучение и профподготовка;
- 2) поддержка со стороны администрации, сотрудников ИУ и индивидуальная работа с осужденными, включая организацию психологического сопровождения после освобождения;
- 3) содействие в трудоустройстве после освобождения;
- 4) содействие в формировании социально-позитивных связей заключенного в ИУ и в первое время после освобождения;
- 5) обеспечение местом проживания после освобождения;
- 6) помощь в решении вопросов административного характера, преимущественно связанных с содействием в оформлении и восстановлении необходимых документов;
- 7) оказание медицинской помощи и психологической поддержки;
- 8) организация психологического сопровождения после освобождения;
- 9) организация и проведение священнослужителями разъяснительной работы.

Из них применительно к категории мужчин-мусульман актуальными оказались пять:

- 1) помощь в решении вопросов, связанных с содействием в оформлении и восстановлении необходимых документов;
- 2) помощь в обеспечении жильем;
- 3) содействие в трудоустройстве после освобождения;
- 4) оказание психологической помощи;
- 5) разъяснительная работа со стороны священнослужителей;

По-видимому, на развитии и совершенствовании именно этих видов помощи людям, только что освободившимся из мест лишения свободы, и надо сосредоточить усилия в первую очередь. Если говорить о востребованности различных видов поддержки лицам, отбывшими

наказание *после их освобождения* из исправительных учреждений, то наше исследование выявило 9 наиболее востребованных таких направлений (или видов) помощи:

- 1) содействие в трудоустройстве после освобождения;
- 2) обучение, профподготовка и возможность получения образования;
- 3) организация психологического сопровождения после освобождения;
- 4) обеспечение местом проживания после освобождения.
- 5) оказание материальной (денежной) помощи непосредственно после освобождения;
- 6) оказание медицинской помощи, организация медицинского обслуживания;
- 7) оказание специализированной медицинской помощи, включая и лекарственное обеспечение;
- 8) содействие в формировании социально-позитивных связей заключенного в первое время после освобождения;
- 9) организация оказания поддержки общего характера по линии администрации непосредственно по месту проживания после освобождения.

Как видно, они, в целом, совпадают с теми, что были признаны наиболее актуальными для тех, кто еще только готовится к освобождению, однако имеются и некоторые отличия.

Так, мужчинами-мусульманами, уже освободившимися из исправительного учреждения, из приведенного списка наиболее востребованы лишь два:

- 1) содействие в трудоустройстве и обеспечении работой после освобождения.

2) обеспечение жильем после освобождения.

Это две ключевых сферы, на которых необходимо концентрировать усилия при оказании поддержки представителям этой группы после их освобождения для того, чтобы их ресоциализация осуществлялась наиболее успешно.

И наконец, отметим, что полученные нами в процессе проведения эмпирического исследования данные подтверждают значимость работы по ресоциализации и социальной адаптации освободившихся из мест заключения представителей мусульманской культуры именно применительно к условиям социальной среды больших городов (табл. 12).

Таблица 12 – Распределение осужденных представителей разных религий по типам поселений, в которых они проживали до привлечения к уголовной ответственности

К какой религии Вы себя относите?	Где Вы проживали непосредственно перед тем, как были осуждены? (%)			Итого
	1 в сельск. местнос ти	2 в ПГТ, малом/ среднем городе	3 в большом городе	
Ислам	9,5	45,2	45,2	100,0
Православие	16,7	75,0	8,3	100,0
Другая религия	14,3	14,3	71,4	100,0

Приведенные данные показывают, что в отличие от осужденных православных, для мусульман наиболее криминальной средой оказываются крупные города. Наиболее весомая часть осужденных-мусульман представлена выходцами из городов, при этом почти половина – из больших городов, что подтверждает актуальность создания

комплексной системы ресоциализации и социальной адаптации бывших заключенных-мусульман именно в больших городах в первую очередь.

Проблемы ресоциализации бывших осужденных в период второго этапа в мегаполисах.

Задача эмпирического исследования, проведенного среди лиц, отбывших сроки наказаний и проживающих после освобождения в московском мегаполисе, состояла в выявлении различий, характерных для ресоциализации мусульман, проживающих в мегаполисе, но являющихся либо коренными его жителями, либо выходцами из небольших городов или сельских населенных пунктов.

Напомним, что здесь мы используем для изучения одного явления – ресоциализации представителей мусульманской культуры, освободившихся после отбытия наказания, – два разных метода (точнее, две различных модификации метода опроса, примененные на двух разных выборках). В одном случае, источником информации об изучаемом явлении для нас служат материалы интервью, проведенных с представителями мусульманского духовенства (со стандартизацией на стадии формирования инструментария), в другом же – материалы стандартизованного интервью с представителями совершенно другой социальной группы, собственно тех, кто на момент опроса и проходил ресоциализацию – бывших заключенных (со стандартизацией на двух стадиях – формирования инструментария и обработки первичных данных). Предполагается, что, если в обоих случаях будут получены сходные результаты, исследованию удалось выявить некоторые объективные тенденции.

Итак, что же показали материалы опроса бывших заключенных, ныне проживающих и работающих в Москве?

Отвечая на вопрос о своих планах на ближайшие 5 лет, 72% приезжих респондентов (или 72 человека из 100) указали на желание,

заработав деньги и/или сделав различные по величине накопления, покинуть столицу с тем, чтобы переселиться в другие регионы России или страны (причем, как правило, но не всегда, респонденты имели в виду свои родные края, при этом следует отметить, что, говоря о планируемом на будущее отъезде «в родные края», опрошенные в своем большинстве имели в виду не конкретно села и небольшие города, являющиеся их «малой родиной», а те административно-территориальные образования, в пределах которых они являются представителями «титульной национальности»); среди же москвичей доля строящих жизненные планы, связанные с отъездом на длительный срок за пределы Московского столичного региона, составила 23,5% против 76,5% не планирующих отъезд (или 16 человек из 68). Заметим, что если среди предполагающих покинуть Москву в перспективе представлены все основные возрастные группы (от 24 до 60 лет), то среди 16-ти москвичей, имеющих такие планы, абсолютное большинство (14 человек) – люди молодого возраста (не старше 32 лет).

Очень показательное сопоставление распределения москвичей и приезжих среди выбравших другой из вариантов ответа на этот же вопрос. Так, предполагают остаться в Москве и жить здесь среди своих земляков (по сути, в диаспорном окружении) – 20% (или 20 человек) приезжих; 4,5% (или 3 человека) из уроженцев Московского мегаполиса.

Существенные различия также прослеживаются и в связи с артикулированным в процессе опроса желанием интегрироваться в социальную среду Московского мегаполиса на ассимиляционном уровне: характеризуя всё те же свои планы на будущее, лишь 8% (или 8 человек) из приезжих заявили, что хотели бы стать такими же, как и все коренные москвичи; среди же местных такого рода стремления были отмечены у 29,4% (т.е. – у 20 человек).

Говоря о том, в какую социальную среду им удалось влиться сразу после освобождения, появившись в Москве, 62% приезжих назвали коллективы организаций-работодателей (преимущественно состоящих из иногородних рабочих на стройках Москвы или из иногородних же представителей определенных национальностей в сфере бытового обслуживания и торговли), 31% приезжих назвали общины (зачастую организованные по признаку этнической принадлежности), сложившиеся при мечетях или просто национальные землячества. Одновременно с этим некоторое количество из этих 93% опрошенных (не более 15 человек) указывало на то, что такой средой для них явились уже проживавшие в Москве родственники или бывшие земляки-односельчане. От 7% приезжих внятного ответа на соответствующий вопрос получить не удалось, однако из общего контекста ситуации проведения с ними интервью можно было предположить, что такой средой для них оказались группы лиц, также отбывших сроки заключения.

Большинство же москвичей (бывших заключенных) в качестве такой среды указывало семью (20,5%), членов коллектива по месту работы (29,4%) и территориальное сообщество по месту жительства (14,7%, все – жители ближнего Подмосковья). Остальные (35,3%) затруднились с ответом, либо дали невнятные ответы, однако позволившие предположить, что такой средой ресоциализации для них стали криминализованные сообщества.

Если говорить о сроках вхождения в социальную среду, то здесь явно прослеживаются три варианта или тенденции. Прежде всего, относительно быстрое вхождение в первичную социальную среду – практически сразу же, или потратив на это не более 6 месяцев, – характерное для большинства уроженцев Московского мегаполиса, отметили 88,2% москвичей, вернувшихся из мест лишения свободы. Остальным же уроженцам Московского региона на это потребовалось от 7

месяцев до 1 года (9,0%); более длительные сроки – 3%, что было связано с проблемами обретения жилья и оформления необходимых документов.

В среде приезжих иная ситуация: 4% влились в какие-то социальные группы или организации практически сразу же; 22% – в течение 6 месяцев; у 31% на это потребовалось от 7 месяцев до 1 года; у 27% – от 1 года до полутора лет, у 16% – около 2 лет.

Таким образом, можно считать подтвержденным предположение о том, что среди мусульман (как отбывающих сроки наказания, так и освободившихся из мест заключения) есть представители двух различающихся между собой типов: первый тип – те мусульмане, для успешности ресоциализации которых важна их культурная принадлежность; второй тип – те мусульмане, для успешности ресоциализации которых важен тип ситуации, в которой она осуществляется.

Перечислим ключевые элементы такой ситуации:

1. Типы мусульман по их отношению к принимающей территории.

1.1. «Приезжие-потребители».

1.2. «Приезжие-ассимилянты».

1.3. «Местные».

2. Типы мусульман по их территориальному происхождению.

В составе групп мусульман – не коренных жителей – группа «приезжие-потребители» и группа «приезжие-ассимилянты» – существуют подгруппы:

2.1. Выходцы из городов (реже – из сельской местности), имеющие высокий уровень образования и/или квалификации.

2.2. Выходцы из городов и сельской местности, имеющие низкий уровень образования и/или квалификации.

В составе группы «местные» мусульмане можно выделить также две подгруппы:

2.3. «Местные» – уроженцы собственно больших городов и мегалополисов.

2.4. «Местные» – уроженцы областных городов и сельских населенных пунктов, окружающих больших города и мегалополисы.

3. Типы мусульман по их отношению к Вере (религии).

3.1. Принадлежат к «мусульманской национальности» / мусульманской культуре, но не соблюдают ни традиционных для мусульманской культуры обрядов, ни канонов Ислама.

3.2. Принадлежат к «мусульманской национальности» / мусульманской культуре, соблюдают в той или иной мере светские обряды, традиционные для мусульманской культуры, но не следуют канонам Ислама.

3.3. Принадлежат к «мусульманской национальности» / мусульманской культуре, соблюдают светские обряды, традиционные для мусульманской культуры, и следуют канонам Ислама.

4. Тип среды, в которую осуществляется реинтеграция, в которой происходит ресоциализация на постпенитенциарном этапе, её культурные особенности.

4.1. Социумы диаспор, проживающих в Москве и других больших городах.

4.2. Социумы принимающих сообществ Москвы и других больших городов.

4.3. Социальная среда семей и первичных групп по месту проживания.

5. Этапы ресоциализации: пенитенциарный и постпенитенциарный. На каждом этапе:

5.1. Свой набор целей, решаемых задач, средств воздействия.

5.2. Свой перечень организаций (субъектов), оказывающих помощь осужденным в профессиональной подготовке, в трудоустройстве, и в ресоциализации в целом [21].

Эта же мысль о разных типах представителей мусульманской культуры, выделенных по основанию их субкультурной ориентации и степени изначальной дезадаптированности и, соответственно, обладающих разными запросами и разной чувствительностью по отношению к мерам поддержки на этапе ресоциализации после освобождения, но с предложением выделять другие типы, содержится в материалах проведенного нами экспертного интервью с одним из представителей мусульманского духовенства.

Ниже приводится выдержка из соответствующего интервью с сохранением речевых оборотов респондента:

«Среди освободившихся мусульман есть несколько категорий (я разделил бы на три категории).

Первая многочисленная группа – это во многом обычные люди, если они отбывали наказание не более 5 лет по, так сказать, легким статьям и не приравнивали себя к преступному или иному деструктивному миру. У которых есть семья и родные (жены, дети, родители, братья и сестры), которые посещали их на длительных и коротких свиданиях, всячески помогали и поддерживали их в трудные часы и дни и которые ждут их после освобождения. Очень важно, когда есть куда возвращаться (дома, квартиры) – эта группа быстро социализируется и не имеет особых проблем адаптации к новым условиям жизни на свободе.

Вторая категория или группа тех, кто причисляет себя к преступному миру (ОПГ) или к экстремистским группам, они отбывали наказание от 5 и более лет за общественно опасные статьи УК РФ, поэтому они и во время отбытия наказания считают себя «героями» и сидящими как бы за «правое дело», и после освобождения, конечно же,

они гордятся этим, так как прошли школу «воров» или за свои «принципы» и «идеалы», испытания и условия «режима» не сломали их, и они «не сотрудничали» с администрацией. Для них – это повод «гордости» и признания среди своих. От 5 и более лет – это большой срок, после которого трудно ориентироваться в «мирной» жизни, за это время происходят большие изменения (экономические, политические, социальные, смерть близких, потеря дома или квартиры) если таких людей после освобождения не встречают ни родственники, ни друзья или их «единомышленники», то конечно же эти люди теряются, чувствуют себя чужими и отвергнутыми обществом, обычно такие люди вновь оказываются за решеткой.

И третья группа (очень малочисленная) освободившихся не относятся ни к первой и не ко второй группе, это те, которые в силу жизненных обстоятельств оказались «несчастливы»: нет близких, нет места постоянного жительства, нет работы; но при этом они не являются убежденными преступниками, для них, как им кажется, есть единственный выход вновь совершить мелкое преступление, чтобы вновь оказаться в среде, в которой они могут «жить» – за колючей проволокой».

Говоря о проблеме возможной утраты социокультурных ролей человеком, вышедшим из заключения, имам в своем интервью отметил, что:

«... Первая группа не утрачивает и не теряет свою роль в обществе и группе после освобождения, чего нельзя сказать про вторую и третью группу».

Резюмируем сказанное нашим респондентом.

Первая группа – это обычные люди, отбывавшие наказание не более 5 лет по «легким» статьям УК РФ, не идентифицирующие себя с преступным миром; которым есть куда (и к кому) возвращаться после

освобождения; они, в большинстве своем, не утрачивают в процессе отбывания срока наказания ранее освоенных социокультурных ролей и, как правило, не испытывают после освобождения серьезных проблем с адаптацией и ресоциализацией в принимающем сообществе.

Вторая группа – это те, кто причисляет себя к преступному сообществу, является членами ОПГ или экстремистских групп, отбывавшие наказание в течение длительного срока (от 5 лет и более) по «серьезным», общественно опасным статьям УК РФ, считающие себя «героями» и/или «мучениками», борцами, пострадавшими и закаленными в борьбе за «правое дело», гордящиеся фактом своего осуждения и пребывания в местах лишения свободы. По выходе на свободу эти люди в значительной мере дезадаптированы, чувствуют себя чужими и отвергнутыми обществом, замыкаются на контактах внутри своей (криминальной или террористической, пропитанной идеями и ценностями экстремизма социальной среды. Они заранее склонны к повторному совершению преступлений; утрачивают в процессе отбывания срока наказания многие из ранее освоенных социокультурных ролей, связанных с жизнью законопослушного гражданина в нормальном обществе, и, как правило, испытывают после освобождения серьезные проблемы с адаптацией и ресоциализацией в принимающем сообществе. Более того, они не испытывают и желания интегрироваться в принимающее общество.

Третья группа – это люди, которые, выйдя на свободу, в силу жизненных обстоятельств оказались один на один с недружественно настроенным по отношению к ним обществом, не имеют поддержки со стороны друзей или родственников, не имеют жилья и работы; но при этом не являются убежденными преступниками. По выходе на свободу эти люди в значительной мере дезадаптированы, чувствуют себя чужими и отвергнутыми обществом, не видят внятных жизненных перспектив для себя. В процессе отбывания срока наказания они, в большинстве своем,

утрачивают многие из ранее освоенных социокультурных ролей, необходимых для нормальной жизни в принимающем обществе, и как правило, испытывают после освобождения проблемы с адаптацией и ресоциализацией в принимающем сообществе. В силу обозначенных причин многие из них повторно совершают (как правило, легкие) преступления только ради того, чтобы снова вернуться «за решетку», где их жизнь обретает хоть какую-то определенность.

Затрагивая тему необходимой помощи вышедшим на свободу со стороны представителей духовенства, мусульманской общины, иных институций, наш собеседник высказал убежденность в том, что (цитируем):

«Первой группе (типу) освободившихся в помощи имама или общины нет такой необходимости, т.к. им помогают семья (жены, дети, родители, братья и сестры).

Второй и третьей группе (типу) имам или община обязаны помогать, и это очень важно на первом этапе – любая помощь и даже просто доброе слово и улыбка могут им оказать большое влияние. Такие люди нуждаются в первую очередь в деньгах, жилье и работе».

Перейдем к рассмотрению институциональной поддержки ресоциализации и социальной адаптации заключенных после освобождения, непосредственно оказываемой в мегаполисах РФ.

Институциональная поддержка ресоциализации после освобождения.

Этап ресоциализации после освобождения предполагает применение определенной группы методов.

Группа методов, применяемых после отбывания наказания, включает в себя следующее:

- 1) оказание помощи в оформлении необходимых документов для жизни на свободе;

- 2) оказание помощи в трудоустройстве;
- 3) проведение различных адаптационных тренингов и профилактических бесед с бывшими осужденными;
- 4) стимулирование коммуникаций с благополучными социальными группами принимающего общества;
- 5) контроль за деятельностью, осуществляемой заключенными, вышедшими на свободу.

Ресоциализация и социальная адаптация в условиях свободы призвана не допустить повторного попадания бывшего осужденного в места заключения, развития алкогольных и наркотических зависимостей, а способствовать эффективному взаимодействию с людьми принимающего общества, успеху самореализации в нормальных условиях существования [67].

Для успешной ресоциализации и социальной адаптации необходимо применять указанную группу методов комплексно. Тогда период адаптации, следующий за ресоциализацией, может сократиться до 1-2 месяцев.

Указанные методы широко применяют различные социальные центры в помощь бывшим заключенным.

В г. Москве – первом мегаполисе Российской Федерации – функционируют пять социальных центров, оказывающих помощь в социальной адаптации бывших заключенных. Один из них – центр социальной адаптации «Люблино», отделение «Востряково». В этом центре находятся бывшие заключенные, ранее проживавшие в г. Москве. Указанный центр функционирует по следующим правилам. Происходит первичное заселение бывшего заключенного, не имеющего документов и жилья. В центре выделяют спальное место, выдают одежду, обеспечивают раз в день бесплатным обедом. В остальное время бывшие заключенные

готовят себе еду самостоятельно из продуктов, которые им выдаются. Данный центр предлагает работу. Однако, если человек три раза отказывается, дальнейшего взаимодействия не происходит. С бывшими заключенными ведется активная работа психологов. Центр занимается восстановлением документов, в том числе военного билета. Были прецеденты, когда с помощью центра бывшим заключенным удавалось отсудить квартиру. Многие осужденные живут в этом месте по пять-шесть лет. Деятельность центра финансируется за счет городского бюджета [164].

В г. Пермь – тринадцатом мегаполисе Российской Федерации – основан государственный центр социальной адаптации. Данный центр имеет несколько отделений. Клиентами центра, в первую очередь, являются люди, не имеющие постоянного места жительства. При этом 90% составляют бывшие заключенные. Многие направляются в центр сразу после освобождения из тюрьмы, а некоторые приходят самостоятельно спустя какое-то время после освобождения. Центр оказывает помощь в трудоустройстве. При этом у бывших заключенных, нашедших работу, есть возможность оставаться в центре еще какое-то время. Срок договора, заключаемого между центром социальной адаптации и бывшим осужденным, колеблется от 2 до 3 месяцев с возможностью продления одного. Кроме того, есть возможность повторного использования оказываемых услуг в данном центре. Например, в случае если человек попал в места лишения свободы повторно и вышел на свободу; если бывший заключенный не смог ужиться на рабочем месте или тот, кого обманули риэлторы по вопросам жилья. Некоторые обращаются в центр, потому что нуждаются во временной регистрации [40].

Следует упомянуть о таком центре, как АНО «ЦРА», который помогает в трудоустройстве бывших заключенных и на первое время дает место проживания.

«Исправительный центр – это некий переходный период, человек и не вполне на свободе находится, и не в тюрьме. В итоге он привыкает к труду и получает плавный выход на свободу. Чаще всего судьба бывших заключенных складывается иначе – их просто выкидывают из тюрьмы на улицу, и гражданин с клеймом бывшего зэка не может устроиться на работу. Когда человек освобождается, он от воздуха воли пьянеет, может совершить рецидив, а здесь кислород ему выдают по чуть-чуть. Тут у него есть и жилье, а рабочее место обеспечивает наша организация», – говорит директор АНО «ЦРА» Азат Гайнутдинов.

«Если человек трудоустроен в колонии, работает, у него положительная характеристика, он может к нам обратиться, и тогда мы возьмем его под свою опеку и обязуемся трудоустроить. Сами заключенные в этом заинтересованы, они видят нашу работу, наши результаты, к нам приходят родственники осужденных, чтобы мы взяли последних под свою опеку. Мы при принятии решения также смотрим на семью, женат ли заключенный, есть ли у него дети – это важный сдерживающий фактор для рецидива», – объясняет Азат Гайнутдинов.

«Сейчас у нас в исправительном центре трудоустроены официально 29 человек. После попадания в исправительный центр они получают работу, проходят реабилитацию. ... Кроме того, мы занимаемся трудоустройством бездомных, в данной категории тоже есть бывшие заключенные. Мы их кормим, одеваем, предоставляем жилье и работу. Средства на эти цели получаем в том числе от грантов: самый крупный – в размере 2,5 миллиона рублей – дали в прошлом году по программе президента РФ. Также получаем субсидии от министерства экономики РТ, ПАО “Татнефть”», – рассказывает Азат Гайнутдинов.

В основном, бывшие заключенные в Казани устраиваются на работу на стройплощадки разнорабочими. Также подходящими оказываются вакансии, предлагаемые в сфере услуг. Например, бывших заключенных охотно берут на позицию грузчика.

Кроме того, в центр АНО «ЦРА» обращаются и бывшие заключенные, которые освободились гораздо раньше, но отчаялись найти работу собственными силами на свободе.

«Мы превращаемся в некий кол-центр по помощи в трудоустройстве. Если к нам человек подходит, подписываем с ним соглашение и помогаем найти работу – трудоустраиваем его либо в нашу организацию, либо к партнерам. Нам во всех вопросах активно помогает государство, ФСИН, Госссовет РТ, СМИ, и мы совместными усилиями постепенно меняем взгляд работодателя на бывших заключенных: теперь он видит в них не зэка, а человека, готового работать, который держится за свое место», – поясняет Азат Гайнутдинов [74].

Исходя из сказанного выше, одним из основополагающих инструментов эффективной ресоциализации и социальной адаптации после освобождения из ИУ выступает трудоустройство бывшего заключенного, позволяющее ему войти в социокультурную среду. В этой связи стоит отметить, что перед потенциальными работодателями стоит важная задача, заключающаяся в способствовании вторичному вхождению человека в социальную среду. Поэтому взаимоотношения между работодателем и бывшим заключенным как работником должны строиться на соблюдении прав человека: праве на труд и праве взаимного уважения. Следует подчеркнуть, что многие освободившиеся после тюремного заключения снова совершают преступления именно из-за того, что не могут найти работу, а также достойное применение себе в принимающем обществе.

Об этом же говорят участвовавшие в исследовании в качестве респондентов имамы в своих интервью. Так, ими отмечалось, что «*На начальном этапе...*» вернувшиеся из мест заключения, обращаясь к ним за помощью и поддержкой, чаще всего жалуются на такие проблемы, как «*отсутствие денег, жилья и работы*».

Ярким примером использования трудоустройства как инструмента эффективной ресоциализации и социальной адаптации бывших заключенных является практика исправительных учреждений Челябинской области. Челябинск – один из мегаполисов России, занимает 7 место по численности российского населения, который исторически населяют множество башкир, татар, многие из которых исповедуют исламскую религию.

В Челябинской области для заключенных Исправительной колонии-2 (ИК-2) устраиваются встречи с представителями различных служб: службы занятости, социальной защиты, органами опеки и попечительства, а также с коммерческими организациями. Для заключенных устраиваются ярмарки вакансий, на которых проводятся беседы по вопросам трудоустройства после освобождения, включая общую процедуру и требования, предъявляемые к актуальным вакансиям. Также на данных мероприятиях оговаривается то, каким образом заключенные могут встать на учет в службу занятости населения, а также возможности и условия обучения различным специальностям. Заключенные, в скором времени освобождающиеся на свободу, посещают производственные цеха металлообработки и деревообработки, швейные цеха и др.

По мнению правоохранительных органов Челябинской области, трудоустройство бывшего заключенного является важным этапом ресоциализации человека и его устройства в социальной жизни принимающего общества, который позволяет сократить повторные совершения преступлений.

Если обратиться к статистике, то по результатам проведения успешно реализованной программы ресоциализации в 2016 году в Челябинске было трудоустроено на различные предприятия 41% из общего числа освободившихся на свободу, что позволило сократить рецидивные преступления на 5,9%. А в Челябинской области в целом было трудоустроено больше половины бывших заключенных, что составило около 1,5 тыс. человек и что способствовало сокращению повторных совершенных преступлений на 9,4%, в том числе тяжких и особо тяжких – на 5% [24].

Необходимо подчеркнуть, что применительно к мусульманским заключенным с поиском работы могут помочь не только бывшие заключенные, успешно прошедшие ресоциализацию и социальную адаптацию, или администрации колоний вместе с другими социальными структурами, устраивающие ярмарки вакансий. Не менее эффективным ресурсом, а зачастую превосходящим уже освоенные, является Интернет. В сети Интернет активно создаются различные форумы на сайтах, в том числе и в социальных сетях, где публикуются объявления о вакансиях – «Работа для мусульман» – и о желании найти работу отдельных «братьев и сестер». При этом на публикуемых вакансиях потенциальным работникам разрешается совершать намазы и одеваться в соответствии с религиозными и традиционными предписаниями, что имеет особую значимость для мусульман. При этом мусульмане разделяют работу «халяльную» и «харамную». Халяльная работа та, что угодна Аллаху и выполнение которой не препятствует соблюдению религиозных предписаний. Харамная работа, напротив, не отвечает основным требованиям Ислама или препятствует соблюдению определенных религиозных предписаний. Такой инструмент также представляет возможность добиться определенной степени эффективности в ресоциализации и социальной адаптации бывших заключенных

мусульман, в особенности тех, кто пришел к религии не так давно, а возможно, и непосредственно в местах лишения свободы.

В качестве примера можно привести сайт muslimboard.ru. Больше количество вакансий представлено в таких сферах, как няни и репетиторы, общепит, строительство и ремонт, а также торговля. Работа предлагается как для мусульман, так и для мусульманок. При этом большинство вакансий охватывает Москву как основной мегаполис России. Примечательно, что и основной спрос на работу мусульманами предъявляется к Москве. Таким образом, можно заключить, что мегаполис представляет собой наиболее подходящее место для эффективной ресоциализации и социальной адаптации мусульманских заключенных, поскольку есть рабочие места, в том числе «халяльные».

Стоит отметить, что для успешной ресоциализации и социальной адаптации также применяется такой инструмент, как создание государственных программ, в частности, направленных на трудоустройство бывших заключенных. В качестве примера можно привести следующее.

В соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан, столицей которой является г. Казань – шестой по численности населения мегаполис Российской Федерации, был установлен порядок компенсации работодателям части затрат по оплате труда бывшим заключенным. Так, начиная с 2014 года, на указанные цели выделяется 4,7 млн. руб., что предусмотрено Государственной программой содействия занятости населения на 2014-2020 годы. Таким образом, в 2015 году в рамках реализации такой программы было трудоустроено освободившихся из мест лишения свободы – 61 чел. [33]. Кроме того, в 2019 году на сайте кабинета министров РТ появилось Постановление «Об организации в Республике Татарстан деятельности по ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы». В соответствие с ним должна

быть создана межведомственная рабочая группа по организации содействия ресоциализации бывших заключенных. Одной из приоритетных задач рабочей группы является реализация мер различного характера: социально-экономического, педагогического, правового в целях социальной адаптации и интеграции бывших заключенных в принимающее общество. При этом предполагается, что рабочая группа будет создавать для каждого индивидуальную программу ресоциализации. Кроме того, Министерство труда РТ возмещает работодателю затраты на заработную плату, выплачиваемую бывшему заключенному в случае его успешного трудоустройства. Данное ведомство выплачивает компенсацию в размере 14 688 рублей ежемесячно каждому принятому на работу бывшему заключенному, куда входят МРОТ (11 280 руб.) и сумма страховых взносов. «Мы возмещаем данные затраты работодателю от 1 до 3 месяцев, в прошлом году через систему прошли 44 человека, в этом – 43 по плану. В год мы направляем на поддержку бывших заключенных около 1,3 миллиона рублей – эти средства идут на субсидирование части заработной платы, трудоустройство и консультацию осужденных еще на стадии пребывания в местах лишения свободы. Мы объясняем им, какие профессии сейчас востребованы, как им трудоустроиться, и помогаем выбрать будущую профессию», – поясняет начальник отдела создания рабочих мест для социально незащищенных категорий Елена Кибардина [74].

В Красноярском крае, административным центром которого выступает г. Красноярск – двенадцатый мегаполис Российской Федерации, Постановлением Правительства была утверждена Государственная региональная программа «Профилактика правонарушений и укрепление общественного порядка и общественной безопасности». В соответствии с ней Министерству труда и социального развития Красноярского края было выделено 10,6 млн. руб. на реализацию мероприятий, направленных на

содействие социальной адаптации, в том числе трудовой занятости лиц, отбывших уголовные наказания. Такие мероприятия включают в себя семинары-тренинги, устраиваемые для социальных работников и психологов, работающих в исправительных учреждениях, для уголовно-исправительных инспекций. Также выделенные средства направлены на финансирование разработок и тиражирование методических пособий, буклетов и справочно-информационной литературы, предназначенной для лиц, освобождающихся из исправительных учреждений, где раскрываются вопросы содействия в трудоустройстве и социальной адаптации [63].

В Ростовской области, административным центром которой является г. Ростов-на-Дону – десятый мегаполис Российской Федерации, – действовали и действуют 11 целевых программ, которые направлены на оказание социальной поддержки осужденным. Также заключено 129 договоров о сотрудничестве, из них 69 – с центрами занятости населения для предоставления рабочих мест бывшим осужденным, не имеющим официального места работы.

В Республике Башкортостан, столицей которой является г. Уфа – одиннадцатый мегаполис Российской Федерации, в соответствии с принятым Государственным Собранием – Курултайом Законом № 92-з от 03.02.2009 была организована работа так называемых домов ночного пребывания для лиц, вышедших на свободу без постоянного места жительства. Такую категорию граждан обеспечивают питанием, а также оказывают медицинскую, психологическую и юридическую помощь.

Таким образом, была рассмотрена институциональная поддержка бывших заключенных, реализуемая как в стенах ИУ, так и после освобождения в различных мегаполисах Российской Федерации, отражающая практическую реализацию социокультурного аспекта их ресоциализации и последующей социальной адаптации. При этом стоит отметить, что действующие практики имеют достаточно слабую духовную

компоненту, равно как и ее отражение в правовых документах, регламентирующих данный процесс.

Подытоживая проведенный анализ представленных эмпирических материалов, можно полагать, что они, в целом, подтверждают предложенное нами концептуальное представление о внутренней структурной организации ресоциализации бывших заключенных в условиях городской среды мегаполиса.

Напомним краткую суть предложенного концептуального видения.

В социальной среде современного отечественного мегаполиса на формирование отношения окружающих к человеку и, в итоге, на его статусные характеристики, существенное влияние оказывает наличие работы и связанный с ним род деятельности и характер занятости. Иными словами, к тем, кто не имеет длительное время работы, со временем начинают хуже относиться члены близкого окружения, а также – при попытках трудоустроиться – потенциальные работодатели.

Если же человек работает, то он легче вписывается в социальную среду любого уровня, у него легче и активнее формируются социальные связи. И социокультурный аспект ресоциализации, если говорить о его базовом содержании, можно представить следующим образом.

Когда люди находятся еще в местах заключения, им нужна религия. По крайней мере, она для них может оказаться не только важным подспорьем, но и фактором укрепления силы духа. Религия нужна для того, чтобы человек мог поверить в себя, и чтобы у него не иссякли духовные силы, необходимые для наработки материальной базы и сохранения позитивного ценностного сознания, необходимых для того, чтобы вернуться к нормальной жизни после освобождения. В этом – главный смысл того, что происходит в духовной сфере ресоциализации человека на пенитенциарном этапе.

Далее происходит освобождение человека из мест заключения, и начинается следующий этап ресоциализации.

Для того чтобы встать на путь вхождения в социальную среду принимающего сообщества, человеку, освободившемуся из мест заключения, изначально надо обладать определенной силой воли и верой в себя. Они нужны для преодоления на начальном этапе трудностей, связанных с настороженным отношением или даже неприятием окружающих. Ему надо заслужить доверие со стороны окружающих, что не совсем просто: тут действуют механизмы торможения, вскрытые в одном из интервью, проведенных с представителями духовенства. Рассматривая такое явление, как возможность и частота встречаемости утраты социокультурных ролей человеком, вышедшим из заключения, он сказал следующее:

«...да порой бывает такое, ведь жизнь за решёткой губит слабых людей. Многие то, что они не делали на воле и то, что порицается среди мусульман на воле, они начинают делать на зоне (игра в карты, сбор денег в общак, участие в сходках среди блатных, и прочее, не говоря уже и о том, что запрещено в зоне). Соответственно, когда он выйдет, к нему уже не будет уважительного отношения со стороны единоверцев, так как своими поступками он поставил «понятия» выше религии (то есть, по крайней мере, есть опасность утраты социальных ролей, связанных с социальным статусом человека как мусульманина, добропорядочного представителя группы верующих и добропорядочного представителя мусульманской культуры)».

Его мысль развивает другой имам, также участвовавший в нашем исследовании:

«В среде мусульман также существует недоверие и опаска к мусульманам, вернувшимся из мест заключения, здесь больше сказывается просто человеческая природа – не верить и не доверять

преступнику, но у мусульман это может быть просто не ярко выражено, ведь исламская религия призывает прощать людей за их отступления, доверять и воспринимать людей такими, какими они есть, со своими слабостями и ошибками».

Затем, как-либо закрепившись в обществе на каких-то социально одобряемых позициях (возможность чего связана с наличием работы), к человеку приходит понимание того, что он нужен окружающим (семье, близкому кругу знакомых, организации-работодателю), у него формируется и утверждается положительный социальный статус, что позволяет ему еще больше верить в свои силы и достигать еще больших успехов в обществе.

Таким образом, ресоциализация бывших заключенных предстает как двухэлементный процесс, включающий в себя две базовые составляющие – (I) духовную и (II) социальную (рис. 2).

Обозначения:

(I.1.a) – Вера человека в нужность себе, (I.1.б) – Вера человека в свою нужность семье,
 (I.1.в) – Вера человека в свою нужность своим близким,
 (I.1.г) – Вера человека в свою нужность окружающим,
 (I.1.д) – Вера человека в свою нужность обществу;
 (I.2.a) Уверенность человека в том, что Высшая божественная сила ему поможет преодолеть трудности и добиться желаемого,
 (I.2.б) Вера человека в то, что всё происходящее с ним в его жизни происходит по воле Всевышнего.

Рис. 2. Схема ресоциализации осужденных мусульман

(I). Духовный компонент ресоциализации состоит из двух ключевых элементов – (I.1). Веры в себя и (I.2). Веры в Бога.

(I.1). Вера в себя – представляет собой локальный ценностно-мотивационный комплекс, обеспечивающий в итоге формирование у человека понимания своей нужности в этой жизни: (I.1.a) нужности себе, (I.1.б) нужности семье, (I.1.в) нужности своим близким, (I.1.г) нужности окружающим, (I.1.д) нужности обществу, в конце концов, и т.д., а также

способность предпринимать действия в этом направлении (направленные на обретение своей нужности) (всем этим перечисленным «агентам» (I.1.а-д) человек как бы говорит: «я смогу стать вам нужным»).

Эта компонента наиболее важна для продуктивного осуществления ресоциализации неверующих представителей мусульманской культуры, которые в рассматриваемой ситуации, по наблюдению одного из наших респондентов – представителя мусульманского духовенства, прежде всего склонны полагаться на помощь своих друзей, родственников, близких людей или на «деньги» (см. выдержку из интервью ниже).

(I.2). Вера в Бога (представленная в нашем модельном видении именно как составная часть ресоциализации) может пониматься как состояние сознания человека, включающее в себя также 2 компоненты:

(I.2.a) его уверенность в том, что Высшая божественная сила ему поможет преодолеть трудности и добиться желаемого (что характеризует его готовность «положиться на волю Всевышнего») и

(I.2.б) вера человека в то, что всё происходящее с ним в его жизни происходит по воле Всевышнего, и по этой причине – делается к лучшему.

Тут уместно пояснить сказанное выдержкой, снова взятой из интервью, данного в процессе проведения нашего исследования одним из московских имамов. Отвечая на вопрос о том, есть ли какие-нибудь различия, связанные с адаптацией к нормальной жизни в городе, или ресоциализацией между верующими и неверующими представителями мусульманской культуры, он сказал следующее:

«...конечно же есть. Ведь мусульмане в любой ситуации полагаются на помощь Аллаха, а люди не верующие полагаются на друзей, на деньги и так далее. Пример: мусульманин освободился (из мест лишения свободы – авт.) и пошёл устраиваться на работу (например, водителем) его не взяли по каким-то независимым от него причинам, но он не будет расстраиваться, а скажет: «значит так суждено, значит я

не должен тут работать по воле Всевышнего» и пойдёт дальше искать работу. Неверующий же может после первого отказа сдаться».

Эта компонента (I.2) наиболее важна для продуктивного осуществления ресоциализации именно верующих представителей мусульманской культуры, которые в рассматриваемой ситуации, по наблюдению уже цитировавшегося нами одного из респондентов – представителя мусульманского духовенства – прежде всего склонны полагаться на помощь Аллаха.

Вторая из двух базовых составляющих ресоциализации:

(II). Социальная составляющая – она обеспечивает вхождение вернувшегося из мест заключения в процесс жизнедеятельности общества и, в свою очередь, состоит из трех ключевых элементов:

(II.1). Процесса вхождения (и стремления человека влиться) в трудовой коллектив (шире – принадлежать какой-либо группе),

(II.2). Процесса образования социальных связей положительной направленности и

(II.3). Процесса формирования и достижения положительного социального статуса в обществе.

Таким образом, ресоциализация бывшего заключенного – представителя мусульманской культуры в обществе включает в себя 2 составляющих, одна из которых обеспечивает необходимую для вхождения в принимающее общество кондиционность внутреннего состояния человека, а вторая – собственно вхождение в общество через следование определенным траекториям в социальном пространстве.

Выводы по Главе 3

Российские мегаполисы как места последующей социальной адаптации бывшего заключенного-мусульманина таят в себе больше возможностей для успешной ресоциализации преступника, чем малые города, однако не лишены и рисков. Рассмотренные характеристики

российских мегаполисов позволяют сделать вывод о том, что на фоне отсутствия в России единого учения Ислама создается почва для проникновения и распространения радикально-экстремистских идей. В связи с аномичностью мегаполисной среды, характеризующейся отсутствием единой системы ценностей, бывшим заключенным-мусульманам необходимо находить определенные референтные группы, состоящие из авторитетных лиц, исповедующих религию Ислам и нашедших путь к нормальной жизни. Именно вливание в такую среду позволит мусульманам успешно адаптироваться в принимающем обществе в мегаполисе, учитывая то, что мусульмане приветствуют сплоченность и охотно объединяются в группы.

Заключение

Ресоциализация отбывших сроки наказания осужденных – представителей мусульманской культуры – будучи многогранным процессом, в то же время является функциональной частью общей пенитенциарной системы.

Общий процесс ресоциализации включает в себя два этапа. Первый этап осуществляется внутри ИУ, второй этап – за пределами пенитенциарного учреждения после освобождения. На первом этапе у заключенных формируются установки на нормальную жизнь в социуме, которые должны реализовать себя на втором этапе. Социально ориентированная установка бывшего заключенного-мусульманина должна основываться на вере в себя и в Бога в целях вовлечения в трудовые коллективы, формирования благоприятного социального статуса в обществе, создания материальной базы, необходимой для дальнейшей жизни и перехода на качественно новый уровень жизнедеятельности. Для формирования подобных установок общая пенитенциарная система обладает необходимыми ресурсами. В частности, она может обеспечивать возможности повышения уровня образования, получения профессиональных навыков; создавать условия для мотивации и веры в себя путем участия в профессиональных конкурсах, занятия благотворительностью; обеспечить восстановление необходимых документов и создавать условия для налаживания положительных социальных связей. В больших городах существуют различные центры и фонды последующей адаптации бывших заключенных-мусульман, которые на первое время обеспечивают их кровом и работой. В условиях мегаполисов процесс ресоциализации и последующей социальной адаптации значительно упрощается, поскольку там имеется больше возможностей для трудоустройства не только обычных, законопослушных

граждан, но и бывших заключенных, которым, как правило, намного сложнее найти работу и влиться в трудовые коллективы.

Вместе с тем общий процесс ресоциализации в среде мегаполиса характеризуется наличием ряда рисков. В настоящее время в исправительных учреждениях стали активно распространяться экстремистские радикально направленные идеи. Активизировалась и вербовка из числа заключенных-мусульман новых членов соответствующих радикальных групп экстремистской направленности, которая во многих случаях происходит непосредственно в стенах исправительного учреждения. Зачастую поддержку таким группам оказывают имамы. Нехватка квалифицированных имамов, способных объяснить разницу между традиционными ценностями Ислама и ложным учением, нежелание иных имамов работать в тюрьмах и колониях осложняет процесс ресоциализации и последующей социальной адаптации бывших заключенных-мусульман в принимающих обществах после освобождения. Кроме того, в настоящее время в России не сформировано единого учения религии Ислама, что также создает почву для распространения экстремистских идей и формирования радикально настроенных групп.

В связи с тем, что среда мегаполисов характеризуется аномичностью общества, заключающейся в отсутствии единой системы ценностей, многонациональностью и конфессиональным плюрализмом, для институтов, обеспечивающих осуществление комплексной деятельности по ресоциализации бывших заключенных-мусульман, необходимо находить или создавать состоящие из мусульман, ведущих нормальную жизнь и вписавшихся в социум мегаполиса, группы, способные стать референтными для отбывших сроки наказания представителей мусульманской культуры с тем, чтобы за счет их вовлечения в состав или

в сферу влияния таких групп облегчить, оптимизировать процесс их ресоциализации, направив его в желательное для общества русло.

В процессе исследования были реализованы поставленные задачи:

1. Предложена теоретико-методологическая концепция ресоциализации осужденных мусульман, основанная на социокультурном подходе во взаимосвязи с административно-правовыми и психолого-педагогическими аспектами.

2. На основе анализа научной литературы и статистических данных были выявлены специфические особенности осужденных мусульман, а также их типы.

3. На основе анализа научной и публицистической литературы, нормативно-правовых актов РФ, проведенного эмпирического исследования определены ресурсы и институциональные условия российской пенитенциарной системы, риски и факторы, препятствующие успешной ресоциализации осужденных мусульман, а также общий потенциал ресоциализации рассматриваемой категории в исправительных учреждениях.

4. На основе анализа научной и публицистической литературы определено, что религиозный экстремизм в пенитенциарной системе является одним из основополагающих факторов, препятствующих формированию положительных установок осужденными мусульманами для дальнейшей жизни на свободе.

5. На основе анализа научной и публицистической литературы, проведенного эмпирического исследования выявлены специфические особенности среды мегаполиса с точки зрения рисков и возможностей для успешной ресоциализации и последующей социальной адаптации бывшего заключенного-мусульманина.

6. На основе эмпирического исследования, проведенного в два этапа при помощи полуструктурированного интервьюирования

представителей администрации исправительных учреждений, осужденных мусульман, имамов московских мечетей и освободившихся мусульман, проживающих в г. Москве, верифицировано, что принятая стратегия ресоциализации недостаточно учитывает роль духовной компоненты в общей пенитенциарной системе, что в настоящий момент является ее серьезным недостатком.

Практические рекомендации основным агентам ресоциализации осужденных мусульман.

1. Администрации исправительных учреждений:

- активное сотрудничество с представителями духовенства;
- исключение предвзятого отношения ко всем осужденным мусульманам и позволение им, по возможности, совершать религиозные ритуалы и молитвы, адаптируя общий арестантский уклад;
- исключение борьбы с «зеленой мастью» с помощью воров в законе;
- обеспечение защиты наиболее слабых (морально) осужденных мусульман с целью недопущения их примыкания к представителям радикально настроенных групп, которые могут им эту защиту дать;
- активное подключение осужденных к общественно полезному труду в целях формирования в них чувства нужности обществу и стимулирования их инициативности;
- обеспечение большей возможностью поддержания положительных социальных связей заключенных с внешним миром, в частности, с семьей.

2. Духовенству мечетей:

- активное сотрудничество с представителями администрации исправительных учреждений;

- введение аттестации для имамов, формирующих духовные основы и ценностные ориентации у осужденных мусульман, на предмет выявления безупречных знаний о традиционном учении Ислама;

- оказание помощи осужденным мусульманам вернуться на праведный путь, объяснив им разницу между истинно-духовными ценностями Ислама и радикальными течениями Ислама;

- оказание осужденным мусульманам духовной поддержки – прививание им веры в Бога и в себя, чтобы при выходе на волю и возникновении первых трудностей, бывший заключенный не опустил руки, а нашел в себе силы занять достойное место в обществе и создать для этого необходимую материальную базу.

3. Общественным организациям.

Проведенное исследование выявило, что в настоящее время наиболее эффективная политика в области ресоциализации и последующей социальной адаптации осужденных мусульман проводится именно общественными организациями. Лидерами таких центров выступают представители религии Ислам и исламской культуры, имеющие активную положительную общественную позицию. Общественные центры обеспечивают мощное положительное подспорье общей пенитенциарной системе РФ, помогая бывшему осужденному адаптироваться в принимаемом обществе первое время. Для них рекомендуется продолжать свою деятельность в том же направлении и активно посещать колонии с целью демонстрации положительных примеров, историй успехов людей, которые тоже когда-то были заключенными.

Список используемых источников

1. Абдуразаков, А. А. Обеспечение религиозных прав и свобод в местах лишения свободы / А. А. Абдуразаков. – Текст : непосредственный // Юрист Юга России и Закавказья. – 2017. – № 4 (20). – С. 33-36.
2. Агапов, П. В. Противодействие распространению экстремистской идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы / П. В. Агапов, С.Д. Сотченко. – Текст : непосредственный // Законность. – 2016. – № 8 (982). – С. 22-24.
3. Алисов, Д. А. Актуальные проблемы культурологии города / Д. А. Алисов. – Текст : непосредственный // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 1999. – Вып. 1. – С. 4-16.
4. Аляутдинов, Ш. Что значит быть мусульманином в мегаполисе.... / Ш. Аляутдинов. – Текст : электронный // Livejournal : [сайт]. – 1999. – URL: <https://ciel-poetique.livejournal.com/86005.html>. – Дата публикации: 11.03.2015.
5. Анализ религиозной ситуации в Республике Башкортостан. – Текст : электронный // Посреди России: информационно-аналитический журнал. – URL: <https://posredi.ru/analiz-etnoreligioznoj-situacii-v-respublike-bashkortostan.html>. – Дата публикации: 07.09.2015.
6. Андреев, Н. А. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект): учебное пособие / Н. А. Андреев, В. М. Морозов, О. Г. Ковалев, М. Г. Дебольский. – Москва : «Права человека», 2001. – 182 с. – Текст : непосредственный.
7. Антонян, Ю. М. Наказание и исправление преступников: учебное пособие / Ю. М. Антонян. – Москва: НИИ МВД РФ, 1992. – С. 128. – Текст : непосредственный.
8. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования

- преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – Москва : Юристъ, 1996. – 336 с. – Текст : непосредственный.
9. Арпентьева, М. Р. Исторические и национальные модели помощи заключенным / М. Р. Арпентьева. – Текст : непосредственный // Советник юриста. – 2017. – № 11. – С. 3-12.
10. Балгожина, М. Е. Ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, как предупреждение рецидива преступности / М. Е. Балгожина. – Текст : непосредственный // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы Международной научно-практической конференции, 18 декабря 2015 г. / редакция С. В. Векленко. – Калининград : Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2016. – С. 188-191.
11. Ballas, D. Prisoner Radicalization / D. Ballas. – Text : direct // FBI Law Enforcement Bulletin. – 2010. – № 10. – P. 6.
12. Баширов, Л. Будущее ислама в России / Л. Баширов. – Текст : непосредственный // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 2. – С. 28-35.
13. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. / У. Бек; перевод с немецкого А. Григорьева и В. Седельника. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 132-134. – Текст : непосредственный.
14. Бибик, О. Н. Культурологические аспекты противодействия преступности / О. Н. Бибик. – Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2 (32). – С. 21-28.
15. Бовин, Б. Г. Специфика поведения осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность / Б. Г. Бовин, Е. М. Федорова. – Текст : непосредственный // Религии и экстремизм : способы и методы противодействия религиозному экстремизму в местах лишения

- свободы : сборник материалов межведомственного межвузовского круглого стола с международным участием, Москва, 28 июня 2016 г. / редакторы : С. В. Гарник, Ю.М. Антонян, С. С. Оганесян. – Тверь : Научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 25-29.
16. Богреева, Е. Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация / Е. Г. Богреева – Москва: ЭННИ МВД РФ, 2013. – 82 с. – Текст : непосредственный.
17. Борисова, О. Б. Интеграция в общество бывших осужденных / О. Б. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2007. – Т. 4, № 1(28). – С. 219-225.
18. Борсученко, С. А. Право осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания / С. А. Борсученко. – Текст : непосредственный // Правовая культура. – 2015. – № 3 (22). – С. 14-21.
19. Булгакова, Е. «Невозможно читать сказки взрослым мужикам»: учителя – о том, как ведут занятия в колонии и ищут подход к ученикам / Е. Булгакова. – Текст : электронный // Такие дела : [сайт]. – 2019. – URL: <https://takiedela.ru/news/2019/09/20/shkoly-v-koloniakh/>. – Дата публикации: 20.09.2019.
20. Бурукин, В. В. Причины проникновения идей религиозно-экстремистской направленности в учреждения УИС / В. В. Бурукин. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2017. – № 4. – С. 70-71.
21. Бурый, В. Е. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы : монография / В. Е. Бурый ; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики

- Беларусь». – Могилев: Могилевский институт МВД, 2016. – С. 22-23. – Текст : электронный. – URL : http://www.institutemvd.by/images/NIO/Resostializatsia_i_sotsialnaya_adaptatsia_osuzhdennih_k_lisheniu_svobodi.pdf.
- 22.В России наибольшее число мусульман проживает в Казани, Краснодаре и Воронеже. – Текст : электронный // Татар-информ : [сайт]. – URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/society/20-06-2017/v-rossii-naibolshee-chislo-musulman-prozhivaet-v-kazani-krasnodare-i-voronezhe-5278172>. – Дата публикации : 20.06.2017.
- 23.В ростовском муфтияте рассказали о ситуации с новообращенными мусульманами: [беседа зампре­дседателя Центра духовного управления мусульман Ростовской области Мухаммеда Бикмаева с Rostov Gazeta]. – Текст : электронный // ISLAM NEWS : [сайт]. – URL: <https://islamnews.ru/news-v-rostovskom-muftijate-rasskazali-o-no>. – Дата публикации : 05.12.2017.
- 24.В Челябинске снизилось число рецидивов у бывших заключенных. – Текст : электронный // Рамблер : [сайт]. – URL: <https://news.rambler.ru/community/36034284-v-chelyabinske-snizilos-chislo-retsdivov-u-byvshih-zaklyuchennyh/?updated>. – Дата публикации : 7 февраля 2017.
- 25.Волкова, И. В. Ресоциализация лиц, бывших заключенных / И. В. Волкова, С. В. Матюшенко. – Текст : непосредственный // Наука сегодня: реальность и перспективы: материалы международной научно-практической конференции (Вологда, 28 февраля 2018 г.) : В 2-х частях. – Часть 1. – Вологда: ООО «Маркер», 2018. – С. 123-126.
- 26.Волкова, Т. Н. Проблемы отбывания наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы: специальность 12.00.08 "Уголовное право, криминология и исправительно-трудовое право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

- юридических наук / Т. Н. Волкова ; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 1995. – 15 с. – Текст : непосредственный.
- 27.Всероссийская перепись населения 2010 : итоги. – Текст : электронный // Ростовстат : [сайт]. – ULR: https://www.webcitation.org/6Gd7NdZiK?url=http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
- 28.Высотина, Л. А. Педагогические основы процесса исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ / Л. А. Высотина. – Москва: Юридическая литература, 1977. – С. 171–173. – Текст : непосредственный.
- 29.Гарник, С. В. О подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы к пресечению и профилактике распространения религиозного экстремизма среди осужденных / С. В. Гарник, Н. В. Рехтина. – Текст : непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 5 (180). – С. 2-5.
- 30."Главный мусульманин" России раскрыл, сколько его единоверцев проживает в Екатеринбурге. "Он – среди лидеров по числу мусульман в РФ". – Текст : электронный // Новости Урала: [сайт]. – ULR: ural-news.net/other/2019/09/23/208632.html. – Дата публикации : 23.09.2019.
- 31.Голобородько, И. М. Особенности исправления и перевоспитания женщин, осужденных к лишению свободы / И. М. Голобородько, В. Е. Квашиш, В. А. Кириллова. – Москва : Политотдел ГУИТУ МВД СССР, 1971. – С. 16-17. – Текст : непосредственный.
- 32.Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики : монография / ответственный редактор Э. В. Сайко. – Москва : Наука, 2001. – С. 71. – Текст : непосредственный.

33. Государственный совет Республики Татарстан : [сайт]. – Изображения (неподвижные, двухмерные) : электронные. – URL: <http://tatar7.info/2013/08/09/Д5306.Нт>
34. Гриценко, Г. Д. Ресоциализация осужденных к условиям пенитенциарного учреждения: социокультурный аспект / Г.Д. Гриценко, К.С. Тумаров. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 8. – С. 209-214.
35. Громов, В. В. Социальные связи в процессе ресоциализации осужденных / В. В. Громов, А. С. Крылов. – Текст : непосредственный // Применение наказаний, не связанных с лишением свободы. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1989. – С. 37.
36. Даланов, Д. С. Организационно-правовые проблемы обеспечения совершения религиозных обрядов подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными / Д. С. Даланов. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / А. И. Абатуров, А. О. Адоевская, С. Н. Андреев [и др.] ; под редакцией А. А. Вотинова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. – Вып. 3 – С. 80-81.
37. Данилин, Е. М. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи) / Е. М. Данилин, В. С. Радкевич, И. В. Селиверстов, Е. А. Сизая. – Текст : непосредственный // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 2. – С. 388-396.
38. Даценко, Е. В. Ресоциализация преступников: социологический аспект / Е. В. Даценко, Н. В. Хлабыстова. – Текст : непосредственный // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2017. – № 9. – С. 167-176.
39. Дашаев, Р. Х. Портрет личности участника современной религиозной террористической деятельности / Р. Х. Дашаев. – Текст :

непосредственный // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. – № 6. – С. 228.

40. Дворникова, Т. Ни жилья, ни работы, ни семьи. Психолог об адаптации бывших заключенных / Т. Дворникова. – Текст : электронный // openDemocracy : [сайт]. – URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/nidoma-ni-raboty/>. – Дата публикации : 30.07.2017.
41. Деркача, А. А. Асоциализация, десоциализация и ресоциализация личности / А. А. Деркача. – Текст : электронный // Psyera. ru : [сайт]. – URL: <http://psyera.ru/2493/>. – Дата публикации: 17.12.2011
42. Дибиров, М. Т. Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений (по материалам Республики Дагестан): специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дибиров Магомед Тагирович ; Академия права и управления. – Рязань, 2006. – С. 17. – Текст : непосредственный.
43. Дитковский, А. Ю. Сотрудничество с мусульманскими организациями по выработке тактики поведения с осужденными, исповедующими ислам, в исправительных учреждениях преимущественно православного вероисповедования / А. Ю. Дитковский. – Текст : непосредственный // III Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации), г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г. : материалы Международной научно-практической конференции «Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе». – Рязань : Академия ФСИН России. – 2017. – Т. 4, Ч 2. – С. 154-160.

44. Dollimore, J. Radical tragedy: Religion, ideology a. power in the drama of Shakespeare a. his contemporaries / J. Dollimore. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1984. – 312 p. – Text : direct
45. Домницкий, Д. Г. Радикальный ислам как одна из современных проблем уголовно-исполнительной системы России / Д. Г. Домницкий. – Текст : непосредственный // Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в рамках III Международного научно-образовательного форума / ответственный редактор Е.Н. Викторук. – Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2015. – С. 22-29.
46. Евдокимов, И. В. Гражданское общество и "тюремное население": конфликт или компромисс / И. В. Евдокимов. – Текст : непосредственный // Безопасность Евразии. – 2016. – № 2 (52). – С. 104-132.
47. Евсеев, К. В. Пенитенциарный и исправительно-трудовой компонент в истории советской уголовно-исполнительной системы / К. В. Евсеев. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия "Право". – 2011. – № 2(27). – С. 26–29.
48. Жукова, А. А. Обеспечение права свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, находящихся в местах лишения свободы в Российской Федерации / А. А. Жукова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 19 (99). – С. 475-478.
49. Злобин, С. И. К проблеме определения понятия и предмета постпенитенциарной педагогики / С. И. Злобин. – Текст : непосредственный // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 4. – С. 52-55

- 50.Зэки-мусульмане бросают вызов ворам в законе. Есть первые жертвы. – Текст : электронный. – URL: <https://cont.ws/@adviser095/733281>. – Дата публикации : 5.10.2017.
- 51.Зязин, С. Ю. Ресоциализация осужденных мусульман в условиях мегаполиса: монография / И. В. Лескова, С. Ю. Зязин. – Москва.: АНО НПЦ «Аль-Васатыя – умеренность», 2018 – 336 с. – Текст : непосредственный.
- 52.Зязин, С. Ю. Социальная адаптация и интеграция в Москве мигрантов из Республик Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан: монография / С. Ю. Зязин, И. В. Лескова, Р. З. Каримбеков. – Москва : АНО НПЦ «Аль-Васатыя – умеренность», 2019. – 214 с. – ISBN 978-5-8493-0450-2. – Текст : непосредственный.
- 53.Итоги Всероссийской переписи населения по Республике Башкортостан. – Текст : электронный // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : [сайт]. – URL: https://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/Итоги+Всероссийской+переписи+населения+2010+года+по+Республике+Башкортостан.pdf
- 54.Касимова, Э. Р. Особенности ресоциализации осужденных женщин / Э. Р. Касимова. – Текст : непосредственный // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции (26-27 октября 2017 г.). – 2017 – С. 54-57.
- 55.Коваль, М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывающих длительные сроки лишения свободы: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» :

- диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / М. И. Коваль. – Рязань, 1995. – 306 с. – Текст : непосредственный.
56. Колесникова, Н. Е. Социально-психологическая ресоциализация осужденных-мужчин в исправительном учреждении : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Н. Е. Колесникова ; Российский государственный социальный университет. – Москва, 2011. – 24 с. – Текст : непосредственный.
57. Количество мусульман в Москве выросло до 4 млн. человек – Текст : электронный // MR7.ru (мой район) : [сайт]. – URL: <https://mr-7.ru/articles/208264/>. – Дата публикации : 21.09.2019.
58. Косарецкая, С. В. Неформальные объединения молодежи: профилактика асоциального поведения / С. В. Косарецкая, С. Г. Косарецкий, Н. Ю. Синягина. – Текст : непосредственный. – Санкт-Петербург: КАРО, 2006. – С. 103-104.
59. Кохтачев, В. С. Взаимодействие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с религиозными концессиями на Северном Кавказе / В. С. Кохтачев – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительная система и Русская Православная Церковь, другие традиционные для России религиозные объединения – взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Рязань 18-19 сентября 2018 г. / ответственный редактор: А. А. Крымов, Г.В. Щербаков; Академия ФСИН России – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – 2018. – С. 198-205.
60. Коц, А. В Москве появились исламские кварталы / А. Коц. – Текст : электронный // Комсомольская правда : [сайт]. – URL:

<https://www.kp.ru/daily/24002.4/81044/>. – Дата публикации : 15 ноября 2007.

61. Крайнова, Н. А. Постпенитенциарная политика государства сквозь призму истории экономических реформ / Н. А. Крайнова. – Текст : непосредственный // Криминологические и уголовно-правовые проблемы ресоциализации осужденных в Российской Федерации и за рубежом : монография / Н. А. Крайнова ; под редакцией В.И. Тюнина ; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2015. – С. 15-25.
62. Красноярск вошел в пятерку самых православных и самых мусульманских регионов России. – Текст : электронный // Новости Красноярска : [сайт]. – URL: <http://krasnoyarsk-news.net/other/2017/06/22/96217.html>. – Дата публикации : 22.06.2017.
63. Красноярский край официальный интернет-портал правовой информации. – Текст : электронный // Закон : [сайт]. – URL: <http://www.zakon.krskstate.m/0/doc/17735>
64. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. – Текст : электронный // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (дата обращения : 13.08.2019).
65. Крук, А. Жизнь после тюрьмы: интервью с бывшим заключенным / А. Крук. – Текст : электронный // Веб-журналист: [сайт]. – 2009. – 8 марта. – URL: www.websmi.by/2019/06/o-trudnostyah-adaptatsii-na-svobode-byvshih-zaklyuchennyh-analiticheskaya-statya/. – Дата публикации : 04.06.2019.
66. Кузьмина, Н «В колонии хоть накормят!». Бывшие заключенные о жизни после срока / Н. Кузьмина. – Текст : электронный // Аргументы и факты. AIF.RU : [сайт]. – URL:

- https://aif.ru/society/people/v_kolonii_hot_nakormyat_byvshie_zaklyuchennye_o_zhizni_posle_sroka. – Дата публикации : 03.04.2019.
67. Лайне, М. Криминология и социология отклоненного поведения / М Лайне. – Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 2016. – 235 с. – Текст : непосредственный.
68. Лапин, Н. И. Социокультурный подход в социетально-функциональные структуры / Н. И. Лапин. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3-12.
69. Ларина, А. Имам главной ростовской мечети обвинен в национализме / А. Ларина. – Текст : электронный // Российская газета RG.RU. – ULR: <https://rg.ru/2013/10/24/reg-ufo/bikmaeev.html>. – Дата публикации : 24.10.2013.
70. Литвишков, В. М. Формирование нравственной устойчивости в процессе перевоспитания несовершеннолетних: учебное пособие / В. М. Литвишков. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1981. – 60 с. – Текст : непосредственный.
71. Лукин, Е. Е. Практики ресоциализации пожилых осужденных : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Е. Е. Лукин ; Саратовский государственный технический университет. – Саратов, 2012. – 20 с. – Текст : непосредственный.
72. Лукин, Е. Е. Современные практики ресоциализации пожилых осужденных в России / Е. Е. Лукин. – Текст : непосредственный // Отечественный журнал социальной работы. – 2012. – № 4. – С. 136-143.
73. Лукшина, О. Ю. Развитие психологической устойчивости к влиянию криминальной субкультуры у несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных / О. Ю. Лукшина. – Текст : непосредственный // Институт ресоциализации осужденных: состояние,

- проблемы и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (26-27 октября 2017 г.). – 2017. – С. 207-210.
74. Лучников, А. Постановление №631. «Теперь работодатель видит в них не ээка, а людей, готовых работать» / А. Лучников, Л. Фархутдинов. – Текст : электронный // ИА «Исламтат» : [сайт]. – URL: <https://islamtat.ru/tatarstan-zajmyotsya-resocializaciej-byvshih-zaklyuchennyh-cto-hto-takoe-i-kak-proiskhodit> (дата обращения : 04.08.2019).
75. Марковский, К. Ю. Взаимодействие учреждений УФСИН России по г. Москве с религиозными организациями / К. Ю. Марковский. – Текст : непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 4 (191). – С. 66-68.
76. Матвеева, Е. В. Нравственная ресоциализация осужденных как объект исправительного воздействия и психологическая проблема / Е. В. Матвеева, Е. А. Дровосекова. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – № 12. – С. 82-86. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/172017.htm>.
77. Мацукевич, О. Ю. Социально-культурная ресоциализация: психолого-педагогический аспект / О. Ю. Мацукевич. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 138-142.
78. "Меня будто стерли". Есть ли жизнь после тюрьмы. – Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – URL: <https://news.rambler.ru/articles/37866916-menya-budto-sterli-est-li-zhizn-posle-tyurmy/>. – Дата публикации : 11.09.2017.
79. Мечети в Санкт-Петербурге. – Текст : электронный // ГОРОДСКАЯ РИТУАЛЬНАЯ СЛУЖБА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА : [сайт]. – URL: <https://spb.ritual.ru/poleznaya-informatsiya/stati/mecheti-v-sankt-peterburge/>

- 80.Миклашевич, М. От пенитенциарной ресоциализации, к ресоциализации постпенитенциарной / М. Миклашевич – Текст : непосредственный // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика : сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 163-170.
- 81.Мировые религии в Санкт-Петербурге. – Текст : электронный // ПЕТЕРБУРГ ЦЕНТР : [сайт]. – URL: <https://peterburg.center/ln/mirovye-religii-v-sankt-peterburge.html>
- 82.Мухаметшина, Г. Почему Казань – мусульманская столица России? / Г. Мухаметшина. – Текст : электронный // Инфо-Ислам : общероссийское информационное агентство мусульман. – URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/aktualno/pochemu_kazan_musulmanskaja_stolica_rossii/49-1-0-39068. – Дата публикации : 23.04.2016.
- 83.Наиболее многочисленные национальности : проект. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL : https://web.archive.org/web/20160822184005/http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/resources/95d214004e9bf741a51eb7a638e2bbf1/Наиболее+многочисленные+национальности+населения.pdf
- 84.Нарусланов, Э. Ф. Некоторые особенности предупреждения религиозной экстремистской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Нарусланов Э. Ф. – Текст : непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 7 (194). – С. 54-60.
- 85.Национальный состав и владение языками, гражданство населения Свердловской области. – Текст : электронный // Росстат: [сайт]. – URL: <https://sverdl.gks.ru/>

86. Национальный состав населения Красноярского края по ВПН 2010. – Текст : электронный // Красноярскстат. Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва : [сайт]. – URL: <https://www.krasstat.gks.ru/news/vpn2010/DocLib4/Forms/AllItems.aspx?>
87. Национальный состав населения Пермского края по ВПН 2010. – Текст : электронный // Пермьстат : [сайт]. – URL: https://www.webcitation.org/6GuVZdVsy?url=https://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/
88. Национальный состав населения Республики Татарстан по ВПН 2010. – Текст : электронный // Татарстанстат : [сайт]. – URL: <https://www.webcitation.org/6CLiVP5JY?url=http://www.tatstat.ru/VPN2010/DocLib8/%D0%BD%D0%B0%D1%86%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2.pdf>
89. Новая социализация ислама. – Текст : электронный // Эксперт Урал. – 2013 – 28 октября (№ 43). – URL: <https://expert.ru/ural/2013/43/novaya-sotsializatsiya-islama/>
90. Обзор обращений граждан. – Текст : электронный // Федеральная служба исполнения наказаний : [сайт]. – URL : <https://fsin.gov.ru/structure/management/obzor-obrashcheniy-grazhdan/> (дата обращения: 22.08.2019).
91. Оганесян, С. М. Место и роль пенитенциарной системы в механизме государства / С. М. Оганесян. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 1. – С. 16–25.
92. Оганесян, С. С. О необходимости изолированного содержания религиозных экстремистов и террористов в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской

- Федерации / С. С. Оганесян, В. К. Михайлов. – Текст : непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 2 (201). – С. 50-58.
93. Оганесян, С. С. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы / С. С. Оганесян, Б. Г. Бовин, П. Н. Казберов, Д. Е. Дикопольцев. – Текст : непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 6 (205). – С. 51-60.
94. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики : [сайт] – ULR : https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
95. Ордынский, В. Русские в тюрьмах и на «зонах» принимают ислам и становятся ваххабитами / В. Ордынский. – Текст : электронный // Русская народная линия Православие. Самодержавие. Народность : Информационно-аналитическая служба : [сайт]. – ULR : https://ruskline.ru/analitika/2012/04/02/russkie_v_tyurmah_i_na_zonah_prinimayut_islam_i_stanovyatsya_vahhabitami/. – Дата публикации : 01.04.2012.
96. Орлова, Э. А. Современная городская культура и человек / Э. А. Орлова. – Москва : РАН Институт философии : Наука, 1987. – 193 с. – Текст : непосредственный.
97. Особенности психологического и воспитательного воздействия на различные категории осужденных // Справочник начальника отряда ИУ: учебное пособие / составители: С. А. Арбузова, С. В. Бондаренко, В. А. Борченко [и др.]. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2016. – С. 96-101. – Текст : непосредственный.

- 98.Панкратьева, Е. «На нас вешают ярлык террористов, а мы больше всех пострадали от них»: как на Урале живут мусульмане / Е. Панкратьева. – Текст : электронный // БЕЗ ФОРМАТА : [сайт]. – ULR : <https://ekaterinburg.bezformata.com/listnews/kak-na-urale-zhivut-musulmane/75182112/>. – Дата публикации : 28.05.2019.
- 99.Parsons, T. The School Class as a Social System Some of Its Funktionen in American Society / T. Parsons – Text : direct // Harward Educational Review. – 1959. – Vol. 29. – P. 297-318.
100. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; перевод с английского Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; научный редактор перевода М. С. Ковалева. – Москва: Аспект Пресс, 1998. – 270 с. – Текст : непосредственный.
101. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – Москва : Академический проспект, 2018. – 529 с. – Текст : непосредственный.
102. Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Пермь, 04-06 апреля 2018 г.) / составитель В. А. Овченков; ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России. – Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – 423 с. – Текст : непосредственный.
103. Пенитенциарные системы зарубежных стран : учебно-практическое пособие / составители : В. И. Гуржий, М. П. Мелентьев. – Киев : РИО МВД Украины, 1993. – 104 с. – Текст : непосредственный.
104. Пенькова, Н. Казань многолика: обзор религиозных святынь (храмы, мечети, костелы и др.) / Н. Пенькова. – Текст : электронный // Отпуск-Здорово! : авторский сайт о путешествиях. – 2012. – ULR: <https://otpusk-zdorovo.ru/kazan-religiya/#i-9>

105. Поздняков, А. Н. К вопросу об исламизации организованной преступности / А. Н. Поздняков. – Текст : непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. – 2016. – № 2. – С. 83-86.
106. Полякова, Е. А. Стадии процесса ресоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы / Е. А. Полякова. – Текст : непосредственный // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 4 (67). – С. 112-114.
107. Порхачёв, И. Русские мусульмане г. Красноярск: современное состояние и этнорегиональная самоидентификация / И. Порхачёв. – Текст : непосредственный // Мусульманский мир. – 2016. – № 4. – С. 1-42.
108. Постановление Правительства РФ от 25.12.2006 № 800 в ред. от 03.11.2011. «О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы». – Текст : электронный // ЗАКОНЫ, КОДЕКСЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-25122006-n-800/>
109. Правонарушения. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#
110. Прессуют ли мусульман в российских тюрьмах? За и против. – Текст : электронный // Алиф ТВ : [сайт]. – URL: <https://alif.tv/pressuyut-li-musulman-v-rossijskih-tyurmah-za-i-protiv/>. – Дата публикации: 25.10.2017.
111. Преступность по данным Росстат. – Текст : электронный // Статистика и показатели. Региональные и федеральные: [сайт]. – URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/>

112. Приветствие муфтия Гайнутдинова участникам Всероссийской конференции «Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы». – Текст : электронный // Духовное управление мусульман Российской Федерации : официальный сайт. – ULR: dumrf.ru/upravlenie/documents/12420. – Дата публикации: 30 мая 2017.
113. Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 в редакции от 21.07.2016 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исправительной системы». – Текст : электронный // ЗАКОНЫ, КОДЕКСЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : [сайт]. – ULR: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rf-ot-30122005-n-262/>
114. Приказ Минюста РФ от 13.01.2006 № 2 в редакции от 26.12.2019 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях». – Текст : электронный // ЗАКОНЫ, КОДЕКСЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : [сайт]. – ULR: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rf-ot-13012006-n-2/>
115. Приложения к итогам ВПН 2010 года в Москве. – Текст : электронный // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – ULR: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf
116. Проблемы противодействия религиозному экстремизму и пути формирования веротерпимости в местах лишения свободы: монография / С. С. Оганесян, А. Ш. Габараев, П. Н. Казберов Ф.И. Ушков, О. Г.

- Годованец. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – С. 28-35 – Текст : непосредственный.
117. Пчелкина, Е. П. Ценностные ориентации заключенных, бывших участников террористических группировок / Е. П. Пчелкина, Е. А. Филатова, Е. Н. Шутенко, Б. З. Нанакали. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 5. – С. 1-5.
118. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ : учебное пособие / Н. А. Андреев, В. М. Морозов, О. Г. Ковалев, М. Г. Дебольский, А. М. Морозов. – Москва: Права человека, 2014. – 182 с. – Текст : непосредственный.
119. Румянцев, Н. В. Противодействие деятельности экстремистских и террористических организаций в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Румянцев. – Текст : непосредственный // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 2 (20). – С. 111-116.
120. Рыбак, М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы : проблемы теории и практики: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право». – диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / М.С. Рыбак; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2001. – С. 14. – Текст : непосредственный.
121. Рыбак, М. С. Социальная адаптация лиц, освобожденных от наказания / М. С. Рыбак. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной Академии права. – 1998. – № 4 (15). – С. 43-48.
122. Рэнсторп, М. Предупреждение насильственной радикализации и терроризма на примере Индонезии / М. Рэнсторп. – Стокгольм, 2009. – 26 с. – Текст : непосредственный.

123. Рязанова, С. В. «Два ислама» в Пермском крае: истинный и мнимый конфликты / С. В. Рязанова. – Текст : электронный // #Религиознаяжизнь: [сайт]. – ULR: <https://religious.life/2012/01/ryazanova-dva-islama-v-permskom-krae/>. – Дата публикации: 21.01.2012.
124. Саввинова, К. П. Социально-психологическая помощь как фактор ресоциализации бывших заключенных / К. П. Саввинова, С. В. Соболева. – Текст : электронный // Научный электронный журнал Меридиан. – 2017. – № 1 (4). – С. 43-45. – ULR: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=318>
125. Сергеев, А. О. Социально-педагогическая деятельность современных христианских приходов: на материале России и Германии: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / А. О. Сергеев; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1998. – 19 с. – Текст : непосредственный.
126. Сивова, А. А. Роль институтов гражданского общества в ресоциализации осужденных: реализация совместных мероприятий / А. А. Сивова – Текст : непосредственный // III Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление" (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.): в 8-ми томах. – Рязань : Академия ФСИН России, 2017. – Т. 8. – С. 223-229.
127. Синелина, Ю. Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян / Ю. Ю. Синелина. – Москва: Наука, 2006. – 110 с. – Текст : непосредственный.

128. Синюк, Е. Жизнь после тюрьмы. Почему мечты о светлом будущем у осужденных превращаются в суициды? / Е. Синюк. – Текст : электронный // TUT.BY : [сайт]. – ULR: <https://news.tut.by/society/340973.html>. – Дата публикации : 27.03.2013.
129. Складорова, Т. В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований / Т. В. Складорова. – Текст : непосредственный // Вестник ПСТГУ-IV: Педагогика. Психология. – 2009. – Вып. 4 (15). – С. 7–17.
130. Скок, Н. И. Ресоциализация осужденных средствами образовательного пространства: [монография] / Н. И. Скок, Л. Л. Мехришвили, Е. Ю. Екимова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 235 с. – Текст : непосредственный.
131. Сколько мечетей в Москве: полный обзор. – Текст : электронный // Live to travel : [сайт]. – ULR: <https://livetotravel.ru/skolko-mechetey-v-moskve-polnyiy-obzor/>
132. СМР: число мечетей в РФ превысило 7 тысяч – это беспрецедентный рост. – Текст : электронный // РИА НОВОСТИ : Религия и мировоззрение : [сайт]. – ULR: <https://ria.ru/20141117/1033687343.html>. – Дата публикации: 02.03.2020.
133. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. / общая редакция, составление и предисловие А. Ю. Союмонов; перевод с английского С. А. Сидоренко. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с. – Текст : непосредственный.
134. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях: учебное пособие / под редакцией профессора А. Н. Сухова. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 2007. – 300 с. – Текст : непосредственный.
135. Сочивко, Д. В. Духовные ориентиры в практике психологического консультирования (осужденных). Постановка проблемы / Д. В.

- Сочивко. – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2006. – № 2. – С. 23-31.
136. Старостин, С. А. Ресоциализация как одно из направлений уголовной и уголовно-исполнительной политики / С. А. Старостин. – Текст : непосредственный // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: проблемы формирования и реализации: тезисы международной научно-практической конференции (Вологда, 14-15 декабря 2006 г.): в 2 ч. – Вологда, 2006. – Ч. 1. – С. 58-65.
137. Степанюк, А. Ф. Исполнение наказания в виде лишения свободы и особенности постпенитенциарной адаптации освобожденных: учебное пособие / А. Ф. Степанюк, В. М. Трубников. – Киев: УМК ВО, 1992. – С. 3-5. – Текст : непосредственный.
138. Стручков, Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части / Н. А. Стручков. – Москва: Юридическая литература, 1984. – С. 161. – Текст : непосредственный.
139. Стуканов, В. Г. Методические основы исправительной коррекции личности осужденных за корыстные преступления: учеб пособие / В. Г. Стуканов; под общей редакцией С. А. Кадушкина. – Минск: КИН МВД Республики Беларусь, 1999. – С. 26–29. – Текст : непосредственный.
140. Сысоев, А. М. Зарубежный опыт по реализации пенитенциарных программ дерадикализации экстремистов с применением основ традиционных вероучений / А. М. Сысоев, Т. Е. Аболмасова. – Текст : непосредственный // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 3. – С. 48-52.
141. Сысоев, А. М. К вопросу типологизации личности осужденного-экстремиста / А. М. Сысоев. – Текст : непосредственный // Уголовно-исправительное право. – 2008. – № 2 (6). – С. 36-38.
142. Сысоев, А. М. О типологизации личности осужденного-экстремиста / А. М. Сысоев. – Текст : непосредственный // Проблемы борьбы с

- преступностью и подготовки кадров для органов внутренних Республики Беларусь: тезисы и доклады международной научно-практической конференции, посвященной Дню белорусской науки (Минск, 25 января 2008 г.) / Министерство внутренних дел Республики Беларусь; Академия МВД Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2008. – С. 270–271.
143. Сысоев, А. М. Особенности процесса радикализации осужденных в условиях лишения свободы и пути его предупреждения / А. М. Сысоев. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 3. – С. 13-18.
144. Сысоев, А. М. Характеристика исламской радикализации осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации / А. М. Сысоев. – Текст : непосредственный // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 1. – С. 92-95.
145. Темаев, Т. В. Роль дома-интернета в ресоциализации бывших осужденных пожилого возраста / Т. В. Темаев, И. В. Темаева, А. Г. Финанева. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 2 (16). – С. 103-115.
146. Тимофеева, Е. А. Проблемы противодействия экстремизму и религиозному радикализму в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран / Е. А. Тимофеева, М. А. Яворский. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3 (25). – С. 57-62.
147. Томшина, О. «Нетрадиционные» мусульмане в российском мегаполисе: между рациональностью и иррациональностью (Часть 1) / О. Томшина, Д. Гараев. – Текст : электронный // Исламский портал: оперативно о вечном : [сайт]. – URL : www.islam-portal.ru/communication/stat/100/2098/. – Дата публикации : 23 мая 2011.

148. Тулегенов, В. В. Криминогенные особенности радикального ислама и их значение в детерминации пенитенциарных правонарушений / В. В. Тулегенов. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 2 (5). – С. 169-173.
149. Тумаров, К. С. Ресоциализация осужденных в пенитенциарном учреждении в условиях современной России : специальность 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / К. С. Тумаров; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.
150. Усманов, И. М. Исламская радикализация осужденных к лишению свободы - миф или реальность? / И. М. Усманов. – Текст : непосредственный // Право и безопасность. – 2014. – № 2. – С. 52-55.
151. Уткин, В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность / В. А. Уткин. – Текст : непосредственный // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 75-80.
152. Ушков, Ф. И. Развитие психологической службы УИС, как необходимое условие эффективной ресоциализации осужденных / Ф. И. Ушков, А. Н. Михайлов. – Текст : непосредственный // Институт ресоциализации осужденных: состояние, проблемы и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (26-27 октября 2017 г.). – 2017. – С. 256-260.
153. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ. – Текст : электронный // ЗАКОНЫ, КОДЕКСЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-23062016-n-182-fz-ob/>

154. Федорова, Е. М. Профессиональная подготовка сотрудников исправительных учреждений к работе с осужденными за экстремистскую деятельность / Федорова Е.М., Бовин Б.Г., Донскова Н.В. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 5 (124). – С. 93-98.
155. Фолиева, Т. А. Религиозная социализация: понятия и проблемы / Т. А. Фолиева. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1-2. – С. 205-212.
156. Фомин, Н. С. Теория и методика социально-педагогической поддержки осужденных в процессе их ресоциализации: 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (социальная работа)" : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Н. С. Фомин; Институт социально-педагогических проблем сельской школы Российской академии образования. – Москва, 2005. – Текст : непосредственный.
157. Фрейд, З. Очерк психоанализа / З. Фрейд. – Текст : электронный // PSYCHOANALYSIS/ ПСИХОАНАЛИЗ : [сайт]. – URL: <https://psychoanalysis.pro/857/freyd-z-ocherk-psihoanaliza> (дата обращения: 25.06.2015)
158. Фролова, Е. В Ростове посчитали мусульман, националистов и атеистов / Е. Фролова. – Текст : электронный // 161RU : [сайт]. – URL: <https://161.ru/text/gorod/65234741/>. – Дата публикации : 06.09.2018.
159. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; перевод с французского В. Наумова. – Москва: «AdMarginem», 1999. – 480 с. – Текст : непосредственный.

160. Хакимова, Э. А. Конфессиональные практики социальной помощи в мусульманских организациях / Э. А. Хакимова. – Текст : непосредственный // Бакалавр. – 2018. – № 11-12 (35-36). – С. 20-24.
161. Хан, И. Мусульмане лидируют по числу политзаключенных в РФ / И. Хан. – Текст : электронный // Голос Ислама.RU. : [сайт] – URL: <https://golosislama.com/news.php?id=31258>. – Дата публикации: 21 февраля 2017.
162. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы : по материалам исследований 2009-2010 годов. – Текст : непосредственный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 5 (108). – С. 25-33.
163. Хацац, А. А. Ресоциализация женщин в исправительном учреждении и последующая социокультурная адаптация в обществе : специальность 22.00.06 "Социология культуры": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / А. А. Хацац; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2012. – 27 с. – Текст : непосредственный.
164. Центр для бывших экзков в Востряково. – Текст : электронный // Русь сидящая : [сайт] – URL: <https://zekovnet.ru/tsentr-dlya-byvshih-zekov-v-vostryakovo-fotogalereya/>. – Дата публикации: 28.05.2015.
165. Челябинская область вошла в топ-5 регионов по количеству преступлений. – Текст : электронный // Коммерсантъ : [сайт] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4234260>. – Дата публикации: 05.05.2019.
166. Челябинские противники мечети обеспокоены исламизацией общества. – Текст : электронный // ISLAMNEWS : информационное агентство России: [сайт] – URL : <https://islamnews.ru/news-Cheljabinskije-protivniki-mecheti-obespokoeny-islamizaciej-obshhestva>. – Дата публикации: 17.04.2013

167. Чернышева, А. В. Ресоциализация осужденных женщин, освобожденных из исправительно-трудовых колоний: правовые и организационные вопросы: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. В. Чернышева ; Академия МВД СССР. – Москва, 1990. – С. 15. – Текст : непосредственный.
168. Чернышева, А. В. Теоретическая характеристика основных положений ресоциализации осужденных в ИТУ / А. В. Чернышева, В.И. Дробышев // Правовые и организационные основы функционирования органов, исполняющих наказания: труды Академии МВД РФ. – Москва, 1995. – С.126-130. – Текст : непосредственный.
169. Чеснокова, В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX в. / В. Ф. Чеснокова. – Москва: Академический Проект, 2005. – 297 с. – Текст : непосредственный.
170. Численность русских в Москве уступает количеству мусульман. – Текст : электронный // Достоверно NEWS : [сайт] – URL : https://dos-news.com/lenta_novostei/chislennost-russkix-v-moskve-ustupaet-kolichestvu-musulman.html. – Дата публикации: 07.05.2017.
171. Шалыгин, В. В. Реализация права на свободу совести и вероисповедания как один из факторов исправления осужденных / В. В. Шалыгин. – Текст : непосредственный // Человек: преступление и наказание. – 2006. – № 1. – С. 21-25.
172. Шамсунов, С. Х. Проблемы ресоциализации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, в современной России / С. Х. Шамсунов. – Текст : непосредственный // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию со дня создания образовательной организации, Пермь 2 - 4 апреля 2020 г. / составитель

- В. А. Овченков. – Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 135-137.
173. Шевченко, А. М. Социокультурная обусловленность ресоциализации дезадаптантов и девиантов в процессе общественных изменений : специальность 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / А. М. Шевченко ; Ростовский государственный педагогический университет. – Ростов-на-Дону, 2004. – 46 с. – Текст : непосредственный.
174. Sherkat, D. Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency / D. Sherkat // Handbook of the sociology of religion. – Cambridge, U.K.; N.Y.: Cambridge University Press, 2003. – P. 151–163.
175. Ширижик, Л. Старшие по мечети. Мусульмане в тюрьмах живут по своим законам. Воры им не власть / Л. Ширижик. – Текст : электронный // LENTA. RU : [сайт]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2018/04/16/green/>. – Дата публикации: 16.04.2018.
176. Шкунова, М. Д. Основные проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных-террористов / М. Д. Шкунова. – Текст : непосредственный // Уголовно-исполнительное право. – 2010. – № 2. – С. 45-47.
177. Шмаров, И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания : проблемы социальной адаптации / И. В. Шмаров. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 136 с. – Текст : непосредственный.
178. Юдина, Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления / Т. Н. Юдина; Московский государственный социальный университет. – Москва : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2004. – С. 183. – Текст : непосредственный.

179. Южанин, В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве / В. Е. Южанин. – Рязань : РВШ МВД России, 1992. – 136 с. – Текст : непосредственный.

**Анкеты для проведения опроса сотрудников исправительных
учреждений**

**1. Первоочередными задачами в области ресоциализации осужденных
к лишению свободы являются:**

- 1) развитие самостоятельности осужденных
- 2) решение социальных, бытовых проблем осужденных в период отбывания наказания
- 3) содействие социальной адаптации и реадaptации осужденных в обществе
- 4) Другое

**2. Что в наибольшей мере влияет на эффективность процесса
исправления осужденных?**

- 1) общественное воздействие
- 2) режим
- 3) религия
- 4) профессиональное обучение, повышение квалификации и проч.
- 5) привлечение к воспитательной работе родных и близких осужденного
- 6) общественно полезный труд
- 7) другое

**3. Кто / что оказывает наибольшее содействие в организации и
проведении воспитательной работы с осужденными?**

- 1) другие осужденные
- 2) родственники осужденных
- 3) работники органов социальной защиты
- 4) правозащитные органы
- 5) администрация города, посёлка
- 6) администрации организаций и трудовые коллективы

- 7) правоохранительные органы
- 8) религиозные организации, священнослужители
- 9) учителя школ, педагоги (мастера) производственного обучения, работающие в ИУ
- 10) общественные организации
- 11) медработники, работающие в ИУ
- 12) иные лица или организации

4. Оцените, пожалуйста, уровень взаимодействия между ИУ и органами социальной защиты населения, общественными организациями в деле ресоциализации осужденных, их адаптации к жизни после освобождения»

- 1) взаимодействие, в целом, продуктивно
- 2) взаимодействие есть, но малопродуктивно
- 3) взаимодействие, есть, но чаще оно мешает
- 4) такое взаимодействие практически отсутствует

5. Исходя из Вашего личного опыта, оцените, что в большей степени создает препятствия для эффективной воспитательно-профилактической работы с осужденными?

- 1) неуккомплектованность исправительного учреждения кадрами
- 2) превышение лимитов содержания лиц, отбывающих наказание в ИУ
- 3) национальные, этнокультурные особенности конкретных заключенных
- 4) отсутствие помощи, поддержки со стороны родственников, администрации организаций и трудовых коллективов осужденных
- 5) отсутствие достаточного уровня профессиональной, психолого-педагогической подготовки сотрудников ИУ для работы с осужденными лицами
- 6) неблагоприятная ситуация в среде самих заключенных
- 7) другое

6. Какие организации регионального и местного уровня, преимущественно, оказывают помощь лицам, освободившимся из исправительного учреждения?

- 1) затрудняюсь ответить
- 2) учреждения социального обслуживания населения
- 3) общественные организации
- 4) благотворительные организации
- 5) службы занятости населения
- 6) органы местного самоуправления
- 7) религиозные организации и объединения
- 8) этнические диаспоры, существующие в регионе (какие?)
- 9) другие

7. Наиболее эффективные организационные формы проведения воспитательной работы с мужчинами-мусульманами

- 1) индивидуальная работа
- 2) с группой из осужденных определённой национальности
- 3) работа с малой группой
- 4) работа с группой осуждённых с одной определённой территории

Приложение Б.

Анкета для проведения опроса с осужденными

1. С какими проблемами Вы столкнулись в процессе отбывания наказания:

- 1) трудности в общении с представителями администрации ИУ
- 2) потеря связи с родственниками
- 3) отсутствие работы / занятости в ИУ
- 4) трудности в общении с другими заключенными
- 5) «отвычка» от жизни за пределами ИУ

2. Что Вы постараетесь сделать после освобождения в первую очередь?

- 1) вернуться домой, поселиться на старом месте жительства
- 2) создать семью
- 3) уехать на новое место жительства
- 4) вначале – просто отдохнуть некоторое время
- 5) восстановить отношения с семьей, родственниками
- 6) найти какую-нибудь работу по найму
- 7) наладить связь с местной религиозной общиной
- 8) найти интересную, интересующую меня работу
- 9) найти хорошо оплачиваемую работу
- 10) открыть своё дело, заняться бизнесом
- 11) пойти учиться, повысить образовательный или профессиональный уровень
- 12) постараюсь найти людей, разделяющих мои интересы
- 13) другое
- 14) пока сложно сказать. Освобожусь, а там – посмотрим

5. Какое содействие, какие виды помощи Вам могут потребоваться после освобождения?

- 1) материальная

- 2) финансовая (денежная)
- 3) в поиске работы
- 4) моральная поддержка на первом этапе работы после трудоустройства
- 5) в решении жилищных проблем
- 6) медицинская помощь
- 7) в восстановлении отношений с Вашими детьми (если у Вас есть дети) –
- 8) в восстановлении отношений с другими родственниками
- 9) в профессиональной подготовке
- 10) другое

6. Укажите, к кому Вы, скорее всего, обратитесь за помощью после освобождения?

- 1) в специализированное гос. учреждение
- 2) в соответствующую общественную организацию
- 3) к родственникам, к знакомым
- 4) к землякам
- 5) в мечеть, в церковь, в религиозную общину
- 6) буду решать проблемы самостоятельно
- 7) другое

16. Откуда Вы родом?

- 1) из сельской местности
- 2) из ПГТ, малого / средн. города
- 3) из большого города

17. А где Вы проживали непосредственно перед тем, как были осуждены?

- 1) в сельской местности
- 3) в ПГТ, малом/среднем городе
- 2) в большом городе

21. Наиболее эффективные организационные формы проведения воспитательно-профилактической работы с мужчинами-мусульманами

- 1) индивидуальная работа
- 2) с группой из осужденных определённой национальности
- 3) работа с малой группой
- 4) работа с группой осуждённых с одной определённой территории

26. Считаете ли Вы себя верующим человеком?

- 1) нет, я не считаю себя верующим человеком
- 2) да, я верующий человек

27. Если «да», то к какой религии Вы себя относите?

- 1) Ислам
- 2) Православие
- 3) Другая религия
- 4) Не верующий

28. Укажите Ваш возраст:

- 1) до 25 лет
- 2) 26-30 лет
- 3) 31-38 лет
- 4) 39-45 лет
- 5) 46-55 лет
- 6) 56 лет и старше

29. Ваш пол:

- 1) мужской
- 2) женский

Приложение В

Гайд интервью с представителями мусульманского духовенства

Уважаемый _____

Я обратился к Вам как к человеку, в течение многих лет наставляющему людей на путь праведной жизни и в этом деле сталкивающемуся с самыми разными людьми. Среди тех, кого Вам волей Всевышнего приходилось поддерживать, наверное, встречались и те, кто возвращался к обычной жизни после заключения в местах лишения свободы. У большинства из них возникали проблемы с адаптацией к жизни в большом городе. Могли бы Вы поделиться своим опытом работы с такими людьми?

И если это возможно, то я попросил бы Вас акцентировать внимание на том, как имам или как религиозная община, сложившаяся при мечети, могут способствовать ресоциализации людей, возвращающихся к обычной жизни в первые год-два после прибытия из мест заключения. Ведь считается, что такой человек, находясь в местах лишения свободы, в какой-то мере утрачивает свою способность выполнять некоторые социокультурные роли, характерные для обычного, не «сидевшего» гражданина. Вот про значение и возможности духовного наставника, духовного наставничества в деле восстановления социокультурных ролей, утраченных человеком в период заключения и возвращения его в обычное общество к нормальной жизни, я и попросил бы Вас рассказать.

(При этом предполагается, что роль – это совокупность действий или функций, исполнение которых ожидается от человека в связи с тем, что он занимает определенное положение в группе или обществе, т.е. в связи с тем, что он обладает определенным статусом).

● Блок 1. Если говорить «в общем» о представителях мусульманской культуры, вернувшихся из мест заключения, то **какими они приходят после заключения?**

1 – Как такие люди себя воспринимают:

1.1 - «героями» (т.е. людьми бывалыми, заранее достойными уважения только потому, что отсидели и т.п.);

1.2 - людьми потерянными, «чужими» в этом городе, не ориентирующимися в «мирной» (как говорится) жизни;

1.3 - такими же, как и все прочие жители города.

2 – Как воспринимают таких людей окружающие москвичи:

2.1 - как чужаков или как своих;

2.2 - существует ли такое явление в среде обывателей, как «клеймо уголовника», мешающее такому человеку образовывать социальные связи?

2.3 - а для среды мусульман насколько это (см. предыдущие пункты 2.1 и 2.2) характерно по отношению к представителям мусульманской культуры, вернувшимся из мест заключения?

3 – А какие, на Ваш взгляд, типы освободившихся из мест заключения можно выделить?

4 – С какими проблемами вернувшиеся из мест заключения к Вам (или к лидерам религиозной общины при мечети) чаще всего обращаются?

● Блок 2. Про **восстановление социокультурных ролей.**

5 – Есть/нет такое явление, как утрата социокультурных ролей человеком, вышедшим из заключения? (Интервьюеру: напоминание о том, как понимаются социокультурные роли, дано в конце вводной части)

6 – Если есть, то насколько часто оно проявляется (по Вашему мнению, исходя из Вашего опыта).

7 – Как Вы считаете, какие роли из ролей (т.е. выполнение каких действий или же функций в социуме) наиболее значимы для человека, для его нормального существования в социальной среде большого города?

8 – А какие роли из тех ролей (т.е. выполнение каких действий или же функций в социуме), что наиболее значимы для человека, для его нормального существования в социальной среде большого города, чаще всего утрачиваются теми, кто освобождается из заключения? То есть, другими словами, что такой человек перестает уметь делать, взаимодействуя с другими людьми, с окружающими, с представителями органов власти, с работниками ЖКХ, медработниками, соседями, в магазинах, с работодателями и т.п.? В чем из таких действий он испытывает наибольшие затруднения?

● Блок 3. Роль (возможности; помощь) имама и общины; проблемы

9 – Вы могли бы сказать, чем в основном может помочь имам бывшему заключенному в деле адаптации к условиям жизни на свободе в большом городе? Может быть, с разделением на типы, о которых говорили выше? (*Интервьюеру:* см. вопрос 3)

10 – А чем, на Ваш взгляд, может помочь религиозная община, существующая при мечети, бывшему заключенному в деле адаптации к условиям жизни на свободе в большом городе? Может быть, также с разделением на типы, о которых говорили выше (*Интервьюеру:* см. вопрос 3)

11 – А есть ли какие-нибудь различия, связанные с адаптацией к нормальной жизни в городе, или ресоциализацией между верующими и не верующими представителями мусульманской культуры?

И – последний вопрос.

12 – Какие проблемы, мешающие адаптации и/или ресоциализации освободившихся из мест лишения свободы мусульман, на Ваш взгляд, наиболее значимы?

Благодарю Вас за уделенное время и оказанную помощь в работе.

Текст анкеты для освободившихся из мест лишения свободы

(с процентным распределением ответов,
где 1-е значение – москвичи, 2-е – приезжие)

1. Как давно Вы проживаете в Москве или ближнем Подмосковье?

Количество _____ полных лет _____ мес.

2. В какую социальную среду Вам удалось влиться, когда Вы появились в Москве сразу после освобождения?

1. В коллектив по месту работы
2. В общины, организованные по признаку этнической и религиозной принадлежности, сложившиеся при мечетях или просто национальные землячества
3. Присоединился к уже проживавшим в Москве моим родственникам или бывшим земляки-односельчанам
4. Влился в неформальную группу бывших осужденных, работающую при какой-либо общественной организации (фонде и т.п.)
5. Близко сошелся с членами сообщества по месту жительства (жителями моего двора, дома, микрорайона и т.п.)
6. Никуда не влился, по сути, так и остался одиночкой
7. Присоединился к находящейся в Москве группе лиц, также отбывших сроки заключения
8. Другое (укажите)

3. Как быстро Вы присоединились к этой группе, к этим людям?

Сколько времени Вам потребовалось на это?

1. Практически сразу же
2. Не более 6 месяцев
3. От 7 месяцев до 1 года

4. Более 1 года, но менее полутора лет
5. Более полутора лет, но не более 2 лет
6. Не к кому не присоединился

4. Расскажите о своих жизненных планах на ближайшие 5 лет:

1. Имею желание, заработав деньги и/или сделав различные по величине накопления, покинуть Москву с тем, чтобы переселиться в другие регионы России или страны
2. Останусь в Москве и буду жить здесь среди моих земляков
3. Останусь в Москве и буду таким же, как все коренные москвичи
4. Еще не определился

Благодарю Вас за участие в опросе и помощь в работе!